

І С Т О Р І Я І П О Л І Т О Л О Г І Я

ББК Т1(4 Укр)

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ

Р.Д.Лях, Н.Р.Темірова

З початку 1990-х років розпочався новий етап у вивченні історії України, обумовлений змінами суспільно-політичного характеру. Утвердження незалежності України дало помітний імпульс розвитку історичної науки, сприяло її звільненню від стереотипів минулого, що дозволило по-новому осмислити історію українського народу. Ціла низка проблем, що висвітлювались тенденційно або взагалі випали з поля зору вчених, досліджуються сучасними вченими. На основі розширення джерельної бази та доступу до літератури поступово заповнюються прогалини в історії України. Вимальовується кілька напрямків наукового пошуку.

Перш за все це методологія наукового дослідження. Серед загальноісторичної тематики проблеми методології найменш розроблені. Характеризуючи стан сучасної історичної науки в Україні як кризовий, перш за все треба мати на увазі кризу методології. Характерною рисою радянської науки була єдина для всіх науковців методологічна база, основу якої становили положення марксизму-ленізму та документи КПРС. Партійними органами диктувалась проблематика, коло джерел, висновки наукових досліджень. Оцінки подій, явищ, процесів підганялися під ідеологічні штампи, на які були багаті партійні документи. Подібний підхід значно звужував коло досліджуваних проблем, залишаючи поза увагою науковців цілі пласти в історії нашого народу, надавав історичному знанню упередженості та необ'єктивності. Зараз стала очевидною обмеженість марксистсько-ленінської методології, хибність багатьох її постулатів (про класову боротьбу як рушійну силу історичного процесу, про перемогу соціалістичної революції та неминучість побудови соціалізму у світі тощо). Заперечується і формаційний принцип поділу історії на періоди. Натомість пропонуються інші, як наприклад, цивілізаційний. Але поняття цивілізації надто широке і на сьогодні не існує усталеного визначення його, тому цей принцип також не може претендувати на абсолютність. Очевидно, правомірно поєднувати обидва підходи. Серед інших історіософських проблем, що потребують уваги науковців, слід зазначити співвідношення закономірності й випадковості в історії, визначення рушійних сил історичного процесу, роль особистості й народу в історії тощо.

До теоритичних проблем також відноситься періодизація історії України. Тривалий час історія України розглядалась виключно як частина історії Радянського Союзу, фактично ж підмінялась історією Росії з незначними вкрапленнями з минулого України такими як Запорізька Січ, Визвольна війна, Переяславська рада, деякими іншими. Періодизація її історії була тісно прив'язана до загальноросійської. В її основу покладался формаційний принцип, підґрунтя якого становив класовий підхід, орієнтація на антагонізми. Виводячи український народ на історичну арену в XIV ст., радянська наука залишила його без початку історії. Зараз в основу її періодизації більшістю дослідників покладається державницький принцип. З огляду на це виділяють такі періоди в минулому українського народу: давня історія, князівський період, литовсько-польський, Визвольна війна та козацька держава, Україна в складі Російської та Австрійської імперій, національно-демократична

революція, радянський період, період незалежності. У відповідності до них окреслимо деякі нагальні проблеми історії України.

Давня історія знайомить з початком історії людства на терені нашої держави, простежує витoki українського народу. Актуальною залишається проблема походження слов'ян, а саме час виникнення, територія їх розселення, причини поділу їх на три групи. Територія сучасної України опинилася в центрі «великого переселення народів». Доля кочовиків була однаковою: на певний час вони закріплювалися в причорноморсько-приазовських степах, створювали свої державні об'єднання, потім витіснялися могутнішими племенами. В результаті на терені України відбувалося переміщення народів, їхніх фізичних ознак, культур, звичаїв. Складалась основа для формування в подальшому українського народу. Цікавим є питання про взаємовпливи слов'янського населення, кочовиків та грецьких колоністів.

В IX ст. сформувалась держава східних слов'ян Київська Русь. Радянська історіографія відносила Київську Русь виключно на рахунок російської історії. В той час як значна частина її займала територію сучасної України, а її історія – частина історії України. Історія Київської держави вивчалась протягом XX ст. досить ретельно. На сьогодні їй присвячено ряд спеціальних досліджень [1]. Проте деякі проблеми залишаються дискусійними. Наприклад, рівень розвитку феодальних відносин. Очевидно не варто перебільшувати їхній вплив на внутрішні процеси. Дискусійною залишається й проблема етнічного розвитку Київської Русі. В радянській історіографії пануючою була точка зору про наявність на терені Київської Русі єдиної давньоруської народності. Ця теза активно розроблялася в руслі іншої теорії про складання спільності під назвою «радянський народ» і була спробою провести відповідні історичні паралелі. Формування ж етносу – тривалий процес, що охоплює кілька століть. Етнічний склад Давньоруської держави був строкатим: крім слов'янського населення до неї входило понад 20 неслов'янських племен. Крім того, глибокі розбіжності простежувались між північною й південною групами східних слов'ян. Формування державності у них відбувалось одночасно. В 80-х роках IX ст. північне й південне державні утворення східних слов'ян злилися в єдину державу. Але підпорядкування східнослов'янських племен Києву не призвело до механічного об'єднання їх в одну етнічну спільність. Водночас держава суттєво впливала на еволюцію етнічних процесів у давньоруському суспільстві. Фактором, що сприяв нівелюванню племенних розбіжностей, було запровадження єдиної системи релігійних вірувань. З початком політичного роздроблення Русі поглибився процес самостійного розвитку окремих земель. Не дивлячись на досить пильну увагу дослідників до історії Київської Русі, деякі її аспекти залишаються не достатньо висвітленими. Серед них – характер Давньоруської держави, міжнародні зв'язки, соціально-економічний розвиток князівств в період політичного роздроблення.

З інших позицій доцільно поглянути на монголо-татарську навалу та її наслідки. Не відповідає тогочасним реаліям розповсюджена в радянській історіографії теза про повне запустіння території України внаслідок навали. Дійсно, степова зона перебувала під впливом монголо-татар. Але на північ та північному заході, куди населення змушено відійшло, розвивалось господарство, засновувались нові поселення. Завоювання монголо-татар, як і будь-яке нашествя, було трагедією для населення, проте були й певні позитивні наслідки. Наприклад, зміцнення становища місцевих князів. З ярликом на князювання фактично одержував покровительство з боку золотоординського хана. Зокрема, Данилу Галицькому вдалось таким чином дещо вгамувати боярську опозицію й укріпитися в Галицько-Волинському князівстві.

Практично повністю з поля зору дослідників випала литовська доба в історії України. Це зумовлено розривом зв'язків між українськими землями, порушенням етнічної спадковості, занепадом традиції літописання внаслідок монголо-татарської навали. В результаті в наявних джерелах відсутня докладна інформація про події на українських землях другої половини XIV ст. – I половини XVII ст. Проте вивчення процесів, що відбувалися в цей період, має неабияке значення для з'ясування чинників Визвольної війни, визначення характеру стосунків з Польщею, Росією, Австро-Угорщиною, Туреччиною та іншими державами, причин незавершеності державо-творчих процесів тощо. Особливої уваги потребують такі проблеми: причини занепаду державності на українських землях; рівень соціально-економічного розвитку; причини та етапи входження до складу Великого князівства Литовського та інших сусідніх держав; правове становище українських земель; рівень добробуту населення; етнічні процеси на українських землях та інші. Для дослідження литовсько-польської доби в історії України варто звернутися до джерел, що зберігаються в архівах тих країн, з якими в той час був пов'язаний український народ.

Наступний пласт проблем пов'язаний з українським козацтвом. Його історія посідала чільне місце в історіографії XIX-початку XX ст. За радянського періоду її розробка скоротилась до двох-трьох прізвищ, припинилась видавнича робота, перервалися міжнародні наукові зв'язки в цій галузі. Своєрідним поштовхом до поживавлення інтересу стало 500-річчя запорізького козацтва. Нові підходи стосуються перш за все попередників українських козаків, їхнього генетичного зв'язку з мешканцями південноукраїнських степів, починаючи з XI ст. Важливим питанням є причини виникнення козацтва. В цьому контексті необхідно детальніше проаналізувати так звану «уходницьку» теорію. Широкий резонанс отримало дослідження політичної історії Запоріжжя. В XVI-XVII ст. Запорізька Січ як військово-політичне утворення, з огляду на специфіку ситуації виконувала роль державного об'єднання. Основна маса української шляхти, покатоличившись та попольщившись, віддалилася від національних інтересів. За такої ситуації провідна роль в суспільно-політичному житті перейшла до козацтва. В умовах, коли українське панство, влившись до складу привілейованих станів Речі Посполитої, не ставили питання про утворення національної держави, боротьбу за незалежність очолило козацтво. В історичній науці формується образ унікального державного утворення, основну масу якого становили вільні жителі міст і сіл. ст. Не дивлячись на певні успіхи, залишається цілий пласт невивчених аспектів історії запорожців. Перш за все це проблема витоків козацтва. Необхідно дослідити комплекс причин, а також питання про попередників козаків, якими деякі вчені вважають населення українських степів XII-XIV ст. Цікаві дані дасть аналіз соціального, національного складу козацтва. Необхідно звернутися й до соціальної суті козацтва. Його потенціал не обмежувався лише традиційним укладом, а й представляв нові тенденції в розвитку суспільства, пов'язані із зародженням буржуазних відносин. З огляду на це слід звернути увагу і на характер козацького господарства, на організацію козацького зимівника. Малодослідженою, але актуальною є участь козацтва в колонізації Південної України, функціонування козацьких паланок у XVIII ст. Заслужовує на увагу аналіз типологічних рис Запорізького, Донського, Уральського козацтва. Цікаво дослідити основні риси козацького менталітету та його вплив на формування національної свідомості українців.

Самостійну проблему становить дослідження Визвольної війни українського народу. Спрямована проти чужоземних поневолювачів в момент її найвищого успіху була створена українська національна держава з усіма необхідними атрибутами.

Розгляд цього явища в контексті синхронних рухів у Західній Європі дозволив деяким дослідникам кваліфікувати його як національну революцію [2]. Остаточного схвалити чи заперечити такий підхід дозволить ґрунтовний аналіз та порівняння революцій в Англії та Нідерландах з подіями середини XVII ст. на території України.

Група проблем пов'язана з українським національним відродженням кінця XVIII-початку XX ст. На сьогодні це поняття міцно увійшло в науковий обіг. Але розробка проблеми перебуває поки що на початковому етапі. Більшість дослідників витоки українського Відродження відносять до кінця XVIII ст. [3]. Але можливо доцільно відсунути його зародження до кінця XVII ст. Підставою до цього можуть служити козацькі літописи цього періоду. Розпочавшись в сфері культури, національне відродження поширилось і на поле громадського й політичного життя. Кирило-Мефодіївське братство, хлопоманівський рух, громади, політичні партії – складові цього явища. В ході відродження духовного життя на українських землях формувалась національна ідея, що стала підґрунтям для національно-визвольного руху другої половини XIX – початку XX ст. Визначення причин духовного пробудження, його рушійних сил, впливу на суспільну думку легендарної «Історії русів», вивчення діяльності перших університетів, специфіки формування української літературної мови та інші аспекти проблеми чекають своїх дослідників. Особливість формування нації полягала в тому, що цей процес відбувався в умовах розчленування українських земель, у відповідь на посилення національного гноблення з боку імперських урядів.

Національний рух на Україні досяг критичної межі на початку XX ст. Поштовхом до його піднесення стало повалення самодержавства. Лютнева революція дала імпульс національно-визвольному руху на Україні, надала українському народові шанс самостійного визначення власної долі. Українська національно-демократична революція, чи не найяскравіша подія XX ст. для нашої країни, в своєму розвитку, як і кожне історичне явище, пройшла кілька етапів. Отже, нагальним завданням є встановлення чіткої періодизації цих подій, що дозволить дослідити еволюцію ідейних орієнтирів, політичних та економічних заходів лідерів революційного руху. У вирі революційного руху з'явилася Центральна Рада. Її лідери прагнули надати революційним перетворенням національного характеру. Серед завдань, що стояли на порядку денному, було формування української державності та демократичні перетворення в галузі економіки, суспільних відносин. Реалізувати їх планувалося в межах федерації з демократичною Росією. При цьому лідери Центральної Ради розраховували на демократичні перетворення в межах всієї Росії. Особливої уваги науковців потребують особистості видатних діячів національної революції: В.Винниченка, А.Ніковського, В.Мазуренка, П.Христюка та інших. Формування цих особистостей, обставини, що привели до лав української революції, ідейна та політична еволюція лідерів українства дозволять розширити уявлення про характер подій цього періоду та причини незавершеності національного руху. Спеціально слід розглянути питання про рушійні сили української революції, про перегрупування їх в ході розвитку протирічливих процесів. Тут особливу увагу привертає соціальна база революції. Події 1917-1920 рр. доцільно аналізувати в контексті загальноєвропейських процесів. Адже в цей же час в Європі, окрім Російської, зазнали краху Австро-Угорська, Німецька імперії. Внаслідок цих подій багатьом європейським народам, на відміну від українського, вдалося створити національні держави. Порівняння загальної політичної атмосфери, розстановки політичних сил, стратегії й тактики лідерів національних рухів дозволить з'ясувати причини незавершеності української національної революції.

До кінця періоду революційних змагань Україна прийшла в стані руїни. Через військові дії та внаслідок необгрунтованої економічної політики більшовицького керівництва, скоротилися посівні площі та врожайність в сільському господарстві, була паралізована промисловість, спустіли міста. За таких умов більшовицьке керівництво запобігло до мілітаризації економіки шляхом створення Української Трудової армії. В перші місяці її функціонування відчувався позитивний ефект цього кроку, але згодом населення в знак протесту проти насильного залучення до роботи на підприємствах почало тікати з підприємств і міст. Дизертирство набуло масового характеру. На початку 1921 року Трудова армія була розпущена. Це явище потребує конкретного дослідження, оскільки розширює знання про характер більшовицької політики. При цьому треба мати на увазі, що створення Укртрударму її ідеологами розглядалось не як тимчасовий захід, а як основний спосіб організації виробництва.

Нова економічна політика мала на меті відбудову господарства через відродження економічної ініціативи населення та розширення внутрішнього споживчого ринку. Ця проблема набула особливого звучання в сучасних умовах. Будучи вимушеним заходом з боку радянського керівництва, НЕП за короткий період приніс позитивні зрушення в економіці, матеріальному добробуті населення. Водночас свобода підприємництва в ті роки не була повною. Політична обмеженість реформ епохи НЕПу обумовила швидку переорієнтацію на адміністративно-командні позиції.

Сучасними істориками вже зроблена переоцінка так званого «великого перелому» 1930-х років, коли, як раніше трактувалось, були закладені підвалини соціалістичної економіки [4]. В результаті була створена велика індустрія, зміцнилася військова могутність країни, але за рахунок надзвичайних людських жертв. Менше уваги науковцями приділяється змінам в становищі населення України, матеріальному, правовому, духовному. Необхідно показати, що радянська економіка формувалась на основі інтенсивної експлуатації населення державою. Це проявилось в зниженні загального життєвого рівня, в фактичному закріпаченні селянства, в поширенні єдиної державної ідеології тощо. Взагалі варто говорити про формування специфічного «радянського способу життя». Історія як галузь накових знань не обмежується описом окремих фактів чи явищ, а виходить на певний рівень узагальнень. Говорячи про наслідки тоталітаризму для українського народу, доцільно провести паралель з іншим прикладом тоталітарного режиму – фашистською Німеччиною. Порівняння ідейних та економічних витоків дозволить пильніше поглянути на природу тоталітаризму та спроекувати отримані висновки на проблеми сучасності.

Трагічною сторінкою в історії нашого народу став голодомор 1932-1933 років. Це явище протягом десятиліть замовчувалося в радянській історичній науці. Пріоритет у його вивченні належить зарубіжним дослідникам. Поштовхом до його дослідження стала постанова ЦК КПУ «Про голодомор на Україні та публікацію пов'язаних з ним документів», прийнята в січні 1990 р. В процесі вивчення явища викристалізувалось дві дискусійні проблеми. Перша – про причини голоду. Одні дослідники вважають це проявом геноциду, спрямованого проти українського народу; інші – наслідком авантюристичної політики радянського керівництва, яка практично зруйнувала село. Очевидно, істина на боці останніх, оскільки голод поширився не лише на Україну, а й на всі зернові райони Радянського Союзу. Наступна проблема – кількість жертв голодомору. Визначення масштабів людських втрат залежить від того, чи враховуються прямі демографічні втрати, чи й опосередковані. До того ж остаточну цифру важко встановити, оскільки в свідочтвах про смерть голод не вказувався як причина. Повні демографічні втрати, включаючи зниження народжуваності, сягали 5 млн. чоловік [5].

Ще однією трагічною сторінкою для українського народу стала Друга світова війна. Ситуація ускладнювалась тим, що фактично на терені України точилася братовбивча війна. Українство виявилось розколотим: частина виступила в лавах Червоної Армії, частина – під проводом ОУН-УПА. Війна завдала руйнації. Але якщо про матеріальні й людські збитки сказано науковцями немало [6], то про психологічні збитки майже не говориться. Вимагає перегляду історія підпілля та партизанського руху на українських землях під час другої світової війни. Необхідно відійти від надмірної ідеалізації цього явища, від штучної героїзації окремих його учасників і дати реальну картину руху Опору на українських землях.

В історії України другої половини ХХ ст. особливої уваги потребує з'ясування причин поширення неосталінізму, приреченості «відлиги» в суспільстві, дисидентський рух тощо. Об'єктивної оцінки потребує широко розрекламована національна політика радянського керівництва, в дійсності спрямована на нівелювання національних особливостей. Конституція Радянського Союзу 1977 року декларувала створення нової історичної спільності – радянського народу, що означало відмову від національної політики взагалі. В межах Радянського Союзу сформувався особливий «радянський спосіб життя», що характеризувався цілим рядом специфічних ознак: формальним ставленням до праці, прихованим соціальним розшаруванням, втратою сімейних цінностей тощо. Це явище потребує дослідження, тим більше, що деякі його риси зберігаються і до сьогодні.

Окремою галуззю історичної науки є історіографія. За радянських часів вона також піддалась політизації. Коло літератури, що вивчалася, визначалася партійними постановами, таким же шляхом диктувалися оцінка творчості окремих дослідників, їхніх наукових концепцій. За останні роки українському читачеві повернуті імена та праці десятків українських істориків. Проте теоритичні проблеми залишаються слабо розробленими. Перш за все необхідно розробити періодизацію історичної науки України. За радянських часів історична наука на Україні розглядалася виключно в контексті російської, а фактично підмінялась нею. До того ж знання про більшість українських істориків обмежувались тавруванням їх як буржуазних націоналістів. Поступово з'являються праці узагальнюючого характеру, серед яких монографії В.Кравченка, С.Стельмаха [7]. Подібного узагальнення вимагають всі періоди в історії історичної науки. Необхідно оцінити доробок радянських істориків, дослідників з діаспори. Потребують ширшого видання та вивчення твори М.Максимовича, Д.Яворницького, інших видатних дослідників минулого України. На сьогодні не завершено видання праці М.Грушевського «Історія України-Руси». Доцільно поставити питання про підготовку повного зібрання його творів.

Отже, сучасність відкрила перед дослідниками нові обрії. Творча свобода сприяє розширенню наукового пошуку в галузі історії України. Вивчення історіографічної спадщини, знайомство з джерелами та надбаннями світової науки дозволяє вийти на новий рівень узагальнень. У істориків з'явився шанс застосувати прогностичний принцип історичного знання, який французький філософ О.Конт сформулював таким чином: «Знати, щоб передбачати, і передбачати, щоб мати можливість діяти».

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена определению основных направлений научного поиска ученых в области истории Украины. Авторы проанализировали состояние изученности важ-

нейших проблем, среди которых методологические основы исследовательской работы; периодизация истории Украины; этническая принадлежность Киевской Руси; положение украинских земель в литовскую эпоху; современные акценты в истории запорожского казачества; периодизация и содержание украинского национального возрождения; особенности национального движения конца XIX-начала XX вв.; движущие силы и причины поражения украинской национальной революции начала XX в.; последствия тоталитаризма для Украины, а также историографические проблемы.

SUMMARY

The article is devoted to definition of main directions of scientific search in the sphere of the history of Ukraine. Authores analysed the condition of studying of most important problems? among them there are metodological principles of research work; the periodization of the history of Ukraine; the ethnitical belonging of Kievskaya Rus; the condition of Ukrainian territories at the litovskaya epoch; modern accents at the history of zaporozhskoe kazachestvo; the periodization and matter of the Ukrainian nation regeneration; the specific of the national movement of end of XIX – begining of XX cetntures; motive pover and causes of the defeat of the Ukraine national revolution of the begining of XX cetnture; consequence of totalitarizm for Ukraine; and also istoriographical problems.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Брайчевський М.Ю. Утвердження християнства на Русі. К., 1988; Моця О.П. Населення південно-руських земель IX – XIII ст. К., 1993; Рычка В.М. Формирование территории Киевской земли. К., 1988; Толочко П.П. Київська Русь. К., 1997, т.д.
2. Історія України. К., 1997. – С.77 – 113.
3. Капелер А. Структура українського національного руху в Російській імперії // Сучасність. – 1992. – Ч.7. – С.48-56; Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 1, К., 1992, т.д.
4. Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицький С.В. Сталінізм на Україні. К., 1991; Конквест Р. Жнива скорботи: Радянська колективізація і голодомор. К., 1993; Кульчицький С.В. Ціна «великого перелому». К., 1991; Шаповал Ю.І. Людина і система. К., 1994 і т.д.
5. Історія України. Нове бачення. К., 1996. – С.235.
6. Гунчак Т. Втрати українців під час Другої світової війни // Сучасність. – 1992. – Ч.7. – С.32-37; Коваль М.В. Трагедія і подвиг народу у війні 1941-1945 рр. // Сторінки історії України: XX століття. К., 1992. – С. 120-147 і т.д.
7. Кравченко В.В. Нариси з української історіографії епохи національного Відродження. Харків, 1996; Стельмах С. Історична думка в Україні XIX – початку XX століття. К., 1997.

Надійшла до редакції 23.03.98 р.

ББК ТЗ(4УКР)6р30

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИИ 90-х гг. XX в.

В.А.Носков

В статье рассматриваются такие вопросы, как обретение Украиной государственной независимости, развитие современной украинской нации, социально-экономические процессы.

Провозглашение независимости Украины 24 августа 1991 г. имело ряд особенностей по сравнению с аналогичными событиями во всемирной и отечественной истории. Одна из них обусловлена тем, что 19 – 21 августа произошло прямое столкновение между союзной и российской республиканской политическими элитами. Процесс постепенного перераспределения государственной власти в пользу союзных республик был прерван полной победой руководства самой крупной республики над союзным руководством. В результате этого голосования в Верховной Раде Украины происходило при фактическом отсутствии союзной власти, и акт о независимости поддержало подавляющее большинство народных депутатов, хотя оппозиционная Народная Рада имела лишь, примерно, сто голосов из четырехсотпятидесяти. Следовательно, фактический выход из состава СССР осуществила стоящая у власти республиканская политическая элита. Именно стечение благоприятных обстоятельств и наличие способной и стремящейся самостоятельно, без опеки Москвы, управлять республикой политической элиты сыграли решающую роль в превращении Украины в независимое государство.

Другие отличия обнаруживаются при сравнении с восстановлением украинского государства в середине XVII в. во главе с Богданом Хмельницким и в ходе Украинской революции 1917 – 1920 гг., когда происходили освобождение и гражданские войны, вооруженная интервенция. Современная независимость достигнута мирным путем. Следует также отметить, что в составе СССР Украина юридически являлась суверенным государством и обладала правом выхода из него. Она имела такие атрибуты государственности, как высшие законодательные органы, правительство, Конституцию, герб, флаг, гимн, административные границы, систему местных органов власти, управленческие кадры. В советское время осуществлялось объединение украинских земель, включая Западную Украину, Закарпатье, Северную Буковину и Крым. Украина вошла в число стран-победительниц фашистской Германии и стала одним из учредителей ООН. Ее относили к десяти наиболее промышленно развитых стран. Украина производила в год на душу населения тонну стали и тонну зерна, две трети советских космических ракет, лучшие в мире танки. Поэтому с первого же дня независимости она была зрелым, полным сил общественным организмом.

Возвращаясь к ранее высказанной мысли, нужно подчеркнуть, что не только при голосовании 24 августа, а вообще обретение независимости Украиной возглавили не оппозиционные, а стоящие у власти политические силы, осуществили практически те государственные структуры и те люди в них, которые сформировались в советское время, так что сегодняшняя Украина и в этом отношении вышла из советского общества, неся на себе все его плюсы и минусы.

Сложнее разобраться с тем, почему на референдуме 17 марта 1991 г. большинство принявших в нем участие жителей Украины высказалось за сохранение СССР, а первого декабря того же года 92% участвовавших в референдуме проголосовало в поддержку акта о независимости. Такое резкое изменение в настроениях масс по всей

вероятности было вызвано фактическим распадом к этому времени СССР. На результатах сказался и не совсем четко поставленный вопрос. Сыграло определенную роль пропагандистское обещание увеличить благодаря отделению в три раза реальную заработную плату. Позднее такой мотив называли «колбасной» и «желудочной психологией». Для достоверного ответа понадобятся дальнейшие конкретно исторические исследования. Но одно несомненно: большинство поддержало независимость, хотя массовое движение за самостоятельное государство отсутствовало, и выход из СССР был проведен «сверху». В целом же можно констатировать, что, как всегда и как везде, современное обретение Украиной независимости произошло крайне своеобразно.

Что касается развития современной украинской нации, то исходным представляется тезис о том, что обретение отдельного государства является конечным итогом украинского национального движения, реализации национальной идеи, базирующейся на этической основе. Благодаря тому, что это совершено «сверху» и мирным путем, не столь по национальным, сколько по социально-экономическим мотивам, в Украине не было характерного для многих победоносных национально-освободительных движений «превышения необходимой обороны» в виде поробошения других этносов внутри и вовне страны под флагом восстановления исторической справедливости или исключительности и мессианства собственного народа. Подавляющее большинство украинского народа, всех граждан Украины, официальные власти понимают, что обладание собственным государством – это демократический максимум в решении украинского национального вопроса и отвергают любой шовинизм, в том числе украинский, чреватый в крайних проявлениях этническими чистками.

Как самый многочисленный, украинский этнос дал стране имя и государственный язык. Других привелегий у него в демократическом обществе не может быть. В условиях государственной независимости в корне изменяется характер развития украинской нации. Она становится политической и полиэтнической. Академик П.Толочко отвергает термены «коренная нация», «права коренной нации». Отмечает, что с точки зрения истории украинцы для доброй половины своей территории окажутся не исконными. Далее он пишет: «При всем уважении к национально сознательному Западу мы должны понимать, что будущее Украины как развитой страны будет определяться космополитическими Югом и Востоком» [1]. Консолидация населения Украины в единую нацию возможна лишь при условии сохранения ее полиэтничности, без каких бы то ни было попыток всех превратить в украинцев. В идеале все должны стать сознательными гражданами Украины. В силу объективных причин современная украинская нация уже формируется не на основе этнической национальной идеи, а на принципах гражданского общества.

Наряду с политическими и социально-экономическими факторами консолидации нации реально в Украине существуют и языковые проблемы, отношение к которым неоднозначно, а порой диаметрально противоположно. Одни считают, что украинский язык, являющийся в соответствии со ст. 10 Конституции Украины государственным, должен внедряться жесткими административными методами, включая создание языковой полиции. Другие подчеркивают, что распространение украинского языка будет происходить естественным путем, под влиянием того, что административное вмешательство лишь навредит этому процессу. Истина, по всей вероятности, находится посередине. Украинский язык несомненно нуждается в государственной поддержке во всех сферах общественной жизни, но без применения методов «ковалерийской атаки».

По отношению к русскому языку существует мнение, что он для Украины такой же иностранный, как, скажем, английский. Это противоречит фактическому положе-

нию русского языка по целому ряду причин. Русские составляют 22% населения Украины и нередко проживают компактно в важнейших промышленных и городских центрах. Многие ученые отрицают утверждение о «чужеродности» в Украине русских, которые якобы являются проводниками русификации [2]. После ухода нагайцев степи на юге и востоке осваивали украинские и русские крестьяне и помещики. То же можно сказать о русских, поднимавших Донбасс и Криворожье в конце XIX – начале XX вв. Половина всех русских признают основой своей ментальности как русскую, так и украинскую культуру. Нельзя забывать и о многовековых связях Украины с Россией, о смешанных русско-украинских браках, большой украинской диаспоре в России, об особой роли русского языка во внешних сношениях со странами ближнего зарубежья. Социологические исследования показали, что 94% населения Украины составляют лингвистические группы, в том числе около 40% приходится на долю украиноязычных украинцев, 33-34% – русскоязычных украинцев и 21% – русскоязычных русских [2]. Многие политики, более 90% избирателей Донецкой области высказались за придание русскому языку статуса официального. Во всяком случае очевидно, что русскому языку принадлежит органическая роль в развитии современной украинской нации как государственной. Победа на президентских выборах 1994 г. Л.Кучмы в значительной мере, по общему мнению, связано с включением в его предвыборную платформу пункта о предании статуса официального русскому языку.

П.Толочко обращает внимание и на то, что национальная идея теперь категория не этническая, а государственно-политическая, и она должна быть близкой и понятной не только для этнических украинцев, но и для всех граждан Украины. Украинцы заняли то положение в республике, какое русские занимали в СССР [1]. М.Стриха предостерегает, что пренебрежение лингвистическими и региональными различиями, унификаторский подход будет иметь следствием разделение народа Украины не только по линии украинцы – русские, но и между самими этническими украинцами. Поэтому необходимо формировать нацию не только на основе подъема украинской культуры, но и поликультурности [2]. Часть американских ученых тоже подчеркивают, что решающим фактором будущего Украины является формирование государственной политической нации. Иначе ее ждет фрагментация и дезинтеграция из-за этнической и лингвистической неоднородности. Опираясь на опыт США, они осуждают склонность прибегать к насильственным методам украинизации, ставящих русских перед выбором либо покинуть Украину, либо обратиться за помощью к России. Общественно-политическая жизнь, по их мнению, не должна базироваться на одном языке и одной национальности. Чувство единого украинского гражданства сильнее этничности, лингвистических и религиозных связей [3]. К счастью, в Украине нет силовой борьбы на национальной почве, но в идеологической сфере она уже происходит, раздаются призывы ко второй национально-освободительной революции. Изучение и этой проблемы поможет сплочению общества.

С первых же дней самостоятельность перед Украиной встала многие социально-экономические проблемы, как унаследованные от СССР, так и приобретенные. Это – технологическое отставание, в два раза более высокая металлоемкость, энергоемкость и трудоемкость продукции по сравнению с наиболее развитыми странами, низкое качество и дефицит многих товаров, необходимость оформления собственного народно-хозяйственного комплекса, снижение зависимости от экспорта энергоносителей, продолжение начатого в годы перестройки преобразования общественного строя, налаживание на новой основе экономических отношений с остальным миром, задача сделать выбор между социализмом и капитализмом, между одновременностью

реформ и преодоления кризиса или поочередностью решения этих проблем. Вместе с тем Украина обладает высокоразвитой экономикой с огромными производственно-технологическими кадрами и научным потенциалом. На таком противоречивом основании в социально-экономической сфере разворачивается два главных процесса: реформы и кризис. Взаимосвязь между ними состоит в том, что преобразования социалистического строя в капиталистический является самодостаточной задачей, решение которой в настоящем требует экономических и социальных жертв.

В Украине была избрана либерально-монетаристская модель, рекомендованная Международным валютным фондом. Ее сущность заключается в государственном регулировании денежного обращения и свободного от вмешательства государства развития производства, обмена, распределения. Это принципиально отличается не только от командно-плановой экономики СССР, но и от управления хозяйством в развитых капиталистических странах, использующих различные формы планирования. Дело в том, что в Украине на первом плане встала задача разрушения социалистической системы хозяйства даже ценой частичной утраты производственных сил.

Замена рубля купоном, либерализация цен и внешней торговли устранили дефицит товаров и позволили путем инфляции обесценить (фактически изъять) денежные сбережения населения и оборотные средства предприятий. Важную роль сыграла коммерциализация банков. Благодаря этому резко продвинулись вперед рыночные отношения и сформировались крупные капиталы. В разгосударствлении и перераспределении собственности магистральное направление принадлежит приватизации, осуществляемой в разнообразных формах. Наряду с возникновением фермерских хозяйств, колхозы и совхозы преобразовывались в коллективные сельскохозяйственные предприятия, в которых завершаются плавание не только имущества, но и земли. Наиболее сложной оказалась структурная перестройка промышленности, включающая конверсию оборонных предприятий, технологическую модернизацию, изменения в межотраслевых пропорциях, создание рыночной инфраструктуры. В решении этих задач либерально-монетаристская модель оказалась не способной обеспечить долгосрочные и масштабные инвестиции. Основная и непосредственная цель реформ была достигнута. Хотя официально Украина считалась страной с переходной экономикой, но фактически в ней на смену социалистическому строю пришел капиталистический.

Труднее решается проблема социально-экономического кризиса. Все единодушно в понимании его причин. Это – разрыв хозяйственных связей со странами СНГ, изменение общественного строя и недостатки в управлении экономикой.

Проявления кризиса разнообразны. Инфляция привела к росту цен в десятки и сотни тысяч раз. Ее остановили только денежная реформа и введение гривны. Резко сократился валовой внутренний продукт. Многие отрасли машиностроения и легкой промышленности уменьшили выпуск продукции в 5-10 раз. По словам Л.Кучмы, производственная структура приобретает черты экономики колониального типа. Многие высокотехнологические предприятия простаивают месяцами. На треть снизилось сельскохозяйственное производство.

Среди других проявлений кризиса следует отметить снижение в 5 раз заработной платы, безработицу, отток квалифицированных кадров за границу, рост преступности и т.д.

В целом недостатки социалистической экономики усилились, а имевшиеся достижения в значительной мере утрачены. Происходит деградация производственных

сил, деиндустриализация экономики, деинтеллектуализация труда, разрушение социально-классовых структур.

В то же время физически предприятия не разрушены, национальное богатство в основном сохраняется, живы и умеют работать люди. Значит, существует объективная возможность быстрого восстановления народного хозяйства. На это нацелены многочисленные программы выхода из кризиса. В большинстве из них сохраняются базовые положения экономической политики, направленной на создание социально ориентированной рыночной экономики западного образца. При этом предлагается ускорить капитализацию и сделать ее не только самодостаточной целью, но и средством выхода из кризиса. Для этого нужны ускоренные приватизации, защита отечественного товаропроизводителя, поддержка честного бизнеса, стимулирование малого и среднего предпринимательства, фермерства, превращение земли в товар. Поставлен под сомнение лозунг «чем меньше государства, тем лучше». Отмечаем важность создания условий для притока иностранных инвестиций.

Альтернативные проекты включают такие противоположные меры, как применение планирования, национализация банков, прекращение приватизации, государственная монополия на внешнюю торговлю, регулирование цен.

Оба варианта признают разнообразие форм собственности, но соединить их невозможно.

РЕЗЮМЕ

Українська державна незалежність реалізована радянськими структурами та радянською політичною елітою, а не опозиційними силами. У формуванні сучасної української політичної нації грає важливу роль не тільки державна українська, але й російська мова. Соціалізм в Україні змінився на капіталізм. Головне завдання усіх політичних сил – подолання системної кризи.

SUMMARY

Ukrainian independence has been worked out by the soviet structures and the soviet political elite but not opposition. In forming of real Ukrainian political nation the very important role plays not only State Ukrainian but also Russian. Socialism in Ukraine is becoming like capitalism. The most important tusk of oll political trends is to come out of systems crisis.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Толочко П. Имеет ли Украина национальную идею // Киевские новости. 1995., 20 октября.
2. Стрих М. Культурна політика України: регіональні, етнічні та конфесійні аспекти // Сучасність. 1995. – №9.
3. Апатов О. Дубовік В. Американські вчені про незалежну Україну 1989-92 рр. // Український історичний журнал. 1995. – №2.

Надійшла до редакції 24.03.98 р.

ББК. Ч 484 (4 УКР) 711.9 ДонГУ

**КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА
И СРЕДНИХ ВЕКОВ ДОНЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА – НАВСТРЕЧУ СВОЕМУ ЮБИЛЕЮ***В.А.Косиков*

Внимание археологов еще во второй половине XIX века привлекли древние памятники Донецкого края. Священнослужитель В.Ф.Спесивцев из с.Райгородка Изюмского уезда Екатеринославской губернии (ныне Славянский район Донецкой области) представил XII съезде археологов Российской империи результаты своих многолетних исследований бассейна Северского Донца и его многочисленных притоков. Это позволило профессору Московского университета В.А.Городцову создать периодизацию эпохи бронзы, ставшую основополагающей при изучении в общих положениях свое значение и в наши дни.

Однако своих специалистов-археологов в Донбассе не было. Поэтому, когда в 1930 году во время строительства завода «Азовсталь» на левом берегу р.Кальмиус был обнаружен уникальный памятник эпохи энеолита – Мариупольский могильник, на его исследование из Киева пригласили Н.Е.Макаренко, имевшего большой опыт практической работы с дореволюционным стажем. С помощью сотрудников Мариупольского краеведческого музея ученый в напряженном темпе (за два месяца и пять дней) завершил раскопки памятника мирового значения.

Последующие исследования археологических памятников на территории Донецкого края проводились или местными краеведами, не имеющими специальной для этого подготовки, или учеными из центра и других областей.

В 1974 году в соответствии с решением Министерства высшего и среднего специального образования Украины на историческом факультете Донецкого государственного университета была создана кафедра археологии, истории древнего мира и средних веков [1]. Первой заведующей кафедрой была избрана археолог – кандидат исторических наук, доцент А.А.Моруженко.

С самого начала коллектив кафедры осуществлял преподавание пяти общих базовых курсов: основы археологии, истории первобытного общества, основы этнографии, истории древнего мира (истории Древнего Востока, истории Древней Греции и Древнего Рима), истории средних веков и десяти специальных курсов и семинаров. Преподавание специальных дисциплин проводилось на уровне, соответствующем университетским требованиям, тематика определялась согласно научному профилю преподавателей. Так, старший преподаватель Д.С.Цвейбель, много лет посвятившая исследованию палеолитических памятников Донецкого края, читала спецкурс «Каменный век Донбасса». Доцент Т.А.Шаповалов подготовил и читал обширный курс для студентов исторического факультета «Археология Левобережной Украины и Донбасса». Профессор М.А.Молдавская, работавшая проблемой формирования рабочего класса во Франции, имевшая научные публикации в центральных отечественных и зарубежных изданиях, читала специальный курс «Первоначальное накопление капитала во Франции в XVI-XVII вв.». Доцент Т.И.Сорока много лет исследовала современный был металлургов Донбасса. В частности, ею рассматривались вопросы взаимопомощи города и деревни, пути формирования рабочих металлургических заводов в г. Енакиеве и Мариуполь. В результате бесед с рабочими, анкетирования, сбора статистического материала в отделе кадров собран богатый материал, который используется в учебном процессе. С большим интересом студенты слушали спецкурс

доцента В.П.Андриенко «История первобытного и древнего искусства». Новый спецкурс по истории Украины эпохи бронзы «Колесный транспорт эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии» разработан Р.А.Литвиненко.

Для ознакомления студентов с новыми достижениями исторической науки привлекались ведущие ученые России и Украины. Только в 1974/1975 учебном году приглашались профессор Киевского государственного университета Д.Я. Телегин со спецкурсом «Неолит и энеолит Украины», профессор Харьковского госуниверситета Б.А.Шрамко с циклом лекций по проблеме «Ранний железный век Центральной и Западной Европы» и доцент Л.П.Калуцкая со спецкурсом «Историография средневековой истории».

В последующие годы на кафедре читали специальные курсы академик В.И.Рутенбург – специалист по истории Италии эпохи Возрождения, профессора из Института археологии СССР: К.Ф.Смирнов – специалист по памятникам сарматской культуры, П.Д.Либеров, проводивший раскопки памятников эпохи бронзы и раннего железного века на территории юга Восточной Европы, Н.Я.Мерперт и Ю.Н.Захарук – ведущие теоретики археологической науки, Н.Д.Праслов, длительное время работавший в экспериментальной лаборатории ЛОИА АН СССР и др.

Важным средством повышения эффективности подготовки специалистов являются летняя полевая археологическая практика, во время которой студенты приобретают навыки исследования различных археологических памятников. За последние 20 лет студенческие экспедиции университета под руководством преподавателей кафедры принимали участие в изучении: курганов и поселений скифской эпохи у сел Полковная Никитовка, Городное Харьковской области, Пожарная Балка, Лихачевка, Олефирщина Полтавской области, памятников бронзового периода Донецкой области: Ильичевка, Безымянное, Новоамвросиевка, Прелестное и др. В 1975 году совместно с экспедицией Харьковского госуниверситета под руководством профессора Б.А.Шрамко была проведена работа по изучению памятников предскифского периода у села Любовка Харьковской области. Часто студенты, специализирующиеся по кафедре археологии, выезжали в другие академические экспедиции для оказания практической помощи, для ознакомления с новыми методиками исследования археологических памятников на территории Украины и других республик бывшего Советского Союза.

В августе-сентябре 1989 года доцент А.А.Моруженко была приглашена в Болгарию для участия в совместной археологической экспедиции по исследованию фракийского кургана у города Пловдива. В исследованиях принимали участие младший научный сотрудник кафедры Р.А.Литвиненко и студентка IV курса И.Суровцева. Экспедиция была организована археологическим музеем Пловдива. Возглавлял ее старший научный сотрудник Археологического института Болгарской Академии наук Г.Китов. Во время раскопок происходил обмен информацией. Болгарские специалисты провели консультации по фракийскому искусству, познакомили с экспозициями исторического и археологического музеев города Пловдива, организовали экскурсии в город Софию.

По инициативе преподавателей, сотрудников и студентов при кафедре были созданы учебно-методические археологический и этнографический музеи и лаборатория по камеральной обработке археологического материала. Фонды музеев постоянно пополняются новыми материалами из раскопок и этнографических сборов на территории Донецкой области.

Научный потенциал кафедры требовал расширения сферы деятельности. В этой связи в январе 1978 года была организована постоянно действующая новостроечная археологическая экспедиция, основная задача которой заключалась в исследовании памятников древности в зонах строительства оросительных систем в различных хозяйствах и районах

Донетчины. За время работы экспедицией раскопано около 300 курганов, исследовано более 1000 погребений различных времен и народов. В результате проведенных археологических разведок в районах области только в 1985-1986 гг. силами сотрудников новостроечной экспедиции выявлено 160 ранее нигде не учтенных памятников.

В 1980 году у села Шевченко Володарского района раскопан курганный могильник, в составе которого оказалось три кургана, сооруженные в скифское время, и семь – относящихся к сарматской культуре раннего железного века. По инвентарю и погребальному сооружению скифский комплекс определен как захоронение тяжеловооруженного воина-всадника, очень редко встречающегося в Приазовье.

Большой интерес в научном мире вызвали материалы из раскопок экспедиции в 1984 году. У села Чугуно-Крепинка Шахтерского района исследовано погребение жрицы, относящееся к сарматской культуре I в. до н.э. – I в. н.э. Разнообразные изделия (около 50 наименований) представляют большую ценность и в настоящее время хранятся в Золотой кладовой Исторического музея (г. Киев).

Там же находится и обнаруженный в 1986 году в Передериевой Могиле Шахтерского района золотой шлем античной работы с изображением сцен из жизни царских скифов, вызвавший большой резонанс в научных археологических кругах Европы.

Привлекаются к работе в составе новостроечной археологической экспедиции и студенты. Многие из них по окончании университета продолжают работу по исследованию древнейших памятников Донбасса, самостоятельно проводят раскопки курганов и поселений в Украине. За последние восемь лет из выпускников, специализировавшихся по кафедре археологии, истории древнего мира и средних веков, уже десять человек защитили кандидатские диссертации.

Доцент М.А.Молдавская в 1986 году представила к защите докторскую диссертацию «Народные движения в городах Франции в XVI веке. Первые выступления наемных рабочих». Впервые как во французской, так и в отечественной исторической литературе было проведено исследование развития книгопечатной промышленности во Франции и связанной с ней торговли, представлена панорама жизни городских низов в условиях первоначального накопления, изучена история борьбы наемных рабочих одной профессии на протяжении XVI столетия.

Затем, в 1990 году в Институте археологии АН Украины заведующая кафедрой, доцент А.А.Моруженко успешно защитила докторскую диссертацию, посвященную археологическим памятникам лесостепного междуречья Днестра и Дона в раннем железном веке. Этой защите предшествовала большая работа по разработке типологии городищ и курганов племен скифской культуры, выявлению региональных особенностей и последовательного хронологического развития.

Результаты исследований профессорско-преподавательского состава кафедры нашли свое отражение в научных статьях и монографиях. С 1991 года новостроечная экспедиция, преобразованная в археологическую научно-исследовательскую группу НИЧ университета, начала выпуск «Донецкого археологического сборника» [2]. Уже издано семь номеров, включающих статьи и публикации, посвященные вопросам первобытной, скифской и средневековой археологии. Материалы сборника могут быть полезны специалистам-археологам, краоведам, студентам-историкам и всем, кто интересуется древностями. В нем публикуются впервые вводимые в научный оборот комплексы, выявленные в 1970-1990-х годах в результате археологических исследований в Донецкой области. Решением Высшей аттестационной комиссии Украины «Донецкий археологический сборник» утвержден как научное издание, где могут публиковаться основные результаты диссертационных исследований [3].

Существенные затруднения в учебной работе вызывает отсутствие новой методической литературы. Однако преподаватели, используя многолетний опыт работы кафедры, составляют и издают на свои скромные средства учебно-методические пособия, которые пользуются большим спросом у студентов исторического факультета [4].

Коллектив кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков принимает активное участие в научных дискуссиях, как в Украине, так и за ее пределами. Только за 1995 год преподаватели и сотрудники выступили с докладами на шести международных и пяти региональных археологических конференциях. В 1996 году – приняли участие в десяти международных симпозиумах. В этом же году в декабре кафедра совместно с Донецким научным центром НАН Украины, Институтом археологии НАН Украины, Институтом истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург), Воронежским государственным университетом, Донецким областным Дворцом детского и юношеского творчества и Донецкой областной организацией Украинского общества охраны памятников истории и культуры организовали и провели международную конференцию «Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век)». В ее работе приняли участие специалисты Киева, Донецка, Днепропетровска, Симферополя, Запорожья, Одессы, Енакиева, Перевальска, Фастова, Санкт-Петербурга, Воронежа, Самары, Саратова и т.д. В отзывах на конференцию особо отмечены доклады молодых донецких археологов, среди которых есть студенты нашего факультета [5].

Представители кафедры поддерживают тесные контакты с целым рядом университетов Украины и ближнего зарубежья. Подписан договор о творческом сотрудничестве с кафедрой археологии Воронежского государственного университета. Активные связи налажены с археологами Харьковского, Запорожского, Днепропетровского, Киевского, Ростовского, Саратовского, Московского университетов, Николаевского, Полтавского педагогических институтов. Всестороннюю помощь нашим преподавателям оказывают сотрудники многих академических учреждений: отделы эпохи бронзы и раннего железного века Института археологии НАН Украины, Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), Институт мистецтвознавства, фольклору та етнографії НАН України, Институт археологии РАН (Москва), а также многих ведущих музеев Украины и России: Киева, Полтавы, Харькова, Днепропетровска, Москвы, Ростова и т.д. По инициативе ИИМК РАН кафедра археологии, истории древнего мира и средних веков Донецкого государственного университета включена как координатор-организатор по Северному Причерноморью в международную программу «Развитие вооружения в степной зоне Евразии», курируемую Академией наук России и Польши. На 1998 год запланировано проведение международного симпозиума «Военная археология: развитие вооружения и фортификации в древности и средние века».

Высокая научно-педагогическая квалификация профессорско-преподавательского состава, внедрение новейших технологий в учебный процесс и в научные исследования вселяют надежду, что и в дальнейшем коллектив кафедры будет вносить весомый вклад в развитие отечественной науки. С этими планами и надеждами мы подходим к 25-летию юбилею.

РЕЗЮМЕ

Стаття присвячена учбово-педагогічній та науково-дослідницькій діяльності викладачів співробітників кафедри археології, історії стародавнього світу та середніх віків Донецького державного університету за минулі 25 років з дня її створення. Робота носить інформаційно-довідковий характер.

SUMMARY

The present article has been devoted to academic, pedagogical and scientific-research activity of the professors and collaborators of Archeology, History of Ancient World and Middle Ages Department of Donetsk State University for the previous 25 years, since the day of its foundation.

The paper has the informative reference character.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Приказ по Мин вузу № 326 от 17 апреля 1974 года; Приказ по ДонГУ № 953 от 1 сентября 1974 года.
2. Донецкий археологический сборник. Вып. 1. – Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1992. – 119 с.; Донецкий археологический сборник. Вып. 2. – Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1992. – 187 с.; Донецкий археологический сборник. Вып. 3. – Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1993. – 184 с.; Донецкий археологический сборник. Вып. 4. – Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1993. – 199 с.; Донецкий археологический сборник. Вып. 5. – Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1994. – 198 с.; Донецкий археологический сборник. Вып. 6. – Донецк, 1996. – 199 с.; Донецкий археологический сборник. Вып. 7. – Донецк, 1997. – 202 с.
3. Перелік № 3 наукових видань, в яких можуть публікуватися основні результати дисертаційних робіт // Бюлетень Вищої атестаційної комісії України. – 1997. – № 4. – С.28.
4. Косиков В.А., Посредников В.А. История Древней Греции и Древнего Рима (тематика, рекомендации, источники, литература): В 3 т. – Донецк, 1996. – 505 с.; Косиков В.А., Посредников В.А. Древние германцы по сообщениям Цезаря, Тацита и Иордана: Учебно-методическое пособие для практических занятий по истории средних веков. – Донецк: Дон ГУ, 1997. – 52 с.; Косиков В.А., Посредников В.А. История крестовых походов на Восток в освещении свидетелей и современников крестоносного движения: Учебно-методическое пособие для практических занятий по истории средних веков. – Донецк: Юго-Восток, 1997. – 106 с.; Косиков В.А., Посредников В.А. Возникновение парламентаризма и сословной монархии в Англии: Учебно-методическое пособие для практических занятий по истории средних веков. – Донецк: Юго-Восток, 1997. – 66 с.; Косиков В.А., Посредников В.А. Реформация в Германии и ее влияние на историческое развитие страны в XVI веке: Учебно-методическое пособие для практических занятий по истории средних веков. – Донецк: Юго-Восток, 1997. – 110 с.; Литвиненко Р.А. Колесный транспорт эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи: Учебное пособие к спецкурсу. – Донецк: ДонГУ, 1997. – 66 с.
5. Шарафутдинова Э.С. Международная конференция «Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век)» // Новые исследования археологов России и СНГ: Материалы Пленума ИИМК РАН. 28 –30 апреля 1997 г. – Санкт-Петербург, 1997. – С.142 –143.

Надійшла до редакції 06.01.98 р.

ББК ТЗ (2 укр. 55)

ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕННЯ ЮЗОВКИ (ДОНЕЦКА) В ОСВЕЩЕНИИ Т.ФРИДГУТА

З.Г.Лихолобова, В.В.Бочаров

*)

1. Профессор Иерусалимского университета Теодор Фридгут в 1989 г. опубликовал фундаментальное исследование «Juzovka and Revolution» в 2-х томах (общий объем свыше 800 страниц). Издание выполнено превосходно в полиграфическом отношении, снабжено иллюстрациями: фотодокументами, таблицами, схемами [1]. Монография базируется на многообразных источниках с привлечением значительной литературы как западных, так и советских авторов (украинских и русских). В библиографическом списке значатся такие широко известные труды, как «Історія міст і сіл УРСР. Донецька область» [2], «История рабочих Донбасса. – Т.1» [3].

Автор признан на Западе специалистом по истории Донбасса. Книга «Juzovka and Revolution» опубликована Принстонским университетом (США) и одобрена институтом Харримана при Колумбийском университете, т.е. увидела свет при поддержке двух крупнейших на Западе центров советологии.

История Юзовки прослеживается с начала строительства завода и поселка при нем (1869г.) вплоть до 1924 г. в неразрывной связи с деятельностью «Новороссийского общества каменноугольного, железоделательного и рельсопрокатного производства». Выдвинутая автором концепция роли «Новороссийского общества» и лично его главы Д.Юза в индустриальном и социальном развитии края имеет особенности и существенно отличается от концепции, которой придерживаются украинские и русские историки. Суть ее формулируется уже в начале книги: Джон Юз первым создал модель индустриального развития Донбасса, базирующегося на трех китах – железная руда, уголь и железнодорожный транспорт. Им организовано комбинированное предприятие, конечным продуктом которого явился выпуск железнодорожных рельсов [4]. Этой концепции подчинено все изложение вопроса происхождения Юзовки как индустриального центра.

Во вводной главе «Донбасс до Юзовки» речь идет, в частности, о зарождении угольной промышленности – ведущей отрасли в крае, при этом допускается досадная неточность. Автор утверждает: «Уголь в Донбассе впервые был обнаружен в 1724 г., когда английский землемер Никсон приехал с четырьмя ассистентами для геологического исследования края» [4 а]. При этом в подстрочнике дается ссылка на 1-й том «Истории рабочих Донбасса». Но на указанной 15-й странице данного издания сообщаются факты совершенно иного характера: «В 1721 году Г.Г.Капустин, возглавивший экспедицию Бергколлегии, открыл на реке Кундрючьей и в урочище Оленьи горы месторождение каменного угля». Имя англичанина Никсона в данном месте не упоминается [5].

Далее в монографии довольно обстоятельно описывается начавшееся в 1795 г. строительство Луганского металлургического завода и угольных шахт в Лисичанске, призванных обеспечить завод топливом. И это логично, поскольку неудачный опыт строительства Луганского завода исторически предшествовал созданию юзовского предприятия. Но вовсе нелогично отсутствие в книге Фридгута даже упоминания об угольных шахтах, возникших в первой половине XIX в. на территории будущей Юзовки (теперь Донецка), в том числе широко известного рудника в селе Александровке, о которых и в «Истории ра-

*) Раздел I данной статьи написан З.Г.Лихолобовой, раздел II – В.В.Бочаровым.

бочих Донбасса» [6], и в «Історії міст і сіл Донецької області» [7] прямо говорится, что они находились на месте нынешнего Донецка. В этих же трудах приведены факты существования шахт, принадлежавших помещикам Рутченко, Карпову, Рыкову и др., а также множества крестьянских шахт, дававших 25% угля в Донбассе [8].

Еще удивительнее то обстоятельство, что в монографии израильского историка не упомянут даже факт существования двух шахт князя Ливена на месте создания самого предприятия Новороссийского общества. Эти шахты перешли затем в ведение НРО, были расширены и реконструированы [9].

Нам представляется, что историк, поставивший своей целью специальное изучение проблемы возникновения и развития крупного индустриального центра, обязан был бы более тщательно и всесторонне изучить процесс зарождения и развития одной из ведущих отраслей, на которой базируется его промышленный рост. Допустим, он не согласен с советскими историками. На этот случай уместной была бы научная полемика, попытка опровержения неприемлемых концепций. Упуская такую возможность, автор вовсе не упомянул о мнениях украинских историков по исследуемым им проблемам. Но метод умолчания не может считаться признаком прочности позиций.

Второе слагаемое концепции профессора Фридгута: Джон Юз – основатель города Донецка. На одной из первых страниц книги читаем: «Там, где в 1870 г. он (Юз) поселился в одинокой пастушечьей избе, сейчас находится город Донецк с его более чем миллионным населением. Хотя в городе нет памятника Юзу, его влияние ясно. Город, построенный на угле и металле, следовал по тропинке, которую он проложил с ранних его дней» [10]. Из этой фразы становится понятным смысл умолчания факта зарождения и развития угольной промышленности на территории нынешнего Донецка и до пришествия Юза. Автор отдает себе отчет в том, что город вырос на угле и металле. И чтобы сделать более наглядной и убедительной роль Юза как его основателя, мало сказать о нем как зачинателе металлургической промышленности, но следует усилить его роль в становлении второй базовой отрасли – угольной. Реальные факты не вписываются в эту схему – уголь добывается с начала XIX в., к освоению его залежей причастны и генерал-губернатор Новороссии Воронцов, и местные помещики, имена которых сохранились в топонимии города. Опровергнуть эти факты никак невозможно. Остается один выход – умолчание.

С целью подтверждения тезиса об основании города удачливым английским предпринимателем используется вышеуказанный прием – обходятся стороной факты существования на территории будущего Донецка значительных населенных пунктов до появления «Новороссийского общества» и его кипучей деятельности. Не приводятся даже названия села и шахтного поселка Александровка, в котором к 1859 г. проживало более 1000 человек, как и поселений Авдотьино, Алексеевка, Григорьевка и др.

Вторая глава книги Т.Фридгута «Генезис Юзовки» освещает с достаточной подробностью процесс становления «Новороссийского общества» и сооружение завода. Но обращает на себя внимание отсутствие в ней одного немаловажного (для раскрытия темы возникновения города) момента – мотивации выбора места для строительства завода. Между тем, в «Історії міст і сіл...» отмечается, что место это еще до появления Юза, в 1867 г. указал горный инженер. Мевкус (зав.кафедрой в Харьковском технологическом институте), который писал: «завод можно поставить близ села Александровки с его угольными копиями, что удешевит доставку угля, а само село весьма удобно для проживания рабочих» [11]. Работа Мевкуса «Будущность горнозаводского промысла на Юге России» [12] учтена в библиографическом списке, прило-

женном к книге Т.Фридгута [13], но приоритет автора в обосновании наиболее благоприятного места для сооружения завода внимания не удостоен.

Известно, что завод действительно строился в 7 км от Александровки, на правом берегу Кальмиуса. Сам же Юз вначале поселился на хуторе помещицы Смоляниновой, «Новороссийское общество» взяло под свое управление две шахты, находившееся в поместье князя Ливена [14]. Все эти факты не получили отражения ни в первой главе книги «Генезис Юзовки», ни во второй главе «Город и его население». Первая целиком посвящена сооружению и освоению предприятия, а во второй речь идет о строительстве заводского поселка, вначале бесплановом, а затем более упорядоченном. Нужно отдать должное автору, вопрос освещается обстоятельно и, на наш взгляд, доказательно. Но под поселком подразумевается лишь то, что было создано «Новороссийским обществом». При раскрытии проблемы возникновения города автор руководствовался одним источником – справочным изданием «Новороссийское общество. Юзовка», подготовленным правлением общества и издававшимся неоднократно [15]. В нем все изложение истории Юзовки начинается с 1869 г., времени прибытия Юза. В самом начале сформулирован основополагающий тезис: «Джон Юз должен был создать крупное промышленное предприятие почти в пустыне... Окружающая местность представляла из себя безлюдную степь, среди которой трудно было найти первое время даже скромное жилье и совершенно невозможно – рабочих...» Но потом оказалось, что жилье все же существовало: «Юз приобрел у помещиков Смоляниновых небольшую усадьбу и поселился в простой, крытой соломой хате» [16]. Нужно полагать, что в имени Смоляниновых это была не единственная усадьба. И в последующем изложении внимание концентрируется на том, что было создано НРО. Попутно называются и другие шахты, поселки, однако время их возникновения не указывается. Позицию руководства НРО понять нетрудно. Но историк, взявшийся за исследование проблемы возникновения г.Донецка «с его более чем миллионным населением» [17] и претендующий на объективность, обязан привлечь всю совокупность имеющихся источников, подвергнуть их строгому сравнительному анализу, выявить расхождения в их содержании, попытаться выяснить их причины.

Следует заметить, что в библиографическом приложении к книге Т.Фридгута значится интересный и довольно репрезентативный источник – «Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Бахмутский уезд» [18]. Но содержащиеся в сборнике обширные сведения о доюзовском периоде будущего заводского поселка израильским профессором к исследованию не привлекался.

В анализируемой книге имеется схематически представленный план поселка Юзовка по состоянию на 1892 г. [19]. Схема совпадает с описанием поселка в «Сборнике статистических сведений...» в 1884 г. Поселок делится на 2 части. Северную – «Новый свет» – как называли ее рабочие, или «Ливенский поселою», как называла ее контора княгини Ливен. В начале 80-х годов там жили ремесленники и другие промышленники, торговцы, находился базар, почта, гостиница, базарная контора княгини Ливен, церковь и другие постройки. В основе своей все это существовало до возникновения завода. В Южной, собственно заводской части, располагались завод, шахты НРО, заводская и шахтные конторы, больница, училища. Здесь также проживали заводские и рудничные рабочие, служащие, мастера. Железнодорожная линия связывала завод со станцией Юзово, которая существовала ранее и называлась Александровкой. С западной стороны к этой части примыкал базар, устроенный на земле госпожи Лариной. Недалеко от базара, но уже на земле госпожи Смоляниновой разместились несколько десятков хат при угольной шахте (поселок шахты «Смоляниновская Наклонная»). Пространство, отделяющее их от завода, непрерывно застраивалось сооружениями расширявшегося завода. Статистики – ав-

торы справочника – отмечали, что это шахтное поселение следует считать входящим в состав местечка Юзово, с жителями которого углекопы поддерживали постоянные отношения. Источник отражает процесс слияния шахтного и заводского поселков, т.е. поступательное формирование территории будущего города [20]. Как видим, схема не вписывается в построение господина Фридгута.

Из изложенного следует вывод:

Выдвинутая Т.Фридгутом концепция происхождения Юзовки (впоследствии Донецка) не учитывает всего многообразия исторических источников, она базируется на документах «Новороссийского общества» и игнорирует другие официальные и достоверные источники. Умолчание неопровержимых фактов существования угольных шахт, рабочих и сельских поселений до 1869 г. на месте нынешнего Донецка, в том числе и на месте сооружения металлургического завода, то есть до появления Д.Юза в Донбассе, свидетельствует о тенденционности автора монографии, подчинившего все освещение проблемы идее, выдвинутой уже в преамбуле: Джон Юз – первопроходец в освоении природных богатств будущего Донецка и основатель самого города.

При всем этом, неправомерно было бы считать труд Т.Фридгута лишенным научного значения. В нем содержится огромный конкретный материал о создании и развитии первого в нашей стране крупного предприятия с полным металлургическим циклом, строительстве и росте заводского поселка, постепенно сливавшегося с поселениями шахтеров и крестьян, что выражало процесс формирования будущего города.

В определенных аспектах сочинение Т.Фридгута имеет преимущества. К примеру, в освещении некоторых социальных проблем оно представляет более реалистичскую картину, чем авторы, вынужденные следовать теории относительного и абсолютного обнищания пролетариата при капитализме.

II. Продолжая анализ концепции профессора Т.Фридгута, хотелось бы обратить внимание на освещение роли крестьянского населения в формировании нынешнего Донецка и региона в целом. Но прежде стоит остановиться на определении самого понятия «Донбасс». Если вдумчиво вчитаться в описание географических границ Донбасса, предложенное израильским историком, то можно заметить следующую неточность: «Донбасс – Донецкий бассейн – сегодня это Донецкая область в Украинской ССР» [21]. Для столь солидного исследования, как монография господина Фридгута, подобные ошибки недопустимы. Ведь Донбасс – это Далеко не только Донецкая область, но и Луганская.

Не менее странным является то обстоятельство, что Т.Фридгут в главе «Донбасс до Юзовки» рассматривает то обстоятельство, что Фридгут в главе «Донбасс до Юзовки» рассматривает развитие Луганска и Лисичанска – промышленных центров нынешней Луганской области, которую он не включает в состав Донбасса, игнорируя при этом населенные пункты, впоследствии вошедшие в городскую черту Юзовки или находившиеся в ее окрестностях. Автор вообще не склонен замечать в Донецкой области сколько-нибудь значительных населенных пунктов до приезда в регион Юза. Например, в главе «Генезис Юзовки» он пишет: «Донбасс расположен далеко от портов Азовского моря и судоходных рек» [22]. В связи с этим напрашивается вопрос: куда исчез Мариуполь и где в таком случае находится Донбасс?

Профессор Т.Фридгут утверждает, что до появления Юза на юго-востоке Украины местность, где сейчас расположен г.Донецк, представляла собой нечто вроде пустыни. Для него «...Вывод, что регион был малозаселен, является фактом большой важности, так как значит, что когда громадные минеральные богатства Донбасса были, в конце концов, обнаружены, здесь не было локального трудового излишка, чтобы

приняться за их разработку» [23]. Действительно, в целом Донбасс того времени трудно назвать густонаселенным, но и безлюдным он тоже не был. С 1842 г. началась эксплуатация Александровского угольного рудника. Земли для него в 1841 г сроком на 30 лет арендовал новороссийский и бессарабский генерал-губернатор граф И.С. Воронцов у помещика Шидловского, которому принадлежали слобода Александровка, ныне входящая в состав г.Донецка, и все окрестные земли. В течение нескольких лет Александровский рудник стал самым крупным на Юге России. Добыча достигла здесь 1,5 млн. пудов в год. В связи с разработкой угольных месторождений росла численность населения. По данным переписи 1859 г. (за 10 лет до приезда Юза) население в деревнях и селах, впоследствии оказавшихся в черте Юзовки или в числе ее пригородов, составляло в селе Александровке 1091 человек, в деревне Алексеевке – 320, в селе Авдотьино 380, в деревне Любимовке – 106, в деревне Николаевке – 147, в деревне Екатериновке – 81, в слободе Григорьевке (Рутченково). – 154 человека, всего 2279 человек [24].

Еще одним спорным постулатом концепции данного автора является суждение о том, что «хотя географически Донбасс находился в Украине, украинское население региона играло исключительно маргинальную и ... реакционную роль в его истории. Для украинского крестьянина промышленный труд был иностранным образом жизни, привнесенный иностранным вторжением. Украинские крестьяне избегали поступления на угольные шахты и металлургические заводы настолько долго, насколько любой другой выбор был открыт для них» [25]. Этот тезис частично опровергается предыдущим аргументом, а нижеследующие факты доказывают его несостоятельность. По сведениям статистического справочника, в 1884 г. заводской поселок насчитывал 5494 жителей, из которых прибыли из Бахмутского уезда 1189 душ, из других уездов Екатеринославской губернии – 605 душ (итого 1794 человека), из других губерний 2993 человека, иностранцев 300 человек. Остальные 707 душ были местными жителями [26]. Следовательно, украинцы отнюдь не избегали работы на промышленных предприятиях, а иностранцы не доминировали и, следовательно, нельзя говорить об их вторжении в традиционный уклад жизни местного населения.

Кроме того, по данным «Справочника Новороссийского общества», оно занималось сельским хозяйством для удовлетворения продовольственных потребностей рабочих и служащих и сбыта аграрной продукции [27]. Это подсобное хозяйство было сосредоточено в селе Александровке, где его обработкой занимались те самые «маргинальные и реакционные» крестьяне, которые, по мнению Т.Фридгута, только и делали, что избегали работы на шахтах и заводах, пока для них был открыт другой выбор. В данном случае их выбор пал на подсобное хозяйство Юзовского завода, но разве это так плохо? Напротив, подобное совпадение интересов крестьян и промышленников имело экономическую перспективу и никоим образом не могло играть реакционную роль в истории города и региона.

Итак, израильский историк недооценивает роль украинского крестьянства и преувеличивает влияние иностранцев. Но в чем он действительно прав, так это в том, что «...русская деревня, в конечном итоге, оказалась тем основным источником, который предоставил человеческие ресурсы для концентрации пролетариата, уступающей лишь центральным промышленным регионам вокруг Москвы и Санкт-Петербурга» [28]. Этот тезис подтверждается вышеуказанной информацией «Справочника новороссийского общества». Причины миграции русских крестьян заключались, по мнению автора, в их малоземельи и перенаселенности центральных губерний России. В доказательство правильности первой причины Т.Фридгут приводит данные статьи И.М. Лукомской «Формирование промышленного пролетариата Донбасса (70-е – начало 80-х го-

дов XIX в.)», где значатся следующие размеры земельных участков (для сравнения): Болховский уезд Орловской губернии – 7,0 десятин на домовладение, Бахмутский уезд Екатеринославской губернии – 13,8 десятин на домовладение, то есть почти в двое больше [29]. В пользу второй причины автор пишет, что «в Донбассе плотность населения составляла половину плотности в центральных провинциях России, в то время как индивидуальное землевладение было намного обширнее. В Курской, Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской губерниях плотность населения составляла 42,2 человека на квадратную версту. Донбасс с его плодородным, но обезвоженным черноземом имел только 21,6 души на квадратную версту» [30]. В результате этого русские крестьяне, которые имели силы и желание искать путь к заработку для приобретения дополнительной земли, направились в Донбасс.

Таким образом, концепция профессора Т.Фридгута содержит как обоснованные, так и явно бездоказательные положения. Тенденциозность автора заключается в преувеличении им иностранного фактора в истории Юзовки и негативном отношении к местному украинскому населению. Хочется верить, что это лишь заблуждение, а не преднамеренная фальсификация, подкрепленная специально для этого подобранными источниками. Вместе с тем, израильский историк аргументированно доказывает влияние российских крестьян на развитие демографических, экономических и социальных процессов в городе, что является достоверным фактом.

Думается, пришло время для создания научного труда, представляющего объективную и всестороннюю историю города Донецка – всемирно известного индустриального центра. Популярные книги, издававшиеся до сих пор, не принимаются всерьез, их даже не включают в современные биографии. А в историографии западных стран господствуют многие не имеющие научного обоснования версии возникновения и развития нашего города.

РЕЗЮМЕ

В статті піддаються критичному аналізу положення Т.Фридгута про роль англійського підприємця Джона Юза як засновника міста Донецька, а також приниження цим автором ролі українського селянства в формуванні майбутнього міста і освоєнні природних багатств краю.

SUMMARY

The statement about the role of Jonh Hughes as the founder of the city of Donetsk put forward by T.Friedgut as well as his depreciation of the role of the Ukrainian peasantry in the formation of the future city and the opening up of the natural wealths of the region made by the given author are critically analyzed in the article.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Theodore H. Fricdgut. Jusovka and Revolution. – V. 1-2. – Princeton university Press, 1989.
2. Історія міст і сіл УРСР. Донецька область. – К.: УРЕ, 1970.
3. История рабочих Донбасса. – Т.1.– К.: Наукова думка, 1981.
4. Fricdgut T. H. Op. cit. – P. 14.
- 4 а. Ibid. – P.6.
5. История рабочих Донбасса. – С.15.
6. Там же. – С.18.

7. Історія міст і сіл... – С. 17.
8. Там же. – С.18.
9. Донецк. Исторический очерк. – Донецк: Донбасс, 1981. – С.38-39.
10. Fridgut T. H. Op. cit. – Р. 14.
11. Історія міст і сіл... – С. 79.
12. Fridgut T. H. Op. cit. – Р. 18-19.
13. Мевуус А. Будущность горнозаводского промысла на Юге России. СПб, 1867.
14. Історія міст і сіл... – С. 79-80.
15. Новороссийское общество. Юзовка Екатеринославской губернии. – Юзовка, типогр. НРО, 1915; То же – Екатеринослав, 1910.
16. Новороссийское общество. Юзовка Екатеринославской губернии. – Юзовка, типогр. НРО, 1915. – С.5.
17. Fridgut T. H. Op. cit. – Р. 148.
18. Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Бахмутский уезд. – Екатеринослав, 1886.
19. Fridgut T. H. Op. cit. – Р. 6.
20. Сборник статистиеских сведений... – С.232.
21. Fridgut T. H. Op. cit. – Р. 74-75.
22. Ibid. – Р. 26.
23. Ibid. – Р.3.
24. Донецк: Историко-краеведческий очерк. – Донецк: Донбасс, 1981. – С.35-36.
25. Fridgut T. H. Op. cit. – Р. 3.
26. Сборник статистиеских сведений... – С.231.
27. Там же. – С.233.
28. Fridgut T. H. Op. cit. – Р. 193-194.
29. Лукомская И.М. Формирование промышленного пролетариата Донбасса. // Из истории развития рабочего и революционного движения. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С.301.
30. Fridgut T. H. Op. cit. – Р. 4.

Надійшла до редакції 03.03.98 р.

ББК 63.3 (4 УКР) 616-49

ПОЛІТРЕПРЕСОВАНІ ЗА ПАРТІЙНОЮ ОЗНАКОЮ НА ДОНЕЧЧИНІ В 1937 р.: СОЦІОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ

В.М.Нікольський

Політичні репресії сталінського режиму, особливо так звана «велика чистка» 1937-1938 рр. сьогодні мають значну за обсягом та спрямованістю наукову літературу. Її автори ретельно розглядають багато різноманітних питань проблеми, але досі відсутні навіть спроби з'ясувати реальні розміри цих злочинів в окремих регіонах країни. Відсутні також роботи, що б показали реальну спрямованість політичних репресій в СРСР відповідного періоду. Майже всі автори підкреслюють, що основним змістом репресій була боротьба в керівництві ВКП(б) за владу та визначення шляхів подальшого розвитку держави.

Відносно регіону Донбасу ми також не маємо жодного дослідження, яке б поставило крапку над «і» в вирішенні цих питань. Лише деякі аспекти змісту репресій розглянуті в регіональному збірнику «Правда через роки» [1] та монографії професора

З.Г.Лихолобової «Сталінський тоталітарний режим та політичні репресії кінця 30-х років в Україні (переважно на матеріалах Донбасу)» [2].

Тому запропоноване дослідження є фактично першою роботою цього напрямку, зокрема в застосуванні соціолого-демографічних аспектів дослідження проблеми.

Джерельну основу статті складають документи колишнього центрального архіву компартії України (тепер – Центральний державний архів громадських організацій України), колишніх обласних Донецького та Луганського партархівів, центрального та відповідних обласних архівів Служби безпеки України, картотека редакційно-видавничої групи «Реабілітовані історією» при Донецькій та Луганській облдержадміністраціях.

Виходячи з об'єму статті, ми обмежили дослідження періоду «великої чистки» лише 1937 роком.

Відносно терміну «партійна ознака» зауважимо, що йдеться про політичні репресії щодо осіб, які були членами, кандидатами ВКП(б) – КП(б)У, раніш входили до цієї партії та були виключені з неї за різних причин, членів ВЛКСМ-ЛКСМУ.

ВИРОКИ ЗА ПАРТІЙНОЮ НАЛЕЖНІСТЮ

Партійність націо- нальність	Члени ВКП(б)		виключені		кандидати ВКП(б)		комсомольці		загалом
	роз- стріл	термі- ни	роз- стріл	термі- ни	роз- стріл	термі- ни	роз- стріл	тер- міни	
Українці	97	85	84	97	9	8	4	25	409
Росіяни	50	73	22		3	2	4	7	161
Німці	28		21	10	12	1	20	6	98
Євреї	55	15	2	4	1				77
Греки	2	1		3					6
Поляки	35	7	37	8	1	1	2	3	94
Білоруси	5	4	17	9		3		1	39
Інші	13	1	3				1		18
Загалом	285	186	186	131	26	15	31	42	902

В загальній кількості репресованих обраної для дослідження групи члени партії становили 52,2 %, кандидати – 4,5%, комсомольці – 7,1%, колишні члени – 36,2%

За національною належністю репресовані розподілялися таким чином: українців було 45,3%, росіян – 17,8%, німців – 10,9%, поляків – 10,4%, євреїв – 8,5%, білорусів – 4,3%, греків – 0,7%, інших національностей загалом – 2,1%.

В самих національних групах питома вага приречених до розстрілу була дещо іншою. Так, у українців ця частка становила 36,7%, росіян – 15%, німців – 15,3%, поляків – 14,2%, євреїв – 11%, білорусів – 22,4%, греків – 2%, інших національностей – загалом 3,2%.

Це співвідношення дає можливість поставити проблему реальної спрямованості репресій по партійній належності в національних групах. Тут маємо таку картину:

українці	45,3%	і	36,7%;	євреї	8,5%	і	11%
росіяни	17,8%	і	15%;	білоруси	4,3%	і	22,4%
німці	10,9%	і	15,3%;	греки	0,75	і	2%
поляки	10,4%	і	14,2%;	інші	2,1%	і	3,2%

Тобто відносна частка розстріляних в групах українців, росіян була меншою, ніж частка розстріляних, а в групах німців, поляків, євреїв, білорусів, греків та інших – це

співвідношення було протилежним (відповідно: -8,6%, -2,8%, + 4,4% , +3,8%, +2,5%, +18,1%, +1, 25%, + 1,1 %).

Отже, це є свідченням певної національної спрямованості політичних репресій щодо певних національних груп. Тут необхідно також враховувати, що абсолютна частка цих груп в загальній кількості населення регіону була незначною, але окрім греків, всі інші «плюсові групи» характерні значно більшою часткою партійного прошарку порівняно з іншими. Особливо це стосується євреїв.

Якщо ж взяти до уваги аналогічні співвідношення в групах членів партії, колишніх партійців, кандидатів та комсомольців, то ми маємо такі дані.

Національності	Комуністи	Колишні члени	Кандидати	Комсомольці	Пересічно
Українці	34%	45,2%	34,6%	12,9%	31,7%
Росіяни	17,6%	11,8%	11,5%	12,9%	13,5%
Німці	9,8%	11,3%	46,3%	64,5%	33%
Євреї	19,2%	1,1%	3,8%		8% ⁰
Греки	0,7%				0,7%
Поляки	12,3%	19,9%	3,8%	6,5%	10,6%
Білоруси	1,8%	9,1%			5,45%
Інші	4,6%	1,6%		3,2%	3,1%

В загальній кількості 471 чол. засуджених до розстрілу до категорії інженерно-технічних працівників та службовців відносилися 212 (45%), різного роду керівників та чиновників – 163 (34,6%), робітників – 84 (17,9%), колгоспників – 12 (2,5%).

В національних групах цей «показник» був таким:

професії націонал.	ІТР та службовці	Керівники чиновники	Робітники	Колгоспники
Українці	56 (57,8%)	30 (30,9%)	11 (11,3%)	
Росіяни	18 (36%)	29 (58,%)	3 (6%)	
Німці	9 (32,2%)	7 (25%)	2 (7,1%)	10 (35,7%)
Євреї	21 (38,2%)	34 (61,8%)		
Поляки	18 (51,1%)	5 (14,7%)	12 (34,2%)	

Формулювання обвинувачень приречених до страти членів партії були такими:

Націон. Обвинувач.	українці	росіяни	євреї	німці	поляки	білоруси	греки	інші	загалом
АР агітація	4	3	1	1	2	1		3	15
КР діяльність	10	5	1	1	1			1	19
Шпигунство	4		1		17	1		1	24
КР організації	32	11	4	26	9	2		3	87
троцькізм	47	31	48		6	1	2	5	140
загалом	97	50	55	28	35	5	2	13	285

ПРОФЕСІЙ ЧЛЕНІВ ПАРТІЇ, РЕПРЕСОВАНИХ В РЕГІОНІ 1937 р.

№ п/п	Професія	українці		росіяни		євреї		німці		поляки		білоруси		греки		інші нац.		всі національності	
		розстріл	терміни	розстріл	терміни	розстріл	терміни	розстріл	терміни	розстріл	терміни	розстріл	терміни	розстріл	терміни	розстріл	терміни	розстріл	терміни
1	ІТР	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
2	Кваліфіковані робітники	23	17	8	10	12	1	2		6	2					4		55	30
3	Партійні працівники	10	18	3	19		2	2		11	2	2	1			3	1	31	42
4	Службовці	6	10	3	6	4	1	2		8			1			1		32	16
5	Господарські керівники	7	3	5	6	10	2			1	1	1				2		26	12
6	Радянські працівники	5	1	9		5		2		1			1					22	2
7	Вчителі	11	2	2	3			5		1								19	5
8	Радянські керівники	8		1	4	7												16	4
9	Директора шкіл	2	6					1		3	2							6	8
10	Військовослужбовці	3	2	1	2	1								1		2		8	4
11	Профспілкові працівники	2	2	2	1	1		2		2								7	2
12	Комсомольські працівники	1	2	2	3													3	5
13	Журналісти	1				3	2											4	2
14	Голови колгоспів	1	2		2			4								1		4	2
15	Безробітні				2													2	4
16	Колгоспники				2			6										6	
17	Працівники НКВС			1	4		1						1					1	5
18	Некваліфіковані робітники	1		1	1					1		1	1	1				2	3
19	Директора радгоспів			1	1													2	2
20	Робітники кооперації	1	1		1	1												2	2
21	Працівники РВНО	1	2	1														2	2
22	Працівники НКВС	1	2															1	2
23	Працівники МТС	1	1	1														2	1
24	Бухгалтери		2		1													3	3
25	Працівники радгоспів	2																2	
26	Пенсіонери				1							1						1	1
27	Юристи	1			1													1	1
28	Викладачі вузів				1	1													2
29	домогосподарки		1		1														2
30	Медицин. праців.			1														1	
31	Працівники культури				1														1
32	Завучі шкіл	1																1	
33	Директора технікумів					1												1	
34	Колгоспники		1																1
35	Студенти		1																1
36	Міліціонери									1								1	
37	Прокурори				1														1
38	Завучі технікумів																		
	загалом	97	85	50	73	55	15	28		35	7	5	4	2	1	13	1	285	186
																			471

Таким чином, майже половину розстріляних (49,1%) звинувачували в троцькізмі, тобто приналежності до так званої троцькістської опозиції, троцькістській «діяльності», агітації тощо. На другому місці серед обвинувачень була участь в різного роду контрреволюційних організаціях – 30,5%. В шпигунстві звинувачували 8,4%, контрреволюційній та антирадянській діяльності – 6,7%, а в різного роду забороненій агітації та пропаганді – 5,3%.

Серед непартійних, яких було репресовано по політичних статтях, понад 50% звинувачувалися саме в контрреволюційній агітації та пропаганді. А факт обвинувачення значної частки розстріляних членів партії в троцькізмі повинен був підтвердити сталінську тезу про загострення класової боротьби в процесі побудови соціалізму.

Саме про це наголошував в звітній доповіді перший секретар обкому КП(б)У О.Щербаков на четвертій обласній партійній конференції 2 червня 1938 р.: «Наші закляті вороги – японо-германо-польські та інші фашисти – знають про величезне значення Донецької області для економіки та оборони країни і роблять все для того, щоб насадити свою троцькістсько-бухаринську, буржуазно-націоналістичну, шпигунську, диверсантську, ворожу агентуру» [3].

За віком «розподіл» розстріляних комуністів був таким:

Вік (років)	українці	росіяни	німці	євреї	поляки	білоруси	греки	інші	загалом
до 30	8	3	3	2	2				18
до 35	36	15	8	11	8		1	3	82
до 40	27	11	5	21	9	4	1	3	81
до 45	16	14	6	19	6			3	64
до 50	6	4	6	1	6			3	26
до 55	4	2		1	1				8
до 60					3			1	4
до 65		1				1			2
загалом	97	50	28	55	35	5	2	13	285

Підрахунки свідчать, що основна маса розстріляних була в віці 35-45 років: серед українців це – 81,5%, росіян – 80%, німців – 67,9%, євреїв – 92,7 %, поляків – 65,7%, білорусів – 80%. Тільки серед німців та поляків значна частина була в віці до 30 років (відповідно – 0,7% та 5,8%), та до 50 років (21,4% та 17,1%).

Тобто йдеться про винесення смертного вироку до комуністів в найбільш активному віці.

За місцем проживання приречені до розстрілу члени ВКП(б) були:

№ п/п	Місцепроживання	українці	росіяни	євреї	німці	поляки	білоруси	греки	інші	загалом
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	Міста та селища									
1	Сталіно	31	16	30	2	9		1	1	90
2	Макіївка	4	8	3		2	1		3	21
3	Маріуполь	6	2	7		1			1	17
4	Горлівка	4	2	4		2	1			13
5	Краматорськ	2	3	2		2	1		1	11
6	Орджонікідзе	3			3	2				8
7	Артемівськ		2			4			1	7

Продовження таблиці

8	Слов'янськ	2		1		2			1	6
9	Костянтинівка				1	4			1	6
10	Дзержинськ			2		3				5
11	міста інших обл.	4		5	2				1	5
12	Волноваха		3							3
13	Амвросіївка	2					1			3
14	Красний Лиман	3								3
15	Дружківка	1			1					2
16	Постишево		1	1						2
17	Часів Яр	2								2
18	Дебальцеве	1								1
19	Чистяково		1							1
20	Яма	1								1
21	Сніжне		1							1
22	Будьонівка								1	1
23	Іловайськ					1				1
	по містах	68	39	55	9	32	4	1	11	217
	Сільські райони									
1	Тельманівський	5	1		3					9
2	Сталінський	3	1		4					8
3	Постишевський	6			1					7
4	Старобешівський	1	1		3		1			6
5	Сніжнянський	1	4							5
6	Горлівський	2	2							4
7	Дзержинський	2				1			1	4
8	Артемівський	1			1	1				3
9	Будьонівський	2	1							3
10	Чистяковський	3			1				1	5
11	Костянтинівський				3					3
12	Орджонікідзенський	3								3
13	Краматорський	1	1							2
14	Харцизький				2					2
15	Сніжнянський					1				1
16	В.Янісольський.							1		1
17	Ольгінський	1								1
18	Амвросіївський			1						1
19	не визначено				1					1
	по районах	29	11	1	19	3	1		2	68
	загалом	97	50	55	28	35	5	2	13	285

Ця таблиця дозволяє певною мірою з'орієнтуватися в «географічних» особливостях розстрільних вироків щодо цієї категорії репресованих. Пересічно 76,2%

були мешканцями міст та селищ міського типу. Але за національною ознакою цей показник мав значний діапазон. Так, у євреїв він дорівнювався 100%, поляків – 91,4%, інших національностей (загалом) – 84,6%, білорусів – 80%, росіян – 78%, українців – 70,1%, греків – 50%, німців – 32,1%. При тому слід враховувати два основних фактори, що впливали на цю ситуацію: 1)природне розселення національних груп, 2)спрямованість репресій.

В міській «зоні» передував обласний центр – Сталіно, в якому було засуджено до розстрілу майже половину (41,5%) з цієї географічної категорії.

Наведені нами дані та підрахунки дозволяють зробити такі висновки.

Репресовані за партійною ознакою по політичних статтях КК становили в Донецькій області 1937 р. 9,7% загальної кількості репресованих регіону. В тому числі, члени партії та кандидати – 5,5%, комсомольці – 0,8%. Серед розстріляних члени та кандидати ВКП(б) – 6,1%, комсомольці – 0,6%. Якщо в загальній кількості репресованих частка засуджених до страти дорівнювалася пересічно 52,8%, то серед партійців вона становила 58,8%, комсомольців – 73,8%.

Серед самих членів та кандидатів партії репресовані становили в 1937 р. на Донеччині тільки 1,2%.

Водночас за рік було виключено з партії тільки за другу половину 1937 р. 1195 комуністів [4], тобто вдвічі більше, ніж репресовано.

Виходячи з цього, можна зробити загальний висновок про те, що репресії 1937 р. в регіоні були часткою загальної чистки партії, а враховуючи, що всіх з зазначених в статті було пізніше реабілітовано, йдеться про превентивні заходи.

РЕЗЮМЕ

В статье, на основе исследования оригинальных документов Управления Службы безопасности Украины, излагаются характерные особенности репрессированных во время «большой чистки». Автор рассматривает особенности этой категории по национальной принадлежности, профессии, возрасту, образованию. Устанавливается реальная направленность политических репрессий в 1937 году.

SUMMARY

In this article major social characteristics of the people repressed during the period of Stalin's «Great Purge» are presented on the base of the original documents' analysis from the Ukrainian Security Service archives. Author examines ethnic, professional, age, educational peculiarities of this group and clears up practical orientations of political repressions of 1937.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Правда через роки. Статті, спогади, документи. – Донецьк: РВП «Лебідь», 1995. – 127 с.
2. Лихолобова З.Г. Сталінський тоталітарний режим та політичні репресії кінця 30-х років на Україні. (переважно на матеріалах Донбасу) – Донецьк, ДонДУ, 1996. – 144 с.
3. Державний архів Донецької області. – Ф.326, оп.1, спр.1088, арк. 3.
4. Там же. – Арк. 8.

Надійшла до редакції 19.01.98 р.

ББК Щ103(4УКР55)63

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ДОНБАССА В 60-90-е ГОДЫ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ

Е.В.Стяжкина

Изобразительное искусство составляет неотъемлемую часть общей культуры. Оно способно проникнуть в закономерности развития природы, общества, человека, отражая при этом характерные особенности эмоционально-психологического и социального склада человеческой личности во всей сложности ее взаимосвязей с материальным миром, с вещами, пространством. Главная особенность изобразительного искусства состоит в том, что оно дает непосредственное изображение человека, окружающих его людей, природы. Чувственная достоверность, наглядность делают произведения искусства общедоступными, понятными для всех и, следовательно, несут непосредственно обозримый воспитательный заряд. Следует отметить, что изобразительное искусство Донбасса 60-90-х годов не существует еще как историко-художественное явление, исчерпавшее свое развитие и полностью раскрывшее себя в законченном виде. Многие художественные процессы не завершены и смысл некоторых из них не определен достаточно ясно ни в самой жизни искусства, ни общества в целом. Однако исследование изобразительного искусства Донбасса в 60-90-е годы и возможно, и важно. Такая попытка может быть сделана для уяснения тех идей и комплексов народной культуры, которые были реализованы в творчестве художников региона, а также для укрепления роли изобразительного искусства в формировании мировоззренческих и эстетических основ культурных процессов края.

Развитие изобразительного искусства в советский период — это сложный историко-художественный процесс, в котором имели место и противостояние мнений и тенденций, и наличие различных творческих исканий, и диктат официальной государственной политики в области культуры.

В целом, можно констатировать, что изобразительное искусство 60-90-х гг. — это искусство кризисное в изначальном, словарном смысле слова, выражающем наивысшую напряженность перелома. В искусстве проявляются закономерности умирания старого и развития нового, которые действуют во взаимном пересечении: новые идеи выражаются в старых формах, наряду с охранительными тенденциями развивается новаторство, сопряженное с отрицанием прошлого. Все вышесказанное в полной мере относится к деятельности живописцев, графиков, скульпторов, мастеров декоративно-прикладного искусства Донбасса.

В 60-е годы государственная власть и коммунистическая партия продолжали проявлять свою заинтересованность в искусстве, которая выражалась в формировании культурной политики, в подтверждении права на идеологическую и политическую квалификацию художественных движений, в практических рекомендациях по организации и смысловой нагрузке творческого процесса. Исходя из соотношения художественных и политических начал в самом творчестве и в сфере его общественного воздействия, для советского искусства в целом стало логичным появление «нового героя». Ценность этого образа измерялась «прежде всего степенью участия в коллективном производстве» [1, с.22], а эстетическое наполнение тем, что «новый герой» обязательно являлся «человеком труда» [2, с.140]. Серьезные и монолитные натуры, люди, отвечающие за свою судьбу, «новые герои» оказались в центре внимания живописцев Донбасса не только в 60-е годы, но и в последующие десятилетия: «Богатыри Донбасса»

П.Тищенко, «Боги труда» Н.Куклина, «Новичок на стройке» И.Пархоменко, «Отдых шахтеров» В.Макухи, «Шахтеры Донбасса» А.Кечеджи и др. [3].

С другой стороны, в изобразительном искусстве Донбасса 60-х годов были реализованы творческие искания, разбуженные к жизни идеями XX съезда. Они, во-первых, выразились в продолжении классической традиции психологизации образов; во-вторых, в поисках новой стилистики и метода и, в-третьих, в значительном интересе к историческому прошлому края.

Обращение к внутреннему миру, эмоциональной, лирической сфере в 60-е годы позволяло художникам Донбасса избегать типологических канонизированных черт «нового героя» даже в разработке темы труда. Так, в скульптурах В.Полоника «Шахтеры Донбасса» (1960), «Сапер» (1965), «Портрет работника» (1970) благодаря композиции и глубокой психологической характеристике достигается впечатление не только физической силы, но и духовности, не только внешней красоты, но и интеллектуального наполнения образа. При этом герои произведений являлись зрителю не типическими строителями коммунизма, а глубоко осмысленными индивидуальностями.

В 60-е годы художники Донбасса пытались найти свой творческий стиль в разных манерах исполнения, доселе запрещенных – абстракционизме, сюрреализме, стилизации. Однако на встрече руководителей партии и правительства с работниками литературы и искусства в 1962 году было заявлено, что «лишенная всякого здравого смысла абстракционистская мазня представляет собой не что иное, как патологические выверты, подражание растленному, формализованному искусству буржуазного Запада» [4]. Правовверные донбассовские партийцы отреагировали на эту аксиому мгновенно. В отчетном докладе V Донецкой областной конференции профсоюза работников культуры отмечалось: «Однако необходимо сказать, что и у нас есть художники, которые сворачивают со столбовой дороги социалистического реализма на кривые тропинки формализма и абстракционизма. Это проявлялось, в частности, в картине Романова «Пахота», в некоторых упражнениях Н.Базелян. В работе «Бригада Северинова» художника Музы ощущаются черты стилизации, декоратизма, эскизности, прямые попытки механического перенесения в живопись принципов плакатной условности, все это художник прикрывает требованием современности» [5]. Официальное осуждение и запрет иных, кроме реалистического, методов и стилей означал в Донбассе размежевание творческих исканий в области изобразительного искусства на официально разрешенное, но контролируемое партией, и неофициальные русла.

Определяя официальное направление развития изобразительного искусства в Донбассе как контролируемое партийными и советскими органами, необходимо разграничить области, в которых контроль и диктат государственной линии осуществлялся. Это, во-первых, сфера так называемого «социального заказа», которая, отражая политическую ситуацию в стране, требовала от предприятий, колхозов, учреждений наличия, а от художников создание полотен, воплощающих идеи очередного съезда, а также обязательных портретов вождей. Только в 1964 году в Худфонды Донецкой и Луганской областей поступили заявки на 1014 портретов Л.И.Брежнева [6].

В сфере контроля государственных органов оказались не только возможность заказов на ту или иную тему, но и запрет творческих исканий, «носящих отвлеченный характер». Так, выступая на V Донецкой областной конференции профсоюза работников культуры, председатель Худфонда Н.Баранов гневно отметил: «Нужно обратить внимание на реальные вещи. У нас довольно часто бывают выставки, но часть произведений носит отвлеченный от Донбассовской тематики характер. Например, была выставка работ художника Егорова – он привез картины – виды Крыма («Каменистый бе-

рег», «Бурный ручей», «Скалистый берег», «Уголок чистого парка», «Натюрморт с арбузом» и т.д.), а рабочей тематики нет. Безобразие, товарищи» [7]. Не только творческая, но и личная жизнь художников являлась сферой государственного вмешательства. Нормальным поступком казалось заявление того же тов. Баранова на конференции: «Был такой случай, что один наш художник Домненко попал в притон. Мы вызвали его к прокурору, побеседовали с ним, и сейчас он ведет себя хорошо, бросил пить и курить» [8]. К счастью для художника Г. Домненко, он все же не попал навсегда в черный список, через год в 1964 по заказу Ясиноватского отделения Донецкой железной дороги он уже работал над творческими сюжетами из жизни писателей.

Творческая жизнь художников Донбасса не замыкалась только в вышеупомянутых тенденциях. В 60-е годы происходило осмысление революционных лет и событий Великой Отечественной войны и в творчестве художников-монументалистов. Так, в 60-е годы луганские скульпторы П.Кизиев, А.Редькин, А.Самусь изваяли мемориальный ансамбль в Краснодоне. Российские скульпторы и архитекторы М.Будневич, А.Гривский, А.Ключкин, Н.Костюхин, В.Новиков, Э.Озоль, Е.Рудин, В.Тихомиров в 1966 г. – мемориал шахтерской славы на р.Миус в 15 километрах от Красного Луча, где в жестоких боях участвовали шахтерские дивизии. В 1969 году луганские скульпторы И.Чумак и И.Овчаров создали монумент «Факел Октября» в Луганске.

Еще один важный момент деятельности художников, скульпторов и архитекторов Донбасса в 60-е годы связан с существовавшей тогда программой превращения села в город. Наличие этой тенденции было естественным образом связано с ожиданием близкого коммунистического завтра, а значит и с необходимостью немедленного стирания граней между городом и деревней. И с 1960 г. на Украине (в т.ч. и в Донбассе) было начато строительство экспериментально-показательных сел, однако программа застройки выполнялась очень медленно. Так, к 1980 г. из 41 намеченных по Украине сел было отстроено лишь 16, 7 из них отмечены премиями Совета Министров Украины, среди них с.Елизоветовка Донецкой области.

В 70-е годы развитие официального русла изобразительного искусства продолжало строго регламентироваться государственными и партийными органами. В 1977 году Донецким обкомом КПУ был разработан «Комплексный план мероприятий по усилению идеологической работы коллектива художников» [9]. В 1983 году В.В.Щербицким на встрече руководителей КПУ и художественной интеллигенции было определено мерило гражданской позиции и таланта художника, которое заключалось в умении найти и изобразить положительного героя, сумев противопоставить фактам идеологических диверсий.

В результате постоянного административно-волеугодного нажима произведения художников Донбасса в значительной степени страдали схематизмом, иллюстративностью, тематической узостью. Из картины в картину кочевал герой с одинаково нахмуренными бровями, одинаково безликими героическими лицами. И многие портреты были похожи друг на друга, как близнецы. Бесконечное множество отменно скомпонованных и тщательно выделанных картин не содержали отзвука духовного движения и, следовательно, усугубляли провинциальность изобразительного искусства региона.

Партийное вмешательство не только суживало горизонты, лишало художника индивидуальности, оно напрочь выводило из необходимости художественного осмысления тот комплекс народной культуры, что связан с пониманием правды. В результате и творческая деятельность художников Донбасса играла свою роль в формировании двойного сознания.

Схематизмом и однообразием страдали не только живописные полотна, графика и скульптура: в 70-е начале 80-х годов были типичными повторения архитектурных решений гражданских сооружений, причем даже тех, которые строились по индивидуальному проекту. В этих архитектурных сооружениях использовались одинаковые элементы, однообразные по цвету и фактуре материала. Следует отметить, что тенденция стереотипизации в возведении индивидуальных по проекту сооружений была свойственна не только Донбассу, но и Украине в целом. Так, как две капли воды, были похожи выстроенные в конце 70-х – начале 80-х Дворцы культуры в Николаеве, Днепро-дзержинске, Харькове, Донецке, Кривом Роге, Луганске.

Однако, в 70-80-е годы в изобразительном искусстве Донбасса были и значительные художественные открытия. Так, ярким примером создания современного города явилась застройка Донецка. Формирование его центра – площадей, скверов, бульваров, среди которых композиционной целостностью и законченностью отличается центральная площадь, явилось образцом системы ансамблей.

Ландшафтная архитектура центра Донецка (арх. П.Вигдеграуз, В.Кишкань, И.Седак, Д.Цимиданов) была отмечена Государственной премией СССР 1978. В 70-е годы новые современные архитектурные формы пришли на смену классическим ордерным элементам в театрально-зрелищных сооружениях. Так были возведены цирковые помещения Донецка и Луганска, театр в Луганске.

В рамках старого метода все же шел поиск новых форм, хотя и он, этот поиск, всячески тормозился. Большую свободу самовыражения давал пейзажный жанр, причем, с философско-нравственной темой «природа-человек», лирическими и камерными композициями («Цвет ольха» А.Полякова, «Лелеки» Н.Несветаило, «Теплая зима» Е.Попхадзе, «Богданова гора» Г.Пришедько) получил распространение городской и индустриальный пейзаж («Проспект Ильича» В.Хоренко, «Магистраль Донбасса» Ю.Зорко, «Донецкая околица» Г.Тышкевич).

Мировую известность в 70-80-е годы приобрели художники-плакатисты Донбасса В.Алешин, В.Матвиенко, А.Макаренко. Так, в мае 1982 г. на II специальной сессии ООН по разоружению были представлены два плаката художника А.Макаренко, в 1983 году на международной выставке «Сатира в борьбе за мир» этот художник был удостоен бронзовой медали [10].

В 70-80-е годы художественному осмыслению подверглись новые темы, появились произведения в новой для Донбасса технике – чеканка, фреска, майолика, витраж. Всемирное признание получило медальерное искусство Е.Харабета, персональная выставка которого состоялась в 1982 г. [11].

Изменилась ли ситуация в период после апреля 1985 г., в период, названный «перестройкой»? Факты свидетельствуют об определенном рода половинчатости реформ. Был провозглашен отказ от партийно-государственного вмешательства. Однако творчество художников Донбасса все еще было зажатым в тиски разрешенных тем. Так, почти в обстановки секретности был проведен закрытый конкурс скульптур в 1986 г. в Киеве, где первой премии был удостоен донецкий скульптор А.Порожнюк за композицию, связанную с осмыслением проблем Афганской войны. Инерция логичности темы труда, войны, революции для Донбасса, видимо, сыграла роль в появлении новых полотен на старые сюжеты: В.Сизов «Богатыри Донбасса», Н.Иванов «Шахтеры», В.Макатуха «Дети войны». И донецкие художники, накрепко повязанные целями идеи, на отчетно-выборном собрании в 1990 г. с гордостью отмечали, что «свободный творческий поиск не внес безыдейности в произведения искусства» [12].

Однако, несмотря на идейную ориентацию, в Донбассе, как и во всей стране, из подполья вышел авангард («необъективное» искусство). «Зеленую улицу» получили все течения – сюрреализм, символизм, примитивизм, декоративизм. Фактически, начавшиеся в Донбассе еще в 60-е годы поиски новой стилистики и метода обрели официальное право на существование, доступ на выставки донецким художникам-новаторам был открыт. С успехом прошли выставки В.Бауэра в 1988 г. [13], А.Мак в 1990, «Авангард всегда и вновь» в 1991 году. Однако следует отметить, что повышенный интерес зрителей к экспозициям «необъективных» живописцев был связан скорее с эффектом новизны, нежели с возвращением подлинной потребности в изобразительном искусстве. Настоящая переориентация творческих процессов в изобразительном искусстве Донбасса происходила медленно и была все же ориентированна на политические процессы в стране. И все же к началу 90-х годов смысловая доминанта работ художников Донбасса изменилась – исчезла парадность, торжественность, появилась психологическая углубленность (Ю.Зорко (14), А.Порожнюк), обозначился украинский национальный портрет (О.Бондар, Е.Григорьева). Художественный авангард с его стилизованными катаклизмами в 90-е годы обрел новую социальную природу и функцию. Утратив дух бунтарства, противостояния власти, он стал одним из возможных методов самовыражения художника. Вместе с идеологическим диктатом профессиональные художники лишились и ощутимой материальной поддержки государства. Более заметным стал поворот от создания художественных ценностей к деятельности, решающей средствами искусства личные экономические проблемы. Поиски социальной целесообразности труда художника устремлены в прикладные виды творчества – художественную промышленность, полиграфию, рекламу, моду, которые воздействуют на общественную эстетическую среду куда более глубоко и всепроникающе, чем произведения чистого искусства.

Творческие искания мастеров изобразительного искусства Донбасса в 90-е годы в значительной степени зависели от успеха политики национального возрождения Украины, утверждения демократии, реализации программы рыночной экономики.

Таким образом, в творчестве мастеров изобразительного искусства Донбасса в 60-90 годы реализовались идеи, связанные с комплексом трудовых, социальных, патристических, исторических воззрений народных масс, но реализация этих идей была подчинена не художественной интуиции творца, а логике требований административно-командной системы; в начале 60-х годов поиски новой стилистики и метода были пресечены, и тенденция однообразия в осмыслении обязательной темы труда в изобразительном искусстве Донбасса стала доминирующей; освоение художниками, архитекторами и скульпторами предметно-пространственной окружающей среды также было ориентированно на партийные догмы; игнорировался национальный аспект; в 60-80-е годы в рамках старого метода все же имел место поиск новых форм, при этом наибольшую возможность для самовыражения представлял пейзажный жанр; появился ряд композиций в новой для Донбасса технике; графики, плакатисты Донбасса приобрели международную известность.

В целом, изобразительное искусство Донбасса – это история равнозначных фигур, среди которых нет крупных светил, но эта тенденция не явилась региональной особенностью, а носила трансконтинентальный характер.

В 90-е годы мастера изобразительного искусства Донбасса столкнулись, с одной стороны, с проблемой выживания в условиях рыночной экономики, с другой – с растущей заинтересованностью в художественном труде, который поглощается и растворяется массо-

вой индустриальной продукцией, что сообщает ей эстетические качества. Видимо, эти тенденции и будут определять динамический процесс ближайшего десятилетия.

РЕЗЮМЕ

Проведене історичне дослідження образотворчого мистецтва у Донбасі як частини цілісного конкретно-історичного процесу розвитку культури України в 60 – на початку 90-х років; проаналізовані основні тенденції, напрямки, досвід і проблеми творчого життя митців в регіоні, визначені зміни, що сталися в образотворчому мистецтві у зв'язку із процесом становлення української держави і складанням ринкових відносин.

SUMMARY

The historical investigation of arts in Donbas as constituent part of integral Specific historical process of development of Ukrainian culture 60-s – 90-s was carried out. There were analyzed the main tendencies and school, experience and problems of development of arts in the region. The changes in arts of Donbas connected with establishing Ukraine as state and forming market relations were defined.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Турбин В. Товарищ время и товарищ искусство. – М.: Искусство, 1961.
2. Ильюшин С. Красив человек труда // Донбасс. – 1969. – №6.
3. Луганская областная выставка произведений художников. Каталог. Живопись, скульптура, графика, плакат, монументально-декоративное и декоративно-прикладное искусство. – Луганск, 1968. – 19 с; «Слава труда». Ворошиловградская областная выставка. 1976 г. – 25 с. и др.
4. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. – Ф.5116, оп. 13, д.320, л.5.
5. Государственный архив Донецкой области. – Ф.Р-3472, оп.1, д.66, л.111.
6. Государственный архив Донецкой области. – Ф.Р-5180, оп.1, д.56, л.л. 43, 47, 58, 61.
7. Там же. – Ф.Р-3472, оп.1, д.66, л.22
8. Там же. – Ф.Р-5180, оп.1, д.30, л.23.
9. Там же. – Ф.326, оп.100, д.700, л.3.
10. Текущий архив Донецкой областной организации Союза художников Украины. Отчеты, справки, информации о работе организации. – 1983. Л.7.
11. Там же. Стенограмма отчетно-выборного собрания Донецкой организации Союза художников и приложения к ней. – 1986. – л.116.
12. Там же. Отчет правления Донецкой организации Союза художников Украины на собрании членов Союза художников 10.01.90 за 1989 и задачи на 1990 г. // Протоколы общих собраний. – 1989. Л.19.
13. Живопись. Бауэр Владимир. Член союза художников СССР. Буклет. – Донецк: Облполитграфиздат, 1989.
14. Юрий Зорко. Живопись, акварель, рисунок. Каталог выставки. – Донецк: Радянська Донеччина, 1987.

Надійшла до редакції 20.03.98 р.

ББК: ТЗ / 4 УКР 55/6 – 2 я 73

ПОЛІТИЧНЕ ЖИТТЯ В ДОНБАСІ (1989-1994 рр.)*В.Ф. Бурносів*

Становлення суверенної української держави пов'язане з багатьма складними проблемами в усіх сферах політичного життя. Особливої гостроти набуло питання демократизації громадського життя Донбасу, яке вважалося практично вирішеним за роки перебування. Ситуація, що склалася в Україні та в Донбасі в сучасний період, підтверджує необхідність розробки питання демократизації, яка повинна виходити насамперед з пріоритетів загально людських цінностей та прав людини.

Декларація про державний суверенітет України, Акт про проголошення її незалежності, результати грудневого (1991р.) референдуму, наступні законодавчі акти держави, економічна та політична ситуація в Донбасі, вибори 1994 р. переконали, що необхідно враховувати в різних галузях державного, громадсько-політичного та культурного життя питання демократизації громадського життя.

Однієї з найважливіших причин, які впливають на сучасну ситуацію в Донбасі, є те, що становлення та розвиток демократії відбувається за умов формування багатопартійності. Протягом десятиріч існувала повна монополія КПРС в ідеологічному житті. Наприкінці 80-х років ситуація змінилась, на формування громадської думки почали впливати нові громадські об'єднання. Ці обставини зобов'язують до вивчення їх підходів до рішення проблем демократизації в Україні та в Донбасі.

За період, який досліджується, сталися якісні зміни в геополітичній ситуації, розпочалося становлення незалежної української держави. В Україні і в Донбасі виникли нові політичні та громадські організації, які проголосили в своїх програмах основною метою досягнення незалежності України і демократизацію всіх галузей життя і діяли в цьому напрямку. Найактивніша діяльність партій та громадських об'єднань почалася з 1994 року. Вибори 1994 року завершили черговий етап діяльності громадських об'єднань в Донбасі і в Україні в галузі демократизації і розпочали новий рівень державних та громадських відносин. Діяльність політичних організацій відбулась вже на іншому рівні, починаючи з 1994 р.

Процес становлення партійної системи в Донбасі багато в чому схожий з тим, що відбувався в цілому в Україні. Разом з тим він має свої відмінні риси. До 1994 року щороку збільшувалася кількість партій. На кінець 1991 року Мінюст України зареєструвало в Донецькій області 11 партій, на кінець 1992 року – 17, наприкінці 1993 року – 32, а в кінці 1994 року було вже 40 партій [1].

Але велика кількість партій не свідчить про рівень демократизації. Бо деякі з них не мають широкого впливу, а деякі намагаються нав'язати свою модель суспільного розвитку і ідеологічне домінування. У інших відсутня гнучкість. Вони нездатні на компроміси, а блокування закриває для багатьох партій можливість широкого впливу. В Донбасі у зв'язку з погіршенням соціально-економічної ситуації проходить активізація діяльності політичних партій та рухів. Практично всі партії та політичні об'єднання Донбасу проголошують однієї з головних цілей, захист населення від наслідків обвальної кризи в економіці.

Україна на даному етапі переходить від однопартійної до багатопартійної системи. В цих умовах необхідно придивитися до світового досвіду, проаналізувати стан багатопартійної системи в державі, розглянути тенденції, що набрали сили за останній час.

Останнім часом партійна структура як на Заході, так і в Україні спростилась. Замість великої кількості партій, що відстоювали кожна свою програму, залишилось декілька сучасних партій, які розрізняються між собою визначеним вибором, суворого розмежованою ієрархією соціальних та політичних цінностей. Те ще, як уявляють поєднання між собою економічного та соціального розвитку, ринкового механізму та держрегулювання, соціального прогресу та вирішення екологічних проблем, централізму та децентралізації і таке інше [2].

В Україні процес інтеграції партій розпочався під час підготовки до виборів 1994 року, коли партії, що дотримувались схожих політичних інтересів, на основі спільних виборчих платформ, об'єднались, організували виборчі коаліції і створили блоки для спільного висунення кандидатів.

В Донбасі у наш час має місце тенденція переходу від маловпливових партій до стабільної системи поляризованого плюралізму. Тут спостерігається виникнення партій, що виражають інтереси певних соціальних прошарків: підприємців (ЛПУ), працівників колективних селянських господарств (СелПУ), керівників держпідприємств (Асоціація підприємців Донецької області «Ділові збори»). Для Донбасу характерна ще одна особливість політичного процесу – посилення позицій центристських сил.

Напередодні виборів 1994 року профспілкові організації виявили політичну активність. У лютому 1994 року відбулася зустріч профспілок України з профактивом Донецької та Луганської областей. Тут обговорювались питання про єдність дій профспілкових організацій на період виборчої кампанії [3].

Так, Луганська обласна федерація незалежних профспілок оголосила власну передвиборчу платформу, яка була спрямована на захист інтересів людини праці. У разі успіху на виборах профспілки мали намір створити в парламенті фракцію, яка б впливала на законодавчу політику [4].

Таким чином, у процесі становлення демократичного суспільства в Донбасі громадські організації відіграли важливу роль. Завдяки їхній діяльності відбулись значні зміни в політичній системі суспільства, які набували можливості постійно та успішно адаптуватися до нових зразків соціальних цілей і створювати нові види інститутів, які б забезпечували канали для ефективного діалогу між урядом та трудящими.

Діяльність робітничих та професійних організацій стимулювало проведенню реформ, орієнтованих на втілення ідеалів свободи демократії, справедливості, гуманізму.

В той же час різко впала довіра населення до органів влади. В Донбасі при дослідженні цього питання 78% респондентів погодились, що політичні лідери різного рівня далекі від народу та байдужі до його проблем, лише 10% вважають, що чесність - характерна риса українських політиків національного масштабу, а 41% дотримується протилежної думки. І лише 9% вважають, що нашим політикам притаманні професіоналізм і компетентність, а 42% переконані у протилежному [5]. Діяльність партійних структур та місцевих органів влади не викликає інтересу населення, оскільки вони далекі від народу. Так вважають 34% опитаних [6].

Криза довіри населення органам влади була обумовлена неефективністю всіх гілок влади. У цих складних політичних умовах і проходили в Донбасі вибори до Верховної та місцевих Рад народних депутатів.

До виборів 1994 року майже кожна політична партія мала свою програму, своїх кандидатів у депутати, свої ідейні установи. В ході передвиборчої кампанії в умовах багатопартійності політичні партії робили спроби створити передвиборчі блоки, центри, політичні коаліції. Метою цих об'єднань було досягнення максимального представництва своїх кандидатів на виборах до Верховної Ради України та недопущення

спільної боротьби серед кандидатів на виборах однієї орієнтації [Вибори-94 // Демократ. – 1995. – №2 [3] груд., – с.1].

Серед 33-х партій та незалежних громадських організацій створилось 4 основні політичні блоки: соціалісти з комуністами; лівоцентристських міжрегіональний блок за реформи (МБР); правоцентристська Українська демократична коаліція та «стара гвардія» – партія влади.

20 березня 1994 року в Донбасі було оголошено день єдиних дій лівих сил на виборах кандидатів у народні депутати України. Основними гаслами соціалістів і комуністів були: повернення до планової економіки, суворий контроль за експортом та імпортом, боротьба з корупцією, злочинністю, міцне державне регулювання і контроль виробництва, підписання Економічного Союзу країн СНД [7]. Єдиною розбіжністю було те, що соціалісти визнавали всі форми власності, а комуністи заперечували приватновласницькі інтереси [8]. Міжрегіональний блок реформ (МБР), сформований О.Гриньовим і Л.Кучмою, об'єднав у своїх лавах дрібних бізнесменів, приватних підприємців, діячів ліберальних партій. Основні положення програми МБР: українсько-російська двомовність, приватизація дрібних підприємств, корпоратизація великих державних підприємств, членство України в СНД [9].

В Донбасі напередодні виборів націонал-демократичні організації провели конференцію демократичних сил Донецької та Луганської областей. На установчій конференції в березні 1993 року було створено антикомуністичний антиімперський фронт Донбасу з метою протидії комуністичним силам [10].

2 жовтня 1993 року в Донецьку відбулася конференція конгресу Донеччини (НКД), до складу якого ввійшли 11 організацій. Головною метою НКД було проголошено об'єднання демократичних сил Донеччини в боротьбі проти «сепаратизму» та збереження територіальної цілісності України [11].

23 жовтня 1993 року в Донецьку відбулася конференція ряду громадських об'єднань Донецької області з метою консолідації зусиль у передвиборчій боротьбі. На конференції було створено блок громадських та політичних організацій «Демократична Донеччина» [12].

Комітет «Громадянський порятунк» було створено у жовтні 1993 року як передвиборчу коаліцію. У зверненні до громадян Донбасу комітет закликав об'єднати зусилля на базі громадськості та реалізму [13].

У грудні 1993 року в Луганську також було створено «Предвиборчу спілку демократичних сил Луганщини» [14].

«Партію влади» можна охарактеризувати як об'єднання колишніх комуністів, які на момент передвиборчої кампанії керували Україною. Це не політична і не громадська організація. Її лідерами були Л.Кравчук та І.Плющ. «Партія влади» виступала за поглиблення економічних реформ, в політичному плані – за унітарну державу та територіальну цілісність України. Однак, частина представників «Партії влади» відстоювала парламентську республіку, а інша – президентську [15].

Підготовка до виборів в Україні почалася з прийняття на пленарному засіданні Верховної Ради 7 жовтня 1993 року Закону про назву, структуру та кількісний склад нового парламенту. З цього моменту почалося обговорення проекту закону про вибори народних депутатів [16].

10 листопада 1993 року Верховна Рада України прийняла законопроект у першому читанні. Вибори в Україні повинні були, згідно з новим законом, проходити по мажоритарній системі, перевагу якій віддали більшість депутатів [17].

Практично з моменту прийняття цього закону розпочалася його критика з боку демократичних партій. Відмічалось, що до розробки закону не було залучено жодного спеціаліста з наукових установ України (в тому числі і Інституту держави і права АН України, Фонду сприяння розвитку місцевого та регіонального самоуправління України). Але найбільшу критику викликала мажоритарна система виборів та механізм висунення кандидатів від політичних партій. Згідно закону, партії або їхні блоки мають право висунути по одному кандидату тільки після того, як ці партії будуть зареєстровані Центральною виборчою комісією згідно ст.23, параграфа: Закону про вибори. При висуненні кандидатів від партій регламентувалася не тільки мінімальна кількість регіонального відділення (100 чол.), але й кількість присутніх на висуненні (не менше 50 делегатів). Найпростішим було висунення претендентів від трудових колективів. Представники демократичних партій визначають, що статуту про висунення кандидатів у депутати нема в законодавстві жодної держави парламентської демократії [18].

Регламентація кількості претендентів від партій та складна процедура висунення спонукала кандидатів приховувати на виборах свою партійну належність і висувати свою кандидатуру від трудових колективів. У Донбасі це було характерно для членів КПУ та ЛПУ. Враховуючи недоліки закону про вибори напередодні 27 березня, більшість українців не вірили, що вибори будуть демократичними. За результатами опитування, організованого соціальною службою центру «Демократичні ініціативи» в 11 регіонах України, в тому числі і в Донбасі, на запитання «Чи вірити Ви, що майбутні вибори будуть справді демократичними?» «так» відповіли 21% респондентів, «ні» - 54%, 63 % припустили таку можливість [19].

У період підготовки до виборів було проведено ряд заходів по забезпеченню контролю за законністю ведення виборчої кампанії. 11 січня із представників партій та громадських організацій демократичного спрямування Луганської області було створено виборчий комітет. Комітет повинен був повідомляти про порушення у ході виборів [20].

Незважаючи на вжиті закони, зловживань було багато, і Центральний виборчий комітет одержав значну кількість заяв про порушення закону. Наприклад, від Донецької обласної конференції КПУ надійшла інформація про хід виборів 27 березня та повторного голосування 10 квітня 1994 року та про факти підкупу посадових осіб, причетних до виборів, шантаж та погрози окремим кандидатам в народні депутати, про підтасовку результатів голосування [21].

Не на всіх виборчих дільницях дотримувались умов таємного голосування. При проведенні агітації використовувалися матеріали неофіційного характеру, було відзначено і відсутність на листівках вихідних даних [22].

Вибри в народні депутати в Донбасі проходили таким чином:

В 47-и виборчих округах Донецької області було зареєстровано 562 кандидати. В середньому – близько 12-и кандидатів від кожного округу (в цілому в Україні – 13 кандидатів від округу).

Найбільша кількість кандидатів була представлена від комуністичних партій – 52 (у всіх 47-и виборчих округах). Інші партії висунули значно менше: ліберали – 27 кандидатів, соціалісти – 20, Партія Праці – 10, РУХ, УРП, ДемПУ – 6. Всього від партій Донецької області було висунуто 90 кандидатів [23].

В Луганській області було зареєстровано 365 кандидатів. На один депутатський мандат претендувало в середньому 15 чоловік. Комуністична партія Луганщини висунула своїх кандидатів по всіх 25-и округах [24]. І тільки комуністи стали кандидатами в народні депутати на партійній основі. Інші патрії не провели конференцій, на яких потрібно було

висунути своїх кандидатів. Таким чином, політичні партії висловили протест проти виборчого закону, який передбачає вибори по мажоритарній системі [25].

Жителі Донбасу взяли активну участь у виборах народних депутатів 27 березня 1994 року. В Луганській області у голосуванні взяли участь від 60 до 69% виборців, в Донецькій - від 52 до 59%. В середньому по Україні взяли участь у виборах 67% виборців [26]. У II турі виборів – 10 квітня 1994 року – активність виборців Донбасу була вищою: у Донецькій області вибори відбулися в 43 виборчих округах з 47, у Луганській області – у всіх 25 округах. У цьому зіграли роль дві обставини: по-перше, широка пропагандистська робота більш чітко визначила кредо того чи іншого кандидата, по-друге, значно звузилось поле вибору [27].

За результатами II туру виборів в Донбасі перемогу одержав блок комуністів та соціалістів. Зокрема в Луганській області представники цього блоку отримали мандати в 16 округах з 25-и, а в Донецькій близько половини. Донбас продемонстрував самий високий в державі успіх лівих сил [28]. Причина їх успіху в тому, що ці партії організовано висунули своїх кандидатів у всіх виборчих округах. Програма їх кандидатів будувалась на єдиній платформі, суть якої – відновлення планової економіки, зниження цін на товари, боротьба зі злочинністю [29].

Поразка демократичних партій та рухів на виборах пояснюється тим, що майже всі їх кандидати не об'єднались навколо однієї близької народу платформи, діяли не узгоджено, боролися один проти одного. Наявність же в Донбасі декількох демократичних блоків тільки зіграла дестабілізуючу роль, розпорошивши сили демократів. Жодного мандату не отримали представники ЛПУ, які мали намір отримати найбільшу кількість голосів на виборах [30].

Активна участь населення регіону у виборах найреальніше відобразила прагнення народу до демократичного розвитку державності. Найефективнішою формою політичної активності має у функціонуванні та розвитку політичної системи є участь у виборах і референдумах. У 1994 році було проведено вибори до представницьких органів нового типу. Ці вибори докорінно змінили як форму і структуру багатьох органів влади, так і саму людину, що приймала участь у цьому процесі [31]. А низька ефективність механізмів демократії обумовлена не тільки опором традиційних бюрократичних інститутів, але й особливостями психології людей, що пристосовуються до нових умов демократії [32].

За даними опитування громадської думки, що було проведене Інститутом соціології АН України, процес, що іменується демократизацією, веде суспільство, за думкою більшості опитаних, у протилежному напрямку: 60% вважають, що корупція та протекціонізм зросли, 84% вважають, що соціально-економічне становище республіки погіршилось, 69% вказують і на погіршення становища робітників [33].

Ідея демократії на Донеччині сприймається як дуже далека від того суспільства, в якому доводиться вирішувати загальні проблеми. Основні характеристики, з якими більшість населення регіону пов'язує поняття демократії, це: політичні свободи – 68-78%, соціальна справедливість – 54-66%, поліпшення економічних умов – 56-62% респондентів [34]. Але якими б не були труднощі, вибір населення на користь демократичних орієнтирів очевидний. Він виявляється в тому, що при вкрай негативній оцінці політичного становища в республіці (тілкі 3% оцінили його позитивно, а 50% – негативно), при незначній довірі до всіх політичних організацій (партіям довіряють тільки 11%), більшість населення (61%) виступає проти повернення до однопартійної системи (за 19%, вагалися з відповіддю – 20%). Цей вибір і у відповіді на запитання «Чи організували б Ви страйк або брали б у ньому участь, якби правляча партія стала зловживати

владою і Ви побоювалися б за обмеження демократії?» відповіли позитивно 47%, негативно – 37%, вагалися з відповіддю – 19% [35].

РЕЗЮМЕ

В статье на большом фактическом материале впервые рассказывается о сложных социально-политических процессах в Донбассе, о складывании многопартийной политической системы, предвыборной борьбе политических организаций, возрождении рабочего движения.

Значительное внимание уделяется ходу и анализу результатов выборов в Верховную Раду Украины 1994 года.

SUMMARY

In this article a wide range of questions concerning complex social and political process in Donbass are presented for the first time on the base of voluminous document and materials. Special attention of the author is given to the formation of the multi-party system, pre-election inter-party struggle and working movement renaissance in the region. Considerable part research is devoted to consideration of the course of 1994 Parliamentary Election campaign and analysis of its' results.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Политические партии и общественные организации и движения Донецкой области. – Донецк: РИП «Лебедь», 1994. – С.3.
2. Перегудов С., Холодновский К. Политическое просвещение: Мировой опыт и тенденции развития // Коммунист – 1991. – №2. – С.65-76; С.66.
3. Швец П. Единство во имя защиты // Профспілкова гезета. – 1994. – 2 лют. – С.1.
4. Шакалов М. Профсоюзы вступают в борьбу // Рабочая газета. – 1994. – 10 фев. – С.3.
5. Політична криза // Українське слово. – 1993. – 12 лист. – С.5.
6. Там же. – С.4.
7. За лучшую жизнь // Первая линия. – 1994. – 26 марта.
8. Чего хотят социалисты? // Соц. Донбасс. – 1994. – 4 марта. – С.2.
9. Поляков П. Межрегиональный блок реформ // Шахтерский вестник. – 1994. – 21 марта. – С.2.
10. Рух: хвиля антиімперського фронту // Укр. Слово. – 1993. – 5 бер. – С.3.
11. Утворено народний конгрес Донеччини // Укр. Слово. – 1993. – 15 жовт. – С.3.
12. Донецкая область: политические партии... – С.41.
13. Обращение комитета «Гражданское спасение» к гражданам Донбасса // Жизнь Луганска. – 1993. – №41. – С.47.
14. Заявление о создании Предвыборного союза // Жизнь Луганска. – 1993. – №50. – С.4.
15. Корнилов Д. Украина. Власть номенклатуры, номенклатура власти // Левый берег. – 1994. – 20-26 декабря. – С.2.
16. Борисова О. Есть такая партия! Партия власти... // Жизнь Луганска. – 1994. – 15 апр. – №16. – С.3.
17. Закон о выборах принят // Донецкий кряж. – 1993. – № 41.
18. Принциповність у виборі // Демократ. – 1993. – №2. – С.2.
19. Виборча статистика // Укр. Слово. – 1994. – 17 березня.
20. Заява повноважних представників партій та громадських організацій // Жизнь Луганска. – 1994. – №2. – С.6.

21. Листовка Калининского РК КПУ г.Донецка. – 1994, апрель.
22. Вибори-94 // Весть. – 1994. – 26 марта.
23. Олесь О. Кандидати в асортименті // Східний часопис. – 1993. – 22 бер. – С.1; Сообщения окружных избирательных комиссий по выборам народных депутатов Украины, состоявшимся 27 марта 1994 // Вечерний Донецк. – 1994. – 5 апр. – С.1.
24. Черкасов А. Нельзя ошибиться // Луганская правда. – 1994. – 15 янв.
25. Знову однопартійність? // Голос України. – 1994. – 25 лютого.
26. Там же.
27. Хидченко А. Время собирать камни // Трудовой Донбасс. – 1994. – 16-22 апр. – С.1.
28. Крамаренко А. Коммунисты идут // Жизнь Луганска. – 1994. – №17. – С.2.
29. Предвыборная программа коммунистической партии // Луганская правда. – 1994. – 11 янв. – С.1.
30. Либеральная партия Украины от Учредительного до первого съездов. – Донецк: Центр. соц.-эк. и полит. анализа ЛПУ. – 1993. – 30с.
31. Головаха Е.И., Бекешкина И. Э., Небоженко В.С. Демократизация общества и развития личности. – К.: Наукова думка, 1995. – 124с. – С.78.
32. Там же. – С.90.
33. Там же. – С.100.
34. Там же. – С.101, 106.
35. Головаха Е.И., Бекешкина И. Э., Небоженко В.С. Указ. соч. – С.100.

Надійшла до редакції 14.03.98 р.

ББК ТЗ(4УКР)63-28

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА

В.И.Масальский

Динамичность процессов, происходящих в социальной структуре современной Украины, заставляет задуматься и искать ответы на такие важные и актуальные вопросы: из каких классов, слоев, групп состоит сегодня наше общество? Каковы основные критерии дифференциации населения в нем? Каковы социальные дистанции, разделяющие в нашем обществе одни слои, социальные группы от других? Как упорядочены относительно друг друга разные социальные группы, т.е. какие из них занимают самые высокие позиции, а какие – самые низкие? Какими социальными взаимоотношениями связаны социальные группы (конфликтными или, наоборот, дружественными, согласованными)? Какова социальная мобильность в нашем обществе: кто и из каких групп перемещается, в какие группы, интенсивны ли эти перемещения и каковы их последствия? Наконец, каков механизм воспроизводства социальных групп?

Очевидно, что, не ответив на эти вопросы, мы обречены жить «вслепую». Но и получить научно обоснованные ответы на поставленные выше вопросы, руководствуясь только марксистскими критериями анализа социально-классовой структуры на современном этапе, практически невозможно. Становится не только целесообразным, но и необходимым использование теоретических и методологических инструментов анализа, которыми владеет мировая социология. Речь идет о разработанной П.А.Сорокиным теории социальной стратификации [1, с.302-424] и успешно исполь-

зуемой на западе уже многие десятилетия в качестве главной составной части теоретико-методологического «оснащения» конкретных исследований социальных структур.

Содержание понятия социальная стратификация можно определить так: стратификация – это процесс, в результате которого семьи и индивиды оказываются не равными друг другу и группируются в иерархически расположенные страты с различным престижем, собственностью и властью. Социальная стратификация, следовательно, означает не просто различное положение в обществе отдельных индивидов, семей или целых страт, но именно неравное их положение [1, с.302-307; 2, с.25].

Не вдаваясь в другие детали, отметим, что теория социальной стратификации обеспечивает выделение упорядоченной совокупности социальных слоев, отличающихся друг от друга определенными и наиболее важными для конкретного общества статусными признаками: характером собственности, размером дохода, объемом власти, престижем, национальными, религиозными и другими чертами.

Как видно, социальная стратификация – это не только метод выявления слоев рассматриваемого общества. Одновременно она и зеркальное отражение, «портрет» самого этого общества. Следовательно, опираясь на теорию социальной стратификации, мы сможем провести объективные, глубокие и репрезентативные (общегосударственные и региональные) исследования современной социальной структуры и выявить основные слои нашего общества.

О том, сколь не проста данная задача, свидетельствуют первые попытки ее решения. Так, группа харьковских ученых считает, что в Украине к началу 1997 года произошла дифференциация населения на следующие социальные слои:

1. Управленческая бюрократия высшего ранга; 2. Управленческая бюрократия местных органов власти; 3. Квалифицированные и неквалифицированные рабочие государственных предприятий; 4. Земледельцы (колхозники, рабочие совхозов, фермеры, единые по характеру труда и доходам); 5. Группы инженерно-технических работников и рядовых служащих, научно-техническая и гуманитарная интеллигенция; 6. Учащиеся и студенты; 7. Группы, занимающиеся индивидуально-трудовой деятельностью (легально и нелегально); 8. Кооператоры; 9. Деклассированные слои (профессиональные преступники и лица без определенного места жительства); 10. Многочисленные группы люмпенизированного населения («социального дна») [3, с.290].

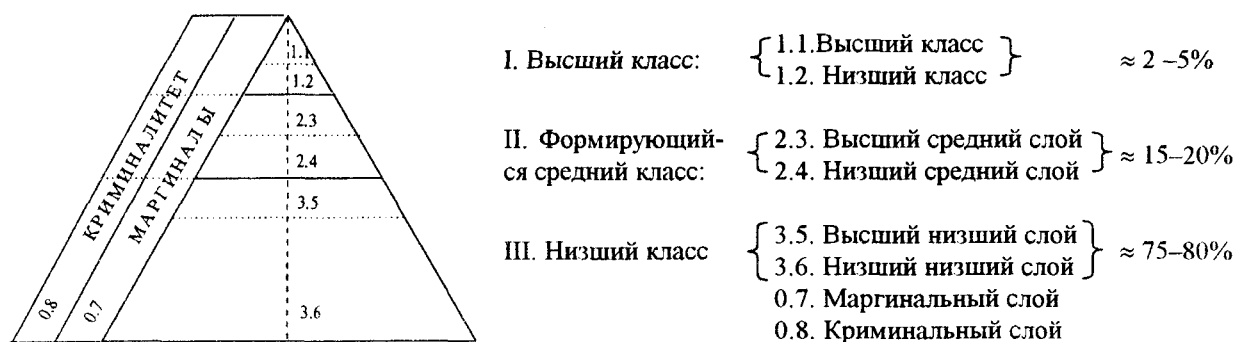
Даже эта, как подчеркивают сами авторы, грубая и приблизительная прикидка свидетельствует о том, что к началу 1997 года украинское общество представляло собой довольно сложную социально-дифференцированную структуру, состоящую из десяти социальных слоев и, как минимум, трех крупных социальных классов: «верхов», «середины» и «низов».

Процесс трансформации социальной структуры советской Украины в структуру капиталистического общества еще далек от завершения. Тем не менее сложившиеся к настоящему времени некоторые ее основные черты и тенденции, несмотря на чрезвычайную скудость эмпирической базы, как социальной статистики, так и социологических исследований нуждаются в дальнейшей систематизации и анализе. Предпримем такую попытку, помня о том, что в силу непрерывных и особенно очень активных в наше время социальных изменений, предлагаемая схема будет носить в определенной степени относительный, а не абсолютный характер.

Прежде всего посмотрим на картину общества в целом. Если взять за основу изучения процессов социального расслоения предложенный американским социологом У.Л.Уорнером принцип и все население Украины стратифицировать в общественной пирамиде по таким статусным признакам: а) отношение к власти, б) имущественное положение

ние, в) доход и престиж, то, на наш взгляд, можно выделить три основных общественных класса: верхний, формирующийся средний и низший. Можно распределить относительный удельный вес указанных классов в структуре населения Украины: верхний $\approx 2-5\%$, формирующийся средний $\approx 15-20\%$, низший $\approx 75-80\%$. В свою очередь, каждый из указанных классов, по меньшей мере, состоит из двух горизонтальных статусных слоев: верхнего и нижнего, а также – двух вертикальных составных частей, формирующихся из представителей маргинального и криминального слоев и как бы пронизывающих в общественной пирамиде все составляющие ее социальные структуры.

В целом, с учетом сказанного, социальную структуру нашего общества, представленную в виде пирамидально-веретенообразной формы, схематично можно изобразить следующим образом (см. рисунок и пояснения к нему):

Основанием для проведения такой стратификации служат статистические и другие данные, опубликованные за последние полтора-два года в средствах массовой информации, официальных выступлениях представителей государственных и общественно-политических структур власти и управления, публикациях Института трансформации общества, результатах проведенных социологических исследований. Так, серия соцопросов, проведенных Национальным институтом стратегических исследований, показала, что у 81% семей Украины уровень жизни за 1996 – первую половину 1997 гг. «ухудшился» или «ухудшился существенно». Только 12% населения имели доход на 1 члена семьи 150 гривень (около 83 долларов США) в месяц, то есть не принадлежали к категории бедных граждан по квалификации ООН. У абсолютного большинства соотечественников доход был значительно ниже, а 40% граждан – и вовсе на грани выживания [4, с.3]. Прежде всего это огромный слой пенсионеров, составляющий почти треть населения Украины или свыше 14 млн. человек [5]. В не менее сложной ситуации оказались 11,5 млн. работающих граждан, которые не получают своевременно зарплату, на отдельных предприятиях в течение 1,5-2 лет. В целом на февраль 1998 года государство задолжало своему народу 5 млрд. гривень [6, с.5].

Опираясь на фактический материал и накопленные в мировой и отечественной социологии методики анализа рассматриваемой проблемы, попробуем сформулировать краткие социальные характеристики указанных выше классов, составляющих их горизонтальных статусных слоев и вертикальных составляющих частей.

1.1. Высший высший слой – правящая государственная элита, высшее военное руководство, госчиновники, руководство крупных банков. Это представители крупной, кланово-коррупцированной, космополитической и компрадорской буржуазии [подробнее см.: 4, с. 3-5]. Обладают фактически бесконтрольной властью, огромными материальными доходами, социальными привилегиями, практически неподвластны судебно-правовым санкциям [4, с. 3, 5; 6].

1.2. Низший высший слой – правящая региональная буржуазная элита, чиновники региональных органов власти, банкиры, рантье, старший офицерский корпус, высший слой интеллигенции: лауреаты, выдающиеся ученые, академики, артисты, художники, спортсмены. Власти у них намного меньше, чем у представителей первого слоя. Тем не менее, по материальному обеспечению, условиям труда, быта и привилегиям очень близки к нему. Пользуются послаблением правовых санкций.

2.3. Высший средний слой – средняя буржуазия, преуспевающие бизнесмены, наемные менеджеры, крупные юристы, врачи, известные ученые, спортсмены представители творческой интеллигенции, старший офицерский корпус, частично – работники силовых структур, рабочая элита. Получают достаточно высокую зарплату и другие доходы, имеют соответствующий престиж, но, как правило, не претендуют массово на влияние в масштабах государства. В своих сферах деятельности их положение прочно и устойчиво. Сторонники стабильности.

2.4. Низший средний слой – мелкая буржуазия, наемные высококвалифицированные специалисты-инженеры, средние и мелкие чиновники, преподаватели, учителя, врачи, научные работники, руководители подразделений в учреждениях и предприятиях, промышленные рабочие и работники сельского труда. Их заработная плата вместе с другими доходами позволяет сохранять приличный образ жизни. Заботятся о повышении своего статуса, успехе и карьере. Выступают за политическую и экономическую стабильность общества.

3.5. Высший низший слой – средне и малоквалифицированные наемные рабочие в городах, аналогичные слои многочисленного крестьянства, мелкие служащие, технические работники. Сюда же следует отнести учащихся, студентов, пенсионеров, военнослужащих срочной службы. Преимущественно заняты тяжелым физическим трудом при низкой зарплате и отсутствии комфортной рекреации. Для большей части условия жизни и уровень материального благосостояния весьма скромны. Зависимы от высших слоев в отношении получения доходов и средств к существованию и потому настроены к ним весьма радикально.

3.6. Низший низший слой – безработные, бездомные, нищие, беспризорные дети, подростки и взрослые, инвалиды. Сюда же входит часть паразитирующих элементов – наркоманы, проститутки, разного рода вымогатели, заключенные и т.п. Так, по опубликованному в печати данным, на 1 октября 1997 года только в Донецком наркоцентре состояло на учете 1517 человек с диагнозом «наркомания», причем каждый третий из них – ВИЧ инфицированный [8]. Растет число детей, которые потенциально пополняют криминальные круги. Только через Донецкий областной приемник-распределитель за год проходит порядка 3200 детей-сирот, лишенных родительской опеки, беспризорных и т.п. [8].

0.7. Маргинальные (переходные) слои населения. В их числе, прежде всего, граждане резко разбогатевшие или, наоборот, обанкротившиеся, впавшие в крайнюю нищету пенсионеры, инвалиды, опустившиеся, т.е. люди в социальном статусе которых происходят существенные изменения. Сюда же следует отнести беженцев, вынужденных переселенцев, мигрирующее по разным причинам население. Это скорее механическое, а не естественное перемещение населения внутри социальной структуры государства. Так, по данным киевской миссии Верховного комиссара ООН, с 1991 по 1997 гг. в Украину въехали 1,4 млн. человек из республик бывшего СССР. Обратный поток составил 1,1 млн. Еще около 300 тысяч (преимущественно немцев и евреев) выехали из Украины в страны дальнего зарубежья. Мигрантами считаются и черномыльские переселенцы – более 150 тыс. человек. Особенно активно шел миграционный процесс в

Крыму, куда возвратилось свыше 260 тысяч крымских татар. Активные миграционные подвижки характерны и для Донецкого региона [9].

0.8. Криминальный слой – является на современном этапе развития составной частью каждого из шести стратифицированных слоев общества. Причем, чем выше социальный слой, тем мощнее и организованнее его криминальная часть. Практически в каждый слой стратификационной пирамиды проникают и действуют под видом чиновников государственных политических и силовых структур, членов депутатского корпуса законспирированные представители криминальных структур и теневой экономики, составляющие, по сути, вершины различных мафиозных образований. Это главари и дельцы наркобизнеса, воротилы теневых валютного, энергетического, алмазного, золотопроизводящего, пушного и других видов высокoeffективного бизнеса. В этом же слое руководители и чиновники лже-благотворительных финансово-махинаторских фондов, фирм и компаний [страховых, ваучерных аферистов и т.п.], киллеры, боевики, рекетиры, воры в законе, сутенеры и валютные проститутки. Причем, каждый стратифицированный слой социальной пирамиды на данном этапе развития содержит в себе часть соответствующего уровня перечисленного криминалитета. Об этом прямо заявил президент Украины на совещании руководства МВД страны 5 августа 1994 года: «...в Украине сложилась пятая власть – власть теневой экономики и государственного рекета. Определенные должностные лица использовали свое положение для личного обогащения» [10]. Ныне теневой капитал в стране составляет около 50 млрд. гривен [6, с.5].

По материалам СБУ, только в Крыму депутатами Советов разного уровня было избрано около 40 представителей криминальных группировок. В 1995 году органами милиции установлены преступления, к которым причастны 106 служащих государственных органов власти, 79 сотрудников правоохранительных органов, 30 народных депутатов разного уровня [11].

Крепко обманули граждан Украины и финансовые аферисты, так называемые доверительные общества и трасты: 4 миллиона человек на 217 миллионов гривен. Из этого объема почти 117 миллионов гривен использовано не по назначению. Получить назад эти деньги невозможно – исчезли и преступники, и деньги [12].

Каковы же наиболее общие характерные черты процесса трансформации социальной структуры украинского общества?

Во-первых, социальная структура современного украинского общества находится лишь в начальной стадии формирования.

Во-вторых, границы всех выявившихся социальных классов, слоев и входящих в их состав социальных групп очень подвижны и изменчивы, иными словами, находятся в состоянии повышенной социальной мобильности и динамики.

В-третьих, постепенно трансформируясь из социалистического типа в капиталистический, современная социальная структура Украины соединила в себе «горизонтальные» социальные слои, создающие основу для будущего капиталистического общества и которые как бы пронизаны двумя, частично составляющими их, вертикальными социальными группами, неизбежными на соответствующем этапе развития капитализма:

а). Маргинальная группа, характеризующаяся неустойчивыми, нередко асоциальными и антисоциальными установками и настроением;

б). Криминальная общественная группа, не очень многочисленная, но очень мощная, мобильная с обширным и, как правило, скрытыми связями, целями, интересами и установками.

В-четвертых, приходится констатировать, к сожалению, что абсолютное большинство граждан (до 80%) нашего современного общества сосредоточенно в низшем

классе, занятом мало- (и нередко с большими задержками) оплачиваемым, исполнительским трудом средней и более низкой квалификации.

В-пятых, идет процесс формирования среднего класса, составляющего на данном этапе весьма незначительную часть населения (10-15%) Украины. Объясняется это многими причинами и в первую очередь – невниманием государства к созданию среднего класса. Правда, в последнее время в этом вопросе наметились положительные сдвиги: 23 декабря 1997 г. подписан Закон Украины «О внесении изменений в Закон «О предпринимательстве» [13]. В этом законодательном акте значительно расширена свобода хозяйственной деятельности в сфере малого и среднего предпринимательства. Если удастся реализовать положения этого закона в реальную практику, то это будет означать, что формирующийся «динамический» средний класс начнет трансформироваться в классическую опору стабильности и социального порядка [14, с.14,17].

Подводя некоторый итог, можно сказать, что в целом процесс трансформации социальной структуры Украины ещё далёк от своего завершения. Тем не менее его постоянное изучение и анализ крайне необходимы, ибо социальные группы населения – это двигатели общественного развития. От занятых ими лидирующих или подчиненных позиций, их идеологии и реальной деятельности зависит тип трансформирующегося общества, его общественно-политическое и государственное устройство. А это именно то, что очень важно знать всем гражданам Украины в процессе их созидательной деятельности.

РЕЗЮМЕ

На базі даних періодичної преси, радіо, телебачення, державної статистики, соціологічних опитувань та окремих спеціальних досліджень розглядаються зміни в соціальній структурі українського суспільства, що відбуваються в процесі його трансформації від соціалістичного до капіталістичного ладу. Виділено три основних суспільних класи, показана їх питома вага у структурі всього населення України, сформульовані короткі соціальні характеристики шести горизонтальних статусних верств, а також двох прямовисних складових частин: маргінальної і кримінальної.

SUMMARY

The research is based on the data presented by Mass Media, state statistics, sociological questionnaire and some special investigation the changes taking place in social structure of modern Ukrainian society in the course of transformation from socialism to capitalism is paid attention to. Three main social classes have been formed, the specific weight of them in the structure of the whole population of Ukraine is shown brief, social characteristics of six social levels and of their two integral parts, marginal and criminal, is given.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Человек, цивилизация, общество. Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543с.
2. Рывкина Р.В. Советская социология и теория социальной стратификации // Постигение: социология, социальная политика... – М.: Прогресс, 1989.
3. Социология. Наука об обществе. Учебное пособие / Под общ. ред. проф. В.П.Андрущенко, Н.И.Гирлача. – Харьков, 1996.–687с.
4. Омельченко Г. Компромисса с кланово –коррупцированной властью быть не может // Голос Украины, 1997, 3 июня.

5. Мельник С. Сегодняшние пенсии – это позор для государства // Голос Украины, 1997, 6 марта. – С.5; Пастернак Г. Сколько той жизни? Семь лет до школы и три – на пенсии // Голос Украины, 1997, 16 апреля.
6. Свичколап Н. Дожить, дожждаться, доносить // Правда Украины, 1998, февральский спецвыпуск. – С.5.
7. Бородай А. Депутатский иммунитет – ширма для преступников? // Вечерний Донецк, 1997, 27 января.
8. Матекина Т. Наркомания молодеет // Вечерний Донецк, 1997, 28 ноября; Ревера М. Каким будет наше будущее // Вечерний Донецк, 1998, 14 января.
9. Семигина Т. Беженцы в Украине // Вечерний Донецк, 1996, 19 ноября; Люди едут... но вряд ли за туманом // Вечерний Донецк, 1997, 2 декабря.
10. Откуда взялась мафия? // Приазовский рабочий, 1996, 5 августа.
11. Теневая экономика и организованная преступность в Украине // Вечерний Донецк, 1996, 26, 27, 29 марта.
12. Горбов В. Кто там в теневой экономике живет? // Вечерний Донецк, 1998, 17 февраля.
13. Голос Украины, 1998, 3 февраля.
14. Заславская Т.И. Трансформация социальной структуры российского общества // Куда идет Россия? Материалы международного симпозиума. – М., 1996. – 506с.

Надійшла до редакції 30.03.98 р.

ББК ТЗ / 4 нем / 4я 73 Д 196

ГЕРМАНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ В МЕОТИДЕ И СЕВЕРНОЙ ПОНТИДЕ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

А.А.Дынгес

Император Вильгельм II назвал однажды германский народ «солью земли» [1, с.221]. При этом он имел ввиду то обстоятельство, что с самого начала своей истории по сегодняшний день немецкий народ отдал другим странам большое число своих представителей, посылая их почти непрерывным потоком, а вместе с ними массу умственных и физических сил и экономических ценностей.

Это исторически обусловленное движение германцев не могло миновать такой щедро одаренный природой и занимающий чрезвычайно важное и выгодное географическое, военно-стратегическое и экономическое положение регион, как Приазовье и Северное Причерноморье.

Первая волна миграции германских племен захлестнула Юго-Западную Украину. Случилось это в I в., когда племя бастарнов, названное М. С. Грушевским «передовой ватагой» германской миграции расселилось в Подкарпатской Украине [2, с.137]. С этого времени начинается почти двухтысячелетняя история германской колонизации южноукраинских земель.

Вслед за бастарнами на юг и юго-восток устремились другие германские племена: вандалы, гепиды, тайфалы, бургунды, герулы, скиры, готы и др. [3, с.9]. Одним из наиболее многочисленных, мощных и подвижных среди них оказался готский племенной союз, занимавший в I в. земли по северному побережью Балтийского моря в Южной Швеции и на прилегающих островах [4, с. 48-51; с. 94; 6, с.44]. Подталкиваемые ростом населения, зажатые между славянами на востоке и родственными германскими племенами на западе,

готы вынуждены были продвигаться все дальше на юг и юго-восток. По меткому выражению их первого летописца и современника Иордана, они «подобно пчелиному рою» «вырываются» в конце I в. на южные берега Балтики и расселяются в низовьях Вислы. Топонимы севера Балтики надежно сберегли память о пребывании готов в этом районе (о чем свидетельствуют, например, южно-шведский город Гетеборг (город готов) и крупнейший на Балтийском море остров Готланд (страна готов).

На своих новых землях готы жили недолго. В течение примерно трех десятилетий (150-180 гг.) они несколькими волнами переселились в Меотиду (Приазовье) и Северную Понтиду (Северное Причерноморье) [7, с. 70; 8, с. 51; 9, с. 94; 10, с. 333; II, с. 155].

Ни письменные источники соседей, ни германская устная традиция ничего не говорят нам о вооруженной борьбе переселенцев с Балтики с местными кочевыми сармато-аланскими ираноязычными племенами. Очевидно, в просторных приазовских и черноморских степях в то время хватало места всем.

Совсем по иному сложились отношения пришельцев с севера с оседлым греческим и позднескифским населением юга Украины, обитавшим в богатых городах и торгово-ремесленных поселениях по берегам Азовского и Черного морей. В первой половине III в. большинство этих старых и важных хозяйственных и культурных центров (таких, как Танаис, Ольвия, Тира, Ниаполь Скифский и др.) были разграблены различными германскими племенами, входившими в готский союз. Их натиск окончательно подорвал позиции и власть некогда мощнейшего Боспорского царства в Приазовье и Причерноморья, привел к гибели так называемого позднескифского царства в Крыму [12, с. 157-159; 13, с. 275-288; 14, с. 26-28; 15, с. 15-16; 16, с. 614-615; 17, с. 257; 18, с. 107; 19, с. 25-27]. Закрепившись в Меотиде и Северной Понтиде, вобрав в себя значительное число угро-финских, славянских и сармато-аланских этнических элементов, готский союз племен к середине XIII в. более или менее постоянно и уверенно контролировал обширную территорию от Кубани и верховий Северского Донца на востоке до устья Дуная и Карпат на западе [20, с. 22-25].

Со второй четверти III в. почти на 100 лет главным объектом грабительских походов участников готского племенного союза становятся процветающие римские провинции на восточном берегу Черного моря, в Малой Азии, на Балканах [12, с. 161-174; 8, с. 51-52]. В результате продолжительной серии грабительских набегов в руках небольшой части германского общества в Приморской Украине сконцентрировались значительные средства, а в месте с ними – власть.

Апогей мощи и влияния готского союза приходится на время правления короля Германариха (Ерманариха) из аустроготского рода Амалов (350-375 гг.) [1, с. 221; 3, с. 11; 6, с. 46; 7, с. 89; 8, с. 52-53; 17, с. 273-274; 20, с. 22-24].

На берегах Днепра находилась столица готского королевства Данпштадир (в переводе – «город на Днепре»). Эта резиденция Германариха наряду с «камнем чудесным в излучинах Данпа» и «священными могилами на готской земле» не раз упоминаются в средневековых скандинавских сагах («Херварасага», «Гренландская песнь об Атли», «Речи Хамдира», «Песнь о Хледе» из «Старшей Эдды») [21, с. 137, 154-157, 174], в Кледлинбургской летописи, Вирцбургской хронике и других источниках.

Однако в то же время было бы несправедливо утверждать, что первоначальная история германцев в Украине была написана только огнем и мечом. Уже во II-IV вв. между местным населением и германскими переселенцами устанавливаются преимущественно мирные и добрососедские отношения, что позволило перенять друг у друга много полезного в области хозяйственного уклада, социально-политических структур, идеологии и искусств.

В частности, именно в Приазовье и Северном Причерноморье мигрирующие германские племена соприкасались с позднеантичным миром, переработали знаки латинского и греческого алфавитов для передачи соответствующих звуков своего языка и приспособили возникший таким образом рунический алфавит к специфической технике письма: вырезание знаков на дереве, кости, камне, металле и других твердых поверхностях при помощи острых предметов [22, с. 50-52]. Готский культурный поток, шедший от берегов Черного и Азовского морей на север, запад и юго-запад, разнес руническое письмо по всему европейскому континенту и даже за его пределы [1, с.12; 6, с.53; 23, с. 20; 24; 25, с. 10-15, 133-134]. На сегодня известно около 250 памятников, написанных старшим (общегерманским) руническим алфавитом, насчитывающим 24 знака [6, с.53; 25, с.10]. Этим алфавитом пользовались во II-VII вв. все германские племена [26]. Предметы со старшими руническими надписями (оружие, украшения, монеты и др.) обнаружены в различных областях Европы. У самих же азовско-черноморских готов руническое письмо в течение III в. почти полностью вытесняется более совершенными системами письменности. Скорее всего именно это объясняет небольшое число обнаруженных рунических надписей в Меотиде и Северной Понтиде и, наоборот, сосредоточение их на северной германской периферии в Шлезвиге и на Ютландском полуострове [27, с. 32].

Содержание рунических надписей от Меотиды до Балтии и Скандинавии стандартно и включает в себя магическую формулу (заклинание) и (или) имя владельца предмета или человека, сделавшего надпись [29, с.12-15]. В связи с магическим значением каждой из рун части надписи состоят из одного или нескольких знаков, не образующих слово [6, с.54; 25, с.140-141; 30; 31, с.83-113; 32, с.150-151]. Среди таких знаков одним из наиболее древних и распространенных является свастика. Ее мы видим, например, на копье с инкрустацией и рунической надписью из с. Сушино (Волынь), на костяном изделии, найденном у с.Хлопков Барышевского района Киевской области, на бронзовом зеркале с ушком из Прикубанья [33; 34, с.450-454; 35, с.П59; 36, с.49-62]. Этот символ у многих древних народов Евразии употреблялся для обозначения магических образов солнца, огня и плодородия [47, с.106-107]. Отсюда понятно, что христианская церковь, утвердившаяся несколько позже у германского населения Украины, не могла не бороться и не уничтожать эти “ колдовские письмена ” или не стремиться использовать их уже в системе своей религиозной символики. Последняя тенденция явно возобладала к концу IX-началу X вв., когда закрепился обычай воздвигать в честь умершего памятные стеллы или могильные плиты, на которых руническими знаками высекалась мемориальная надпись. Самая известная из них в Украине была обнаружена в 1905 г. профессором Новороссийского (Одесского) университета Э.Р.Штерном при раскопках на острове Березань в устье Днепра в кургане, который на протяжении нескольких веков использовался для погребений [38]. Могильный камень лежал надписью вниз. Высеченный на полосе, расположенной дугой по краю камня, текст гласит: «Грани сделал этот холм по Карлу своему товарищу» [39, с.66-73]. В связи с этим любопытно замечание известного специалиста по раннегерманской истории Е. А. Мельниковой о том, что Березанский камень является единственным на территории бывшего СССР мемориальным руническим памятником, установленным не родственниками погребенного, а его товарищем, компаньоном [25, с. 153-154]. Этот уникальный памятник можно датировать XI в. [40, с.44-48; 41, с.150-195], что еще раз свидетельствует об удивительной жизнеспособности рунической письменности, которая, несмотря на все трансформации, на протяжении как минимум десяти веков сумела

функционировать в качестве важного фактора формировавшейся в средневековье немецкой национальной культуры.

В то же время, германские племена, пройдя из Балтики на юг Украины длительный как по расстоянию, так и по времени путь, обогатили свой хозяйственный и культурный опыт полезными знаниями и навыками других народов и поэтому в Приазовье и Северном Причерноморье не могли выступать только в качестве прилежных учеников греков, римлян и прочих народов, составляющих меотопонтийскую цивилизацию. Местное население нашло и заимствовало у германцев немало ценного в различных сферах жизнедеятельности, но больше всего в земледелии, художественных промыслах и военном деле.

Таким образом, на примере раннегерманской колонизации Меотиды и Северной Понтиды отчетливо видно, что сотрудничество цивилизованных и варварских народов приводило к их взаимовлиянию и всестороннему взаимному обогащению, составляя тем самым основу прогрессивного развития.

РЕЗЮМЕ

У статті розглядається один з найяскравіших та драматичних періодів в історії германських племен на межі античності та середньовіччя – їх переселення з південної Балтики у Меотиду та Північну Понтиду та його наслідки. При цьому на відміну від традиції, яка встановилася в історіографії, автор статті зосереджує увагу не на негативному для розвитку меотопонтійської культури впливі германського переселення, а на багатобічному співробітництві та взаємовпливі між германськими мігрантами та місцевим населенням. Важливішими результатами такого конструктивного діалогу стало створення першої в історії германської держави, прийняття германцями-язичниками християнства та розробка на базі грецького та латинського алфавіту рунічної писемності. Рунічна література, в свою чергу, стала могутнім джерелом для формування етносвідомості германців і подальшої генези їх духовного життя.

SUMMARY

This article is dedicated to the one of the most dramatical and vivid episodes of the German tribes' history – their migration from southern Baltic area to Meothida and North Pontida during the period between antiquity and the Middle Ages. In contrast to fixed historiographical tradition, the author of this article does not concentrate on the negative influence of the German migration on the meothid-pontical cultural development, but he focuses ours attention on many-sided collaboration and mutual impact between the German migration and inhabitants. The most important results of this constructive dialogue were: the creation of the first German state, the adoption Christianity by German pagans and the development of the runic written language on the basis of Greek and Roman alphabet. Runic literature, by the way, had furnished strong proof in support of moulding ethnical mentality of the Germans and subsequent development of their spiritual life.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Ганцш В. Расселение немцев по земному шару // История человечества / Под ред. Г.Гельмонта. – СПб., 1896.
2. Грушевский М. Історія України-Русі: В II тт., 12 кн. – К., 1991. – Т.І.
3. Der grose Bildatlas zur Deutschen Geschichte.-München, 1991.
4. Rosen J. Svensk historia.-Stokholm, 1962. – Del. 1.

5. Вернадский Г. В. Древняя Русь. – Тверь, 1996.
6. Дынгес А. А. Раннегерманское население в Приазовье // Новые страницы в истории Донбасса: Статьи. – Кн. 1 / Под ред. З. Г. Лихолобовой. – Донецк, 1992. – С.44-65.
7. Иордан. О происхождении и деяниях гот. «Гетика». – М., 1960.
8. Ананьев А. Признание Рюриковичей или тысячелетняя загадка России. – М., 1996.
9. Deutsche Geschichte. – Bd. 1 Hrsg. H. Bartmuss. – B., 1967.
10. Meyers grosses Handlexikon / Red.: E. Anger. – Mannheim; Wien; Zürich, 1991.
11. Lexikon der Antike. – Leipzig, 1987.
12. Буданова В.П. Передвижение гот в Северном Причерноморье и на Балканах в III в. // Вест. древн. ист. – 1982. – N 2. – С.157-174.
13. Васильев А. А. Готы в Крыму. – Ч. I// Известия Российской Академии материальной культуры. – 1921.Т.I. – 275-287.
14. Дынгес А. А. Греко-германские связи в Приазовье и Причерноморье в средние века // Донбасс и Приазовье: Проблемы социального и духовного развития. – Мариуполь, 1993.С.26-28.
15. Дынгес А.А. Периодизация истории немецкого населения в Приазовье // Донбасс: Прошлое, настоящее, будущее. – Донецк, 1992. – С. 15-18.
16. История Европы: Древняя Европа / Под ред. Е.С.Голубцовой. – М., 1988. – Т.I.
17. Павленко Ю. В. Передісторія давніх русів у світовому контексті. – К., 1994.
18. Павленко Ю. В., Сон Н.О. Пізньоантична Тіра та раньодержавне об'єднання візиготів // Археологія. – 1991. – N2. – С.10-14.
19. Пиоро И. С. Крымская Готия. – К., 1990.
20. Дынгес А.А. Германское население Южной Украины в конце II-70-х годах IV в. / Міжнародні відносини на півдні України: Історія та сучасність. – Запоріжжя, 1993. Ч.I. – С.22-25.
21. Древнеисландские песни о богах и героях. – М.: Л., 1963.
22. Дынгес А.А. Эллинское культурное влияние на германское население Украины в I-XVIII вв. // Україна-Греція: досвід дружніх зв'язків та перспективи співробітництва. – Мариуполь, 1996.
23. Arntz H. Hahdbuch der Runenkunde. – Halle. 1994.
24. Göransson J. Alle Svea ok Göta – Rikens Runstenar. – Stockholm, 1750.
25. Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. – М., 1977.
26. Salin B. Die Altgermanische Tierenornamentik. – Stockholm, 1904.
27. Werner I.Das Au Fkommen von Bild und Schrift // SBAW 1966.- H.4.
28. Arnzt H. Die Runenschrift: ihre Geschichte und Deukmaler. – Halle, 1938.
29. Plutzar F. Die Ornamentik der Runensteine // VHAАН. – 1924. – N6.
30. Baksted A. Mälruner og Trolruner. – Kbenhavn, 1952.
31. Olsen M. Die norröne runeinnskriver // NK .-1933. –B. VI.
32. Gardel S. Grafmonument. – Stockholm, 1937.
33. Баран В. Д., Гороховский Е. А., Магомедов В. В. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь. – К., 1990.
34. Krause W. Der Speer aus Kowel // Germanien. – Bd. 13. – S. 450-464.
35. Müller – Qualer G. Die Goten. III. – Berlin, 1940.
36. Szumowski A. Grotz runicznym napisem // W A. –1876. – N3 – S.49-62.
37. Дидык В. В. Расшифровка изображения на костяном изделии из черняховского поселения Хлоков // Ист. и археол. Слободской Украины. – Харьков, 1992. – С.106-107.
38. Одесский археографический музей. – N139.-Березань. – Инв. N50378.

39. Браун Ф. А. Шведская руническая надпись, найденная на о.Березань // Изв. археол. комис.-СПб., 1907.- Вып. 23.-С.66-73.
40. Arne T. Den sveuska runstenen fran on Berezanj // Fr. – Arg. 9. – S.44-48.
41. Braun F. A. Das historische Russland // F. E. M. – Halle, 1924. – S.150-195.

Надійшла до редакції 04.03.98 р.

ББК: ТЗ/4 РОС/4-64/4 ИСП/+ТЗ/4 РОС/5-64/4 ИСП/

РОССИЙСКО-ИСПАНСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ В XVII-XIX вв.

Ю.Г.Беловолов

Русско-испанские взаимоотношения имеют свою давнюю историю, они насчитывают почти пять столетий, пройдя через периоды спадов и подъемов. Проблеме русско-испанских отношений посвящено сравнительно небольшое число публикаций. Практически все они посвящены отдельным проблемам русско-испанских связей, охватывают ограниченные исторические рамки, освещают отдельные события в развитии двусторонних отношений. Фактически нет работ, которые бы охватывали столь большой исторический период – три столетия. Автор не претендует на всестороннее и полное изложение всех событий и проблем, остановившись только на наиболее значимых, связанных с глубокими социально-экономическими и политическими потрясениями в истории обеих стран в 17-19 веках. Среди отечественных авторов, изучавших эту проблему, следует отметить работы М.С.Альперовича, М.А.Додолева, О.В.Волосока, В.В.Кулешовой, А.И.Саплина, А.И.Клибанова и другие. Испанская историография по исследуемому вопросу представлена работами Х.Фалькона Рамиреса, Ф.Фернандеса Искиердо, П.Вольтеса Боу, Исабель Мадариаги и др.

Первые контакты между Россией и Испанией берут начало с конца 15-16вв. Испанские источники повествуют о пребывании русских посланников в Испании, выражавших свое уважение императору Карлу V от имени московского князя. Первые русские посольства посетили Испанию в 1523, 1525 и в 1527 гг. В этой связи выдающийся испанский драматург Лопе де Вега написал пьесу «Великий князь московский». Интенсивное развитие политических и экономических связей между Россией и Европой начинается с 17 столетия, что послужило отправной точкой для последующего «озападнивания» России в 18 в.. Перемены, имевшие место в России в правление царя Алексея Михайловича (1645-1676 гг.), связанные с церковной реформой, кодификацией законов, экспансией в Азии, борьбой с соседями – все это позволило России быть принятой в великую семью европейских государств, не утратив своей исторической и культурной самобытности. В русле этой политики русское правительство принимает решение направить в Испанию посольство во главе с Петром Потемкиным. Следует подчеркнуть, что русская дипломатическая миссия была первой в 17веке, направленной непосредственно в Испанию. Русские дипломаты прибыли в декабре 1667 г. с посланиями Алексея Михайловича королю Филиппу IV, умершему в 1665 г. за два года до прибытия русского посольства. Ежедневные расходы на посла, 26 членов делегации и 50 слуг составили 5955 песо [8, с.103]. Русский посол предложил Госсовету установить торговые отношения, но испанская сторона не проявила к этому интереса. В Испании времен Карла Второго отсутствовал какой-либо интерес к развитию взаимных связей, несмотря на усилия русского двора, направившего в последующие годы три посольства – в 1673, 1681

и в 1687-1688. В этот период основной упор испанской торговли был сфокусирован на американских колониях Испании.

Новые попытки установления торговых отношений в 18 в. относятся ко второму десятилетию этого столетия. В 1723 г. Петр Первый направил во Францию и Испанию своих консулов, а в следующем году – несколько торговых кораблей с товаром, но в 1727 г., после кончины Петра, русское консульство в Испании было упразднено: правительство объявило торговлю с Испанией невыгодной. Проект первого торгового договора, основанный на равенстве интересов обеих сторон, был составлен в 1734 г. министром Франсиско Перальта. В период правления Карла III (1759-1788), осуществлявшего важные реформы внутри страны и в американских колониях, устанавливаются постоянные дипломатические отношения с Россией. Взойдя на трон, Елизавета, дочь Петра I, назначила послом Алексея Пушкина в феврале 1742 г., но обмен послами не состоялся ввиду охлаждения отношений между Россией и Испанией в период европейской войны за австрийское наследство (1740-1748), в ходе которой обе страны находились во враждующих лагерях, но отношения не были прерваны [5, с.150].

С превращением России в империю в XVIII в. в отношениях обеих стран появляется новая тенденция, вызванная необходимостью признания императорского титула за царствующими особами России. Воцарение Екатерины II в 1762 г. было воспринято в Мадриде благосклонно, с воодушевлением и признанием императорского титула Карлом III. По мнению русского посланника в Мадриде Зиновьева, проживавшего в Испании 20 лет (1774-1794), испанский король Карл III трудился во имя прогрессивных реформ и мечтал о расцвете Испании [4, с.165]. В торговой политике Екатерина II придерживалась доктрины «свободной школы». Правительство Карла III придерживалось идеи поддержать эти устремления русской императрицы. В сентябре 1778 г. Испания купила в России пеньковые канаты, железо и деготь для флота. В то же время Россия являлась главным поставщиком пшеницы в Испанию через портовые города, в частности, через Барселону. Взаимовыгодной торговле двух стран воспрепятствовала война американских колоний против Англии (1775-1783). Испания, враждовавшая с Англией, стремилась сохранить торговые связи с нейтральной Россией. В военные годы торговля продолжалась, хотя и в гораздо меньшем объеме. Только одна Россия экспортировала в Испанию столько зерна, сколько все поставщики вместе взятые. Наиболее интенсивные поставки пшеницы из России в Испанию приходятся на послевоенный 1784 г., когда было ввезено рекордное количество зерна – 21992 квартера; для сравнения: из Франции – 599, из Италии – 0, из стран Леванта – 4532, из Голландии – 2498, из Дюнкерка – 773 [9, с.173].

Тем более неадекватными были действия испанского военно-морского флота, один из кораблей которого в начале 1780 г. захватил в Трафальгарском проливе российское торговое судно «Святой Николай», принадлежавшее санкт-петербургскому купцу Якову Жадимировскому. По приходе в порт Кадис груз с судна был продан с молотка, невзирая на протесты консула России. Это обстоятельство толкнуло Екатерину II к использованию механизма вооруженного нейтралитета, способного сохранить торговлю от действий враждующих сторон. Акт о вооруженном нейтралитете, провозглашенный Россией 28 февраля 1780 г., был вызван нападениями английских судов на суда нейтральных стран в годы войны с США. Провозглашалось право торговли нейтральных стран с воюющими, а нейтральные корабли могли свободно плавать у берегов враждовавших стран. Находившиеся на нейтральных кораблях товары воюющих стран (кроме оружия и боеприпасов) объявлялись неприкосновенными. Лишь тот порт, вход в который закрыли корабли атакующей державы, считался заблокированным.

Вооруженный нейтралитет был направлен в основном против Англии, но Екатерина II, не желая обострять отношения с последней, адресовала декларацию Испании и Франции, воевавшим с Англией [7, с.702].

В испанских архивах сохранились два письма российской императрицы послам в Мадриде и Лондоне – Зиновьеву и Смолину. В письме Зиновьеву от 28 февраля 1780 г. выражалась уверенность в том, что «Вы по сю пору не упустили собою уже принести Мадридскому Двору надлежащую жалобу противу такого ни с дружбою, ни с естественною справедливостию несходствующаго поступка Гишпанских морских адмиралтейских офицеров, да и требовать скорейшаго в оном поправления, с полным удовлетворением обиженному подданному нашему» [9, с.175]. Послу были даны инструкции, что в случае повторения незаконных действий испанской стороны «давать Гишпанскому министерству всякий раз разуметь, что могут из того родиться плоды и хлопоты неприятныя». Далее посол ставился в известность, что «Мы ныне пред лицом света всем воюющим державам равно и неминуемо объявить повелели, что имеем готовый флот для обращения его там, где честь, польза и нужда того требовать будут, если б принятой Нами в рассуждении их строжайший нейтралитет с которой либо стороны пренебрегаем и нарушаем был» [9, с.179].

Политика России была направлена на обеспечение беспрепятственной морской торговли с другими странами, но ради объективности следует подчеркнуть, что конвенция о вооруженном морском нейтралитете благотворно сказывалась и на торговле самой Испании. Испанский исследователь Педро Вольтес Боу в своей статье «Два письма Екатерины II о торговом мореплавании относительно Испании» писал, что «эта деятельность России не только была полезна делу Бурбонов (правительству Карла III – Ю.Б.), поскольку ориентировала нас воздерживаться в конфликте с англичанами, но также и позволила нам обеспечить себя всевозможными продуктами, морские перевозки которых были пресечены англичанами» [9, с.174].

Накануне войны колоний за независимость (1810-1826) феодально-абсолютистская Испания переживала глубокий упадок.

В конце XVIII и в начале XIX в. Россию посетил Франсиско де Миранда, венесуэлец, провозвестник и один из руководителей освободительного движения против испанского колониального господства в Латинской Америке. Миранда пытался добиться согласия Екатерины II на организацию экспедиционного корпуса для помощи креолам в их борьбе против Испании. Во время встреч с Мирандой Екатерина беседовала с ним о ситуации в колониях, об инквизиции и политике Испании, но фактически не предприняла ни единого шага для какой-либо помощи креолам в борьбе против Испании [1, с.109].

Во время правления императора Александра I (1801-1825) в России работал Агустин Бетанкур Молина, просвещенный испанец, известный архитектор и математик. Выполняя волю императора, Молина основал в Петербурге Институт Инженеров путей сообщения, соорудил здания ярмарки в Нижнем Новгороде, ряд правительственных зданий в Москве.

Подводя выводы, следует подчеркнуть, если в XVII в. Испания в общем не была заинтересована в установлении контактов с Россией, то в начале XIX в., когда страна попала в тяжелое экономическое и политическое положение под гнетом Наполеона, испанская сторона обратила взоры к России. Со своей стороны, российское правительство стало воспринимать Испанию как потенциального союзника в условиях расширявшихся наполеоновских завоеваний. В течение лета 1808 г. Александр I устанавливает связи с Центральной хунтой, возглавившей сопротивление французам. В Петер-

бург пребывает Хуан Бичили с посланием царю, содержащем просьбу не оставить Испанию без поддержки в борьбе с Наполеоном.

Дипломатическая переписка между испанцами и русскими приобрела интенсивный и постоянный характер. Испанская сторона неоднократно обращала внимание русских дипломатов на полезность торговли с Испанией и заключение с Россией «вечного союза». В июле 1812 г., в период нашествия Наполеона на Россию, между двумя странами был заключен договор, признававший испанскую Конституцию 1812 г. и Генеральные кортесы.

Наполеоновская армия в Испании несла огромные потери. Военный атташе России во Франции Чернышев сообщил Александру I, что за четыре года войны между Францией и Испанией (1807-1810) в Испанию прибыло 618960 французов, но к лету 1810г. в живых осталось не более 252 тыс. [6, с.230]. Потери Наполеона в Испании породили в России идею проведения партизанской войны в случае вторжения французов. 24 июня 1812 г. Наполеон, не завершив войну в Испании, вступил на русскую территорию. А.П.Куницын, профессор Царскосельского лицея, призвал россиян последовать примеру испанцев, которые, используя тактику партизанской войны, практически освободили свою страну от иноземного гнета.

Следует подчеркнуть, что XIX век стал поворотным в процессе взаимного признания России и Испании. Война за независимость в испанских колониях Америки и революция 1823 г. под руководством Рафаэля Риго в Испании пробудили громадный интерес в России. Во второй половине XIX в. и, в частности, в эпоху Реставрации Испании все более и более вызвала интерес русских путешественников, в основном людей образованных и культурных. Испанию посетили многие выдающиеся личности России. Представители русской культуры: писатели Салиас, Григорович, Немирович-Данченко, Мордовцев, историк Пискорский, журналисты Скальковский, Яковлев, Эфрон, художники Репин, Коровин, Кустодиев, известный врач-эпидемиолог Боткин. [3, с.222]. Это были люди одаренные и широко известные, как например, Василий Иванович Немирович-Данченко, брат которого вместе с К.С.Станиславским создали художественный театр в Москве [2, с.174].

Испания была в моде. В российских городах продавались произведения испанских писателей. Испания представлялась российским читателям как романтическая и экзотическая страна, вызвала большой интерес и порождала глубокие симпатии. В российской прессе подчеркивались исторические параллели двух стран, близость характеров русских и испанцев, обсуждались черты схожести в политическом развитии России и Испании. Эти черты искали и находили в географическом положении, поскольку Испания и Россия находятся на задворках Европы, в особенностях исторического развития: реконкиста в Испании спасла Европу от арабского вторжения, борьба русских против татаро-монгольского ига выполнила ту же миссию.

В научных обществах России проводились дискуссии о сходстве социально-экономических структур, о сугубо крестьянском, сельском характере обеих стран, о процессах формирования национального характера русских и испанцев [3, с.240]. Известный русский писатель И.Гончаров, осуществляя кругосветное путешествие на фрегате «Паллада», писал об Испании: «Севилья, кабальерос с гитарами, женщины, балконы..., как хорошо было бы жить там, полежать под олеандровым деревом, соединить русскую лень с испанской и посмотреть, что из этого выйдет» [3, с.238].

В конце XIX в., после разгрома Испании в войне с Соединенными Штатами в 1898 г., страна вошла в полосу тяжелого кризиса. В российской прессе появляются репортажи,

очерки и статьи о политической жизни Испании известных обозревателей Шкловского, Вернера, Деренталя и других. В заключении следует подчеркнуть, что традиции симпатии и взаимного доверия между народами имеют свои глубокие и прочные корни. Так же, как Испания обратила свое внимание на Россию, когда оказалась в тяжелейшем положении в начале XIX в., так и в наши дни Россия и Украина связывают свои надежды с Испанией, страной, которая может оказать содействие в возрождении экономики этих стран. Традиции взаимного интереса и симпатии между русским, украинским и испанским народами должны послужить основой для многостороннего и полезного сотрудничества. После распада Советского Союза и разрыва традиционных экономических связей имеются все возможности для налаживания и совершенствования экономических и культурных связей между Россией, Украиной и Испанией.

РЕЗЮМЕ

Стаття доктора історичних наук, професора Беловолова Ю.Г. присвячена російсько-іспанським взаємовідносинам XVII-XIX ст., найбільш важливим соціально-політичним подіям історії обох країн. Висвітлюються традиції симпатії і взаємної довіри між двома народами.

SUMMARY

The article by the doctor of history professor Belovolov U.G. is devoted to the Russian-Spanish relationships in XVII-XIX centuries, the most important socio-political events in the history of both countries. The traditions of sympathy with the people of both countries, their mutual understanding and confidence are shown in the article.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Альперович М.С. Франсиско де Миранда в России. – М.: Наука, 1986.
2. Анхелес де ла Роса Вальверде, Мария. Русский путешественник Василий Иванович Немирович-Данченко // Проблемы испанской истории. 1992. – М.: Наука, 1992.
3. Кулешова В.В. Испания глазами русских путешественников во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы испанской истории. 1984. – М.: Наука, 1984.
4. Пискорский Н. История Испании и Португалии. – С.-Петербург, 1909.
5. Россия и Испания. Документы и материалы (1661-1789). – Т.1. – М., 1987.
6. Саплин А.И. Испания во внешнеполитических планах Александра I / По донесениям полковника А.И.Чернышова // Проблемы испанской истории. 1987. – М.: Наука, 1987.
7. Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. Е.М. Жуков. – М., 1963. – Т.3.
8. Фернандес Искиердо, Ф. Первые русско-испанские дипломатические контакты в 1667-1668 гг. // Проблемы испанской истории. 1992. – М.: Наука, 1992.
9. Voltes Bou, Pedro. Dos cartas de Catalina II de Rusia acerca de la navegacion mercantil en relacion con Espana // Cuadernos de historia economica de Catalunya. – Barselona, 1968-1969.

Надійшла до редакції 30.01.98 р.

ББК ТЗ (4 Бл) 7 р 383.

РЕПРЕССИВНЫЙ МЕХАНИЗМ КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В БОЛГАРИИ (1919-1923 гг.)

А.В. Кративин

Летом 1919 года в Болгарии к власти «мирным» парламентским путем пришла крестьянская партия – Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС), выражающая интересы большинства населения страны – бедных и средних крестьян. Приход к власти БЗНС был осуществлен в условиях значительного полевения масс и ширившегося демократического движения в стране. Крестьянские лидеры, не имевшие опыта по управлению государством, вынуждены были во многом копировать на практике опыт большевистского управления в России, хотя в печати и в устных своих выступлениях резко критиковали большевистский режим. Жупел антикоммунизма использовался ими и как средство устрашения, и как прикрытие радикальной реформаторской деятельности от нападок со стороны правых «буржуазных» партий и умеренных деятелей в среде БЗНС.

Практика репрессий была введена в действие уже через два месяца после прихода крестьянского правительства к власти. Буржуазия не скрывала своего восторга, когда правительство А.Стамболийского при помощи войск, а главным образом отрядов «оранжевой гвардии», на вербованных из крестьян, подавило забастовку железнодорожников и почтовых служащих [1].

После этих событий правительство фактически игнорировало конституцию, изменяя несколько раз избирательный закон, естественно, в свою пользу, не считаясь с царем Борисом III и фактически диктуя свою волю парламенту – Народному Собранию.

Отстаивая идею самостоятельной крестьянской власти, руководство БЗНС и правительство постоянно преследовало наиболее активную часть оппозиции в лице старых «буржуазных» партий и Болгарской коммунистической партии. Одним из лозунгов, исходивших от правительства, был своеобразный девиз: «Смерть старым буржуазным партиям!» Учитывая сложную обстановку в стране, правительство Стамболийского было постоянно наготове – в любой момент ввести в стране «крестьянскую диктатуру».

Отсутствие профессионализма среди руководителей БЗНС привело очень скоро к саботажу власти со стороны государственных чиновников и, как результат, к экономическому застою, что, в свою очередь, вызвало рост числа стачек. Правительство не замедлило вновь встать на путь репрессий по отношению к оппозиции, что в большей степени коснулось трудящихся масс не только города, но даже и села.

Весной 1920 г., стремясь овладеть всей полнотой власти, правительство БЗНС начинает репрессии против Болгарской коммунистической партии (БКП), возглавлявшей левую оппозицию. 9 депутатов от коммунистов в Народном Собрании были лишены мандатов [2]. Лидеры Земледельческого союза все чаще угрожают выдворением коммунистов в Советскую Россию. Правительство стало стягивать войска и полицию в столицу, чтобы предотвратить недовольство части народа, шедшего за БКП. «Буржуазные» политические силы были удовлетворены тем, что земледельцы поднялись против коммунистов, а крестьяне против рабочих.

Новый виток репрессий был непосредственно связан с убийством одного из ближайших друзей главы правительства Стамболийского министра внутренних дел и военного министра А.Димитрова в октябре 1921 г.

Руководство Земледельческого союза и правительство начинают все чаще применять тактику террора к оппозиции. В Софии, ряде других городов страны стали обычными ночные обыски домов и квартир тайной полицией и «оранжевой гвардией» – вооруженными отрядами БЗНС. С октября 1921 г. по май 1923 г. численность жандармерии увеличилась более чем в 4 раза и превысила 8,5 тыс. человек. Нередкими со стороны «оранжевогвардейцев» являлись случаи разграбления и поджогов домов и магазинов. В столице было совершено несколько политических убийств, жертвами которых неизменно становились видные оппозиционеры. Убийцы не были найдены, причастность властей к этому не была доказана, в то же время не оставляет сомнений, кому это было выгодно. Современники утверждали, что об организации подобных акций министрам правительства БЗНС было хорошо известно [3].

В этой сложной обстановке конца 1921 – начала 1922 г. глава крестьянского правительства А.Стамболийский ищет пути выхода из кризиса, в котором оказался и БЗНС и правительство. Он поручает ближайшему своему соратнику Р.Даскалову выступить со статьей в центральном органе Земледельческого союза газете «Земледельско знаме», которая бы разоблачала происки оппозиции. 20 февраля 1922 г. такая статья под заголовком «Фронт справа» появилась в центральном органе БЗНС. Но указывая, что «правый фронт» представляет в данный момент серьезную опасность, автор статьи обращал внимание на то, что существует и «опасность слева» [4]. Крестьянские лидеры Болгарии не верили в то, что правым и левым силам удастся объединиться в борьбе против их правительства, они ошибочно полагали, что объединение приведет к ослаблению их противников.

А между тем, именно в середине 1922 г. «буржуазные» партии созвали в Софии так называемое общегражданское собрание, на котором ораторы говорили о засилье крестьян у власти, об «унизительной участи» офицерства, об отсутствии простора действий частной инициативы. Руководители Внутренней Македонской революционной организации (ВМРО) заключили соглашение с буржуазной оппозицией о совместной борьбе против крестьянского правительства. 10 апреля 1922 г. сговористы (так называли членов «Народного сговора») начали издавать ежедневную газету «Слово», где в первом же номере была сформулирована программа их организации, сводившаяся к сплочению сил буржуазии в единый блок для свержения правительства Земледельческого союза [5].

Правительство в целом сохраняло равнодушие к заговору реакции. Оставаясь на позициях самостоятельной крестьянской власти, уверенный в ее прочности, Стамболийский не видел и не хотел видеть всей сложности создавшегося положения. А между тем по настоянию большинства лидеров БЗНС в то же самое время было объявлено о введении в стране «крестьянской диктатуры» большинства против «заговорщического меньшинства». Стамболийский не верил и не хотел верить в то, что буржуазная оппозиция отважится на открытое выступление против правительства. Несмотря на такую позицию премьер-министра ряд руководителей силовых министерств, тем не менее, весной 1922 г. настояли на введении в действие лозунга «Да здравствует крестьянская диктатура!». На практике он привел к новой волне репрессий против оппозиции. Этому предшествовал разгул культа личности А.Стамболийского. В печати разных стран Европы стали появляться материалы о жизни и политической деятельности лидера БЗНС, резко увеличилось число подобных публикаций и в самой Болгарии. По решению Постоянного присутствия БЗНС был даже выпущен значок с изображением Стамболийского, который рассылали на места, в земледельческие дружки, вместе со специальным обращением. Сам крестьянский вождь разъезжал по столице в автомобиле оранжевого цвета (партийное знамя БЗНС было оранжевого цвета). Современники от-

мечали «создание культа вождя», славословие в адрес Стамболийского, превращение его родного села в «место поклонения» и т.п. [6].

Между тем, чрезмерный разгул культа личности крестьянского вождя не мог не привести к его критике, в том числе и в среде БЗНС. Участвовавшая в работе XVII съезда Земледельческого союза (май-июнь 1922 г.) довольно большая группа делегатов, в том числе и из числа министров правительства, резко осудили культ Стамболийского, потребовав от него проведения съезда «без парадов и торжеств», критиковали деятельность правительства и его премьера [7].

Впервые ощутив реальную угрозу власти БЗНС, А.Стамболийский обрушивается на оппозицию целой серией грозных статей, помещенных в газете «Земледельско знаме», заявляя, что оппозиция хочет вызвать гражданскую войну в стране. Оппозиция справедливо расценила все это как новый сигнал к очередной волне репрессий. Ее лидеры на страницах оппозиционной печати в открытую призывают к свержению правительства Стамболийского, расправе с крестьянскими руководителями. В столице упорно ходили слухи о том, что македонские четники вынесли смертный приговор Стамболийскому и его сторонникам. Кое-где оппозиция переходит к активным действиям. Этому способствовал невиданный разгул беззакония со стороны правительства накануне и во время проведения 19 ноября 1922 г. всеобщего референдума о предании суду бывших министров болгарских правительств, виновных в том, что страна за короткий период времени дважды была ввергнута в национальную катастрофу (1913 и 1918 гг.). Референдум был мошеннической акцией, голосовавшие против осуждения бросали в урну бюллетени, покрытые черной краской, которая пачкала пальцы и для наблюдателей было ясно, кто голосовал против «виновников» национальной катастрофы [8].

Репрессии стали частыми особенно в начале 1923 г., когда правительство Стамболийского переходит к решительному наступлению на левую оппозицию. В начале февраля 1923 г. без объяснения причин были распущены 23 из 25 городских общинных советов. [9] Была проведена серия арестов среди оппозиционеров в ответ на неудавшееся покушение на жизнь Стамболийского и ряда других крестьянских лидеров. В апреле 1923 г. во время подготовки и проведения внеочередных выборов в Народное собрание репрессивный механизм крестьянского правительства работал на полную мощность. Глава правительства назвал полицейский террор в это время «блестящей акцией» [10].

«Успех» на выборах создал у Стамболийского и его сторонников иллюзию необычайной прочности крестьянской власти. Но оппозиция к этому времени, заручившись поддержкой царского двора, была готова свергнуть эту власть. Правительству Стамболийского не помогли ни очередное решение о введении в стране режима «крестьянской диктатуры», ни беспрецедентные по своему размаху демонстрации силы «оранжевой гвардии», ни попытки верных правительству А. Стамболийского сил отстоять свой режим – в июне 1923 г. он рухнул как карточный домик. Коррупция и развал властных структур, ограничение демократии, сужение правового поля власти и, наконец, прямые репрессии обусловили падение режима БЗНС.

РЕЗЮМЕ

Після закінчення першої світової війни в Болгарії спостерігається піднесення демократичного руху, що сприяло приходу до влади селянської партії – Болгарської землеробської народної спілки, яка відбивала інтереси бідноти і середнього селянства. Протиставивши себе правим і лівим політичним силам, селянська влада ввела в дію репресивний механізм, що обумовило в підсумку, обмеження демократії, звуження правових меж влади, її слабкість і повалення в наслідок червневого перевороту 1923 року.

SUMMARY

After termination the first world war in Bulgaria the rise of democratic movement is observed, that promoted arrival to an authority of a country consignment – Bulgarian agricultural national union – expressing interests of poor and average peasants. By opposing itself to right and left political forces, the country authority has entered into an operation the repressive mechanism, that has caused in the total restriction of democracy, contraction of a legal field of an authority, its weakness and overthrow in an outcome of June revolution of a 1923.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крапивин А.В. Александр Стамболийский. Жизнь, взгляды, деятельность.– М., 1988.– С.81.
2. Статистика на изборите за народни представители за XVII, XVIII и XIX Обикновено Народно събрание.– София, 1928.– С. 80.
3. Казасов Д. В тъмините на заговора.– София, 1925.– С.16.
4. Земледелско знаме.– 1922.– 20 февруари.
5. Слово.– 1922. – 10 април.
6. Окръжен държавен архив.– Велико Търново. – Ф.230. – Оп.1. – А.е. 43. – Л.81; Пешев П. Историческите събития и деятели.– София, 1929.– С.767.
7. Утро.– 1922. –31 май.
8. Малинов А. Под знака на острастени и опасни политически борби.– София, 1991.– С.20.
9. Работнически вестник. – 1923. – 7 февруари.
10. Утро.– 1923.– 16 април.

Надійшла до редакції 13.02.98 р.

ББК ТЗ (7 Ник) 6р 30

ПЕРЕХОД ОТ АВТОРИТАРИЗМА К ДЕМОКРАТИИ И ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ (ИЗ ОПЫТА НАКАРАГУА 90-х гг.)

С.А.Барышников

Данный аспект социально-политического развития представляется актуальным не только в теоретическом плане, но и в политическом отношении, – для тех регионов и стран, которые в настоящее время переживают так называемый «переходный период» (Латинская Америка, Восточная Европа, в том числе республики бывшего СССР, и др.), понимаемый современной политической наукой как процесс перехода от государственного регулирования к рыночной экономике и от авторитаризма к демократии [1]. Именно в условиях этого «двойного перехода» крайне важно определить не только сумму положительных моментов (позитив), но и комплекс отрицательных факторов (негатив), обуславливающих вариант возможной социально-политической дестабилизации. А последняя, в свою очередь, может приводить к обратимости переходных процессов, к прерывности переходного периода в целом, что является в высшей степени нежелательным для стран «новой и восстановленной демократии».

В этой связи некоторые исследователи-политологи вполне обоснованно указывают на возможность проведения сравнительного анализа латиноамериканских моде-

лей политической стабилизации с постсоветскими реалиями, – «учитывая сопоставимость ряда параметров общественного развития в переходный период» [2]. На сегодня уже довольно детально рассмотрены не только факторы политической стабилизации в ее латиноамериканском варианте, но и в целом проблема социально-политической стабильности переходных обществ [3]. Тем не менее, на наш взгляд, современная отечественная политическая наука еще недостаточно глубоко смогла приблизиться к синтезу и анализу именно факторов, дестабилизирующих общественный организм в переломный момент его развития, каковым и является стадия перехода в варианте поставторитарной, а для бывших советских республик и посттоталитарной, трансформации. Необходимость выявления, учета, сопоставления и применения латиноамериканского опыта экономической и политической модернизации диктуется, таким образом, тем обстоятельством, что «страны Латинской Америки, начавшие экономические реформы гораздо раньше Восточной Европы (нередко еще в период военно-диктаторских режимов), уже накопили определенный положительный и отрицательный опыт, который может учитываться и в других регионах» [4]. Перспективы, а можно сказать и судьбы, самого перехода, степень и мера риска, успеха и эффективности усилий на этом многотрудном поприще всецело зависят от умения политической элиты, в ряды которой входят как правящие круги, так и лидеры оппозиции, избежать на практике в своих странах повторения ошибок и просчетов, уже имевших место в латиноамериканском регионе, – по крайней мере наиболее значительных и существенных из них, которые потенциально угрожают самому модернизационному процессу.

Именно поэтому мы и останавливаемся на анализе факторов дестабилизирующего свойства, чтобы на этой основе как можно глубже осветить вопрос о негативных аспектах латиноамериканского перехода к демократии. Между прочим, последний до сих пор еще не стал настолько убедительным и необратимым, чтобы подавляющее большинство активных или пассивных его участников утвердилось в приоритете самой демократии. Так, по данным проведенного в середине 1996 г. в рамках кампании «Латинской барометр» в 17-ти странах Латинской Америки и в Испании опроса общественного мнения, более одной трети всех латиноамериканцев либо открыто поддерживают идею возврата к авторитарному режиму правления, либо абсолютно безразличны к тому, жить им при демократии или нет [5].

В данном случае весьма продуктивным и в академической, и в практической плоскости представляется опыт такого небольшого государства в Центральной Америке, как Никарагуа, которое в последние несколько лет демонстрирует довольно оригинальный и вместе с тем «типовой» политический процесс. Подобный выбор предмета компаративного анализа продиктован в первую очередь тем обстоятельством, что названная страна так же, как и республики бывшего СССР, пережила многолетний «революционный эксперимент» по строительству общества «нового типа», сущностной характеристикой которого стал авторитарный политический режим марксистско-ленинского толка. При этом для нас, стремящихся в своих странах избежать серьезных социальных и политических потрясений, очень важно и то, что никарагуанский вариант перехода осуществляется в относительно мирных и внешне демократических формах [6]. Следует также учитывать и то обстоятельство, что эта страна даже во временном плане прошла уже довольно значительный путь – на сегодня речь может идти о «второй волне» или «втором этапе» демократизации – в то время, как в постсоветских обществах разговор следует вести лишь о так называемой «первичной модернизации» со всеми теми издержками, которые вытекают из ее запоздалого характера [7]. И, наконец, на примере этой небольшой, своего рода «компактной» во всех отношениях,

страны более рельефно проявляются те или иные стороны (нас, как это уже понятно, в первую очередь интересуют негативные) и аспекты переходного процесса.

Никарагуанский опыт, прежде всего, заставляет довольно остро и комплексно поставить проблему «соотношения сил» между пришедшими к управлению страной демократами «первой волны» и отстраненной от власти «революционной» оппозицией. Действительно, на протяжении всего периода правления президента Виолеты Чаморро (1990-1996 гг.) главный социально-политический представитель и носитель авторитарного начала – Сандинистский фронт национального освобождения (СФНО) обладал реальным политическим влиянием, порой граничившим с превосходством, на всех уровнях общественного механизма, фактически сводя на нет и без того недостаточные усилия и слабые возможности реформаторов по модернизации никарагуанской экономической и политической системы. Очевидно, что в Никарагуа приход к руководству страной демократических сил, сам по себе во многом неожиданный и неподготовленный, не стал реальным началом процесса глубоких преобразований во всех сферах. Во многом данный парадокс был обусловлен объективным влиянием такого фактора, как раскол общества по идеологическому и политическому признаку, в основе которого в свою очередь лежали глубинные экономические интересы и несовпадения. На начало 90-х гг. в стране наиболее влиятельные и значимые позиции занимали сторонники двух диаметрально противоположных проектов общественного развития – авторитарного и демократического. При этом адепты демократического, модернизационного варианта общественно-политического переустройства изначально не обладали устойчивым и, если так можно сказать, самодостаточным консенсусом, что в свою очередь не позволяло сразу же после победных для представителей данного политического спектра выборов 1990 г. начать реальное продвижение по пути либерализации экономики и демократизации политической системы.

Формально же перешедший в оппозицию СФНО фактически смог сохранить значительное влияние в обществе, особенно в маргинальных его слоях, и даже удержать ряд важных рычагов реальной политической власти – как на законодательном, так и на исполнительном ее уровнях, осуществляя так называемое «правление снизу» и тем самым автоматически сдерживая процесс трансформации общественно-политической и особенно социально-экономической сфер [8]. Для сторонников модернизации ситуация осложнялась и наполнялась неопределенностью еще и тем, что достигнуто подобное удержание «низовой» власти сандинистами было не без помощи самих же реформаторов. Достаточно сказать, что соглашениями марта-апреля 1990 г. между лидерами СФНО и «командой» Чаморро в стране фактически устанавливался иррациональный и непродуктивный во всех смыслах режим двоевластия [9]. На протяжении последних пяти-шести лет сандинистам таким образом удавалось выступать в качестве реальной и влиятельной альтернативы модернизации, сдерживая и сковывая поступательное движение в рамках всего демократического перехода.

Иными словами, исходное состояние никарагуанского общества, будучи объективной данностью в конкретно-исторических условиях начала 90-х гг., во многом обуславливало и стимулировало активную позицию и значительный потенциал субъективного фактора, имевшего ярко выраженный авторитарный характер и соответственно этому выступавшего с позиций политического реванша.

В этом же аспекте следует рассматривать и проблему готовности самих демократов-реформаторов добиваться реального продвижения по пути модернизации. Последняя имеет две составляющих: политическая воля как неизменное и важнейшее условие развития трансформационных процессов и готовность жертвовать частностями партийно-кланового характера и амбициями персонального, личностного порядка ради

достижения декларируемой главной и конечной цели преобразований – перехода общества на более высокую ступень развития, к качественно иному своему состоянию. В этом отношении правящая демократическая коалиция «первой волны» оказалась фактически недееспособной. Достаточно сказать о том, что весь период пребывания на высшем государственном посту Чаморро демократы, представленные в обеих основных ветвях власти – исполнительной и законодательной, так и не смогли выработать единую линию поведения, постоянно конфликтуя и пикируясь друг с другом, чем, естественно, не преминули в полной мере воспользоваться вожди СФНО. «Кризис, возникший в отношениях между властями, – отмечалось в одной из сандинистских резолюций, – ввергает страну в еще большую нестабильность, еще дальше отодвигает решение насущных проблем, стоящих перед населением страны» [10]. Между прочим, сам факт приглашения в правительство трех министров-сандинистов в 1993 г. стал прежде всего результатом подобного «выяснения отношений» в антисандинистском лагере. Последний был весьма плачевным для демократов, но вместе с тем вполне закономерным шагом администрации Чаморро и означал, помимо всего прочего, фактический распад и уход с политической сцены демократической коалиции в том виде и в том составе, в котором она оформилась в 1989-1990 гг. и затем пришла к власти [11].

Безусловно, одним из определяющих факторов политической нестабильности в никарагуанском обществе до сих пор является кризисное состояние национальной экономики. Экономические аспекты преобразований, как известно, всегда влияют на динамику и уровень результативности трансформационных процессов в обществе. Понятно, что ни стал исключением в этом плане и никарагуанский вариант перехода. Фактически самым впечатляющим результатом правления демократов «первой волны» стала подлинная экономическая катастрофа. Реформаторам так и не удалось преодолеть доставшиеся в качестве своеобразного наследства от сандинистов кризисные явления в этой сфере. «Победив на выборах 1990 года, Виолета Чаморро, – отмечал в этой связи журнал «Новое время», – обещала превратить Никарагуа в рай. Через три года ее правления страна претендует на первое место по бедности в Латинской Америке» [12]. Кстати, по данным негосударственной службы «Нитлаплан», к концу 1997 г. 82% жителей страны находились за чертой бедности, а 47% из этого числа не имеют даже некоторых элементарных средств к существованию.

Подобная ситуация обусловила довольно значительный перманентный рост социальных противоречий, а значит и политической напряженности в стране, при которой реваншизм СФНО в преддверии всеобщих выборов 1996 г. стал приобретать вполне реальные возможности в смысле практической реализации, т.к. основывался на значительной социальной поддержке, особенно в маргинальных слоях населения. И только после убедительной победы на выборах реформаторов «второй волны» во главе с Арнольдо Алеманом в обществе наметились перспективы определенного движения в сторону снижения уровня социальной напряженности и накала классовой борьбы, что уже само по себе серьезно ограничивает масштабы и последствия дестабилизирующих факторов [13]. Не случайно, в одном из первых после вступления в должность главы государства интервью Алеман заявил о том, что для его страны «времена классовой борьбы окончательно миновали» [14].

Таким образом, переплетаясь в некое единое целое, политические (субъективные) и экономические (объективные) факторы дестабилизирующего порядка составляют в рамках переходного общества довольно значительный конфликтообразующий потенциал, что ставит под вопрос результативность самого перехода от авторитаризма к демократии. Помимо этого, как известно, внутренние факторы подобного плана во мно-

гом зависят и от состояния и развития факторов внешних. К числу последних относятся вполне определенные и целенаправленные действия отдельных государств (в данном случае – США, СССР, Куба и др.), групп стран (Контадорская группа и Группа поддержки, соседние государства Центрально Америки), международных институтов (ООН и ОАГ), а также международная обстановка в целом, сопровождающая тот или иной этап развития никарагуанского общества. Например, после обозначившегося раскола в рядах никарагуанских демократов, а особенно в связи с вхождением в правительство страны министров-сандинистов, администрация США фактически свернула большую часть ранее обещанной финансовой и экономической помощи Никарагуа.

Завершая подобный экспресс-анализ данной проблемы, следует сказать о том, что обозначенными выше факторами отнюдь не исчерпывается комплекс негативных тенденций в процессе демократического перехода, в рамках коренной трансформации общественных структур. Вместе с тем, в качестве определяющих в этом плане, имеющих своего рода универсальный характер, выступают следующие из них: кризис традиционных и политических и социально-экономических структур в переходный период; высокий уровень политизации общества и поляризации сил в обществе; отсутствие соответствующей культуры политической борьбы; традиции авторитаризма и насилия; острые насущные социально-экономические проблемы.

РЕЗЮМЕ

В статті визначаються та аналізуються фактори суспільно-політичного розвитку, що гальмують процес переходу від авторитаризму до демократії, почерпнуті з досвіту Нікарагуа 90-х рр.

SUMMARY

The factors of social-political development are defined and analyzed in this article. They hinder the process of transition from strong authoritative power to democracy, taken from experience of Nicaragua of 90-s.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Подробнее см.: Тоталитаризм, авторитаризм и демократия в глобальном контексте («круглый стол») // Латинская Америка. – 1990. – №1. – С.32-57; №2. – С.45-73; №3. – С.45-76.
2. См.: Чумакова М.Л. Факторы политической стабилизации в переходный период // Латинская Америка. – 1996. – №7-8. – С.134.
3. Ивановский З.В. Переход от авторитаризма к демократии и проблемы социальной и политической стабильности // Государство, гражданское общество и процесс демократизации в Латинской Америке. – М.: ИЛА РАН, 1995. – С.130-141.
4. Там же. – С.131.
5. См.: Итоги. – Москва, 1996. – 29 окт. – С.5.
6. Подробнее см.: Чумакова М.Л. Никарагуа: политические метаморфозы // Латинская Америка. – 1994. – №3. – С.9-16; №4. – С.31-37.
7. См.: Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. – М.: Наука, 1996. – С.11-13.
8. Подробнее см.: Барышников С.А. Феномен сандинистской оппозиции // Латинская Америка. – 1993. – №3. – С.40-48.
9. Цит. по: Panorama centroamericano. Reporte político. – Guatemala, 1990. – №47. – P.13.

10. См.: Panorama centroamericano. Reporte politico. – 1995. – №105. – P.8.
11. См.: Envio. – Managua, 1993. – №145. – P.8.
12. Цит. по: Новое время. – Москва, 1993. – №45. – С.36.
13. См.: La Prensa. – Managua, 1996. – 22 de oct. – P.1.
14. Цит. по: Nicaragua y su politica exterior. – Managua, 1997. – marzo. – P.6.

Надійшла до редакції 02.02.98 р.

ББКЧ 33 (4 УКР) 612

СИСТЕМА ФИНАНСИРОВАНИЯ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ УКРАИНЫ В 20-е ГОДЫ

В. В.Липинский

Развитие сети и структуры учреждений образования находилось в прямой зависимости от системы и размеров финансирования. Целью данной работы является изучение системы финансирования учебных заведений, процессов и причин, которые влияли на изменение этой системы, определение источников и размеров финансирования.

Необходимо отметить, что предшествующая историография содержит обширные свидетельства о выделении финансовых средств на развитие сети учреждений социального воспитания, профессионального образования, политического просвещения. Однако проблема финансирования всей системы образования или отдельных типов учебных заведений в изучаемый период специально не рассматривалась. Изучение опыта государственно-правового регулирования системы финансирования учебных заведений в 20-е годы приобретает особую актуальность сегодня, когда в условиях реформирования экономики и общественной жизни, ведётся поиск наиболее эффективной модели финансирования учреждений образования, её источников, оптимального соотношения долей центрального, местного бюджетов и других внебюджетных поступлений.

В 1913 г. (по сметам 45 земств) доля государства в финансировании народного образования составляла 45,7%, органов местного самоуправления (города, земства) – 26,7%, плата за обучение – 16,7% и 10,9% покрывались за счет привлечения других источников [Просвещение Донбасса. – 1922. – №3. – с. 24]. Финансирование учебных заведений в начале 20-х годов осуществлялось централизованно в основном из средств республиканского бюджета. Определённые суммы выделялись местными бюджетами. Средства для нужд образования в местные бюджеты поступали за счёт введения т.н. «самообложения населения». Для стабильного пополнения доходной части местных бюджетов декретом от 10 октября 1921 г. ВУЦИК установил одноразовый денежный сбор в городах и местечках Украины для потребностей культурно-просветительных учреждений и, в первую очередь, школ. А 14 октября 1921 г. СНК УССР своим постановлением установил патронат хозяйственных и профсоюзных органов над школами. В этой связи в 1921 г. к промышленным предприятиям Донбасса было прикреплено 267 школ и 50 детских домов, а к апрелю 1922 г. число прикреплённых школ достигло 375. Учителя и воспитатели получали там зарплату как работники ведущих рабочих профессий [Шлях освіти, – 1921. – №2. – с. 339].

Однако в 1920 – первой половине 1922 г. основным источником финансирования являлся государственный бюджет. Средства на содержание сети учреждений социального воспитания, профессионального образования и политического просвещения ежемесячно выделялись на заседаниях СНК УССР и направлялись в Наркомпрос. Так, в

ноябре 1921 г. на финансирование учреждений профобразования было выделено 2 млрд. 200 млн. руб., из которых 2 млрд. были распределены по губерниям [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 2, д. 237, л. 60].

Углубление экономического кризиса и сокращение поступлений в доходную часть бюджета поставили перед государством задачу по изменению системы финансирования учебных заведений и поиску дополнительных средств для нужд образования. В августе 1922 г., выступая на I Всеукраинском совещании школьных работников, Нарком просвещения УССР Г.Ф.Гринько заявил о необходимости избавиться от «иллюзии централизованного бюджета и перейти к системе местного бюджета..., ввести принцип моральной ответственности местных властей в лице Президиума исполкома за сохранение и развитие местных школ» [Первое Всеукраинское совещание школьных работников // Просвещение Донбасса. – 1922. – №3. – с.22].

Именно с лета 1922 начинается реформирование системы финансирования сети учебных заведений, которое заключалось в перенесении центра финансовой тяжести с центральных органов государственного управления на местные и значительном расширении источников пополнения средств на нужды образования. В 1922/23 учебном году из центрального бюджета на содержание школьной сети было выделено только 20% средств от необходимой суммы. В расходной части бюджета Наркомпроса 52% было направлено на содержание сети социального воспитания, 28% – профессионального образования, 10,8% – политического просвещения, 4,4% – содержание центрального и местного аппарата, остальные на другие нужды [ЦГАОО Украины, ф.1, оп. 20, д.1776, л. 71].

Из-за отсутствия средств по всей Украине общеобразовательные сельские школы снимались с государственного финансирования и передавались на содержание населения. В Черниговской, Киевской, Полтавской, Екатеринославской губерниях более 80% сельских школ по заключённым договорам были переданы на содержание населения. 13 декабря 1922 г. состоялось заседание коллегии Главпрофобра, где был определён перечень учебных заведений, имеющих государственное значение, за которыми сохранялось централизованное бюджетное финансирование. Остальные учебные заведения профессионального образования должны были финансироваться из местного бюджета или переводились на самоокупаемость [ЦГАОО Украины, ф.1, оп. 20, д.1301, л.10]. Так, Полтавский педагогический техникум до января 1923 г. находился на государственном финансировании, а затем был переведен на местный бюджет. Но из-за отсутствия средств в местном бюджете техникум существовал за счёт платы за обучение [Студент революции. – 1924. – №1-2. – с. 91].

Далеко не сразу в Украине установилось бесплатное обучение. Для сохранения сети учебных заведений осенью 1922 г. была введена плата за обучение, которая являлась одним из дополнительных источников средств. В сентябре 1922 г. Центральная приёмная комиссия направила инструкцию в местные приёмные комиссии, которая на местах не выполнялась. Она установила как общее правило 10% платных мест в вузах от количества поступивших. В высшие художественные учебные заведения удельный вес платных мест составлял 40% [ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 20, д. 1075, л.42]. Однако в Полтавском землеустроительном Техникуме от платы за обучение освобождались только 3 человека, ещё 13 человек вносили уменьшенную (от 10 до 50%) плату за обучение, а остальные студенты (53 человека) платили за обучение в полном объёме. В декабре 1923 г. в Житомирском институте народного образования все 249 студентов платили за обучение, из них 48 человек имели льготную оплату [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 3, д. 226, л.76, 107]. Большинство студенческих платных мест было в медицинских, социально-экономических, педагогических и художественных вузах.

Платное обучение вводилось почти во всех профшколах. 23 октября 1922 г. Главпрофобр в циркуляре №177 установил дифференцированную плату за обучение в профессиональных школах, в зависимости от доходов обучающегося [ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 20, д. 1513, л. 74]. В 1922/23 учебном году Харьковская вторая торгово-промышленная профшкола была полностью переведена на самоокупаемость, платное обучение было введено во всех четырёх Бердичевских профшколах [Голос труда. – 1923. – 21 января]. Плата за обучение в городских общеобразовательных школах составляла осенью 1922 г. 5 млн. руб. за четверть и собиралась родительскими тройками или родительскими советами. В большинстве учебных заведений плата за обучение была дифференцированной. Размер платы зависел от профиля учебного заведения, социального происхождения и материального положения учащегося или студента. На 1925/26 г. Главпрофобр разработал специальную инструкцию, по которой плата за обучение начислялась в зависимости от профиля вуза и дохода студента [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп.5, д. 628, л. 110]. В бюджете Главпрофобра плата за обучение в 1923/24 учебном году стояла на втором месте после центрального государственного финансирования и составляла около одного миллиона золотых рублей [ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 20, д. 1778, л. 86].

Сложившийся десятилетиями и повторенный во многих исследованиях тезис о том, что в 20-е годы платой за обучение облагались лишь представители незначительной части «нетрудового элемента», не соответствует действительности. В частности, Н.А. Быстров пишет, что «студенты пролетарского происхождения» освобождались от платы за обучение и что нормы платы за обучение в вузе составляли 12-36 руб [Быстров Н. А., с.53–54]. В действительности в 1922 г. только 20% студентов Украины освобождались от платы за обучение, 30% – вносили льготную оплату, 50% платили полностью [Студент революции. – 1922. – №1. – с. 87]. Размер оплаты в 1923 г. по установленным нормам составлял от 80 до 250 руб. в институтах и от 30 до 120 руб. в техникумах [Путь просвещения. – 1925. – №11. – с. 259; ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 20, д. 1778, л.155]. Однако на практике установленные нормы значительно превышались. В это время журнал «Студент революции» писал: «Введение платы за обучение... поставило в катастрофическое положение именно пролетарскую часть студенчества» [Студент революции. – 1923. – №2-3. – с. 9].

Реформирование системы финансирования учреждений образования и введение, наряду с бюджетными, платных мест в учебных заведениях суверенной Украины усиливают наш интерес к данному аспекту проблемы. Существенным недостатком взимания платы за обучение сегодня, на наш взгляд, является её уравнилительный характер, когда не учитывается ни материальное положение учащихся и студентов, ни профиль обучения. Кроме этого, размер оплаты устанавливается произвольно, без реальных расчётов стоимости обучения. В этой связи актуален и уместен опыт, наработанный Наркомпросом Украины в 20-е годы.

Для финансирования госбюджетных мест, кроме платы за обучение, Главпрофобр активно привлекал и другие источники. Более полумиллиона золотых рублей поступало в бюджет Главпрофобра от производственной деятельности учебно-производственных мастерских и 780 тыс. составляли средства местных бюджетов. Стоимость обучения одного студента в институте в 1923 г. составляла в 84 руб. 12 коп. золотом, в техникуме 92 руб. 90 коп. Дополнительным источником финансирования в сельскохозяйственных учебных заведениях являлись доходы от земли. Некоторые высшие учебные заведения решали свои финансовые проблемы путём получения субсидий от заинтересованных министерств. Так, в 1923 г. Харьковский институт народного хозяйства с помощью полученных субсидий от

народного комиссариата внешней торговли и народного комиссариата финансов сумели сбалансировать свой бюджет и открыть финансово-банковско-страховой факультет [ЦГА-ОО Украины, ф. 1, оп. 20, д. 1656, л. 32].

Изменение системы финансирования и расширение финансовой самостоятельности учебных заведений вызвало к жизни необходимость нормативно-правового регулирования финансовой деятельности учреждений образования. 30 марта 1923 г. СНК УССР издал постановление об образовании при учебных заведениях специального денежного фонда. В нём в дополнение к ст. 73, 88, 89, 90 Кодекса законов о народном просвещении УССР в целях улучшения финансового положения учебных заведений всех видов было разрешено создавать при каждом учебном заведении специальный денежный фонд. В средства фонда входили сборы платы за обучение, доходы клиник, мастерских, совхозов и прочих видов хозяйственного использования учебно-вспомогательных учреждений, доходы от деятельности производственных предприятий, организованных учебными заведениями; пособия от государственных и общественных организаций, пожертвования частных лиц и прочие случайные доходы [Государственный архив Донецкой области, ф. 2580, оп. 1, д. 4, л. 11].

Перенесение основной доли затрат по содержанию сети учебных заведений на местный бюджет привело к тому, что в 1923/24 и 1924/25 учебных годах расходы на народное образование в большинстве районов и округов составляли от 40 до 50% всего местного бюджета. Более 90% сумм, выделяемых из местного бюджета на народное образование, шло на содержание начальных школ, которые постановлением СНК УССР «О школьной сети всеобщего обучения» летом 1924 г. были объявлены общедоступными и бесплатными [З. У. УССР. – 1924. – №50. – с. 300]. В примечании этого постановления указывалось, что в городских и местечковых школах временно, на основании специальных постановлений губисполкомов, согласно с инструкцией Наркомпроса, взымалась плата за обучение.

Чтобы немного разгрузить местные бюджеты от непомерных затрат на образование, в августе 1925 г. особая комиссия госплана и народного комиссариата финансов составила предварительные бюджетные материалы и установила контрольные цифры расходов на образование для округов. Введение бюджетного планирования позволило несколько разгрузить местный бюджет от затрат на образование с 40 – 50% до 25 – 30%. Для округов, которые самостоятельно не укладывались в контрольную цифру народного комиссариата финансов, в перспективном бюджетном планировании предусматривалась государственная помощь.

Переход к финансовому планированию в центре вызвал к жизни механизм финансового планирования в учебных заведениях. В январе 1926 г на заседании правления Киевского института народного образования было принято решение о создании финансово-хозяйственной комиссии, которая должна была определять финансовое положение вуза и планировать бюджет вуза на будущий год. Финансово-хозяйственные комиссии создавались в большинстве вузов. В 1926 г., когда Киевский институт им. Лысенко был снят с государственного финансирования, финансово-хозяйственная комиссия вуза разработала план финансово-экономической деятельности, что позволило сохранить вуз от закрытия [Государственный архив Киевской области, ф. 10408, оп. 1, д. 148, л. 1]. Во второй половине 20-х годов финансово-хозяйственные комиссии вузов для привлечения дополнительных источников финансирования сдавали в аренду кабинеты, лаборатории и другие учебные помещения.

В 1927 г. на бюджете центральных ведомств и местном бюджете находилось 58,6% учебных заведений, 35,3% содержались хозяйственными органами и только в

1% состояли на полном хозяйственном расчете. На полном хозяйственном расчете находились в основном профшколы, учебно-производственные мастерские и некоторые вузы. На содержание предприятий были поставлены школы ученичества различных видов и профессиональные курсы. Бюджетное финансирование направлялось в основном в систему социального воспитания и политического просвещения. На смешанной бюджетно-коммерческой основе функционировали общеобразовательные школы второго концентратора, многие техникумы и институты.

Оздоровление экономики позволяло ежегодно увеличивать ассигнования Наркомпросу. Если в 1925/26 учебном году эти ассигнования составили 1614 700 руб., то в 1926/27 учебном году – 2 837 971 руб., т.е. больше чем в 1,7 раза. Из этих средств 77,9% выделялось учреждениям социального образования, 12% – политического просвещения, 6,5% – профессионального образования, 3,2% – на содержание аппарата. Сравнительно небольшая доля (12,4%) учреждений Политпросвета в общей сумме ассигнований Наркомпроса объясняется тем, что ежегодно на обучение грамоте взрослых выделялись большие суммы из культурно-просветительного фонда. Во второй половине 20-х годов на эти цели из культпросветфонда выделялось от 50 до 71 млн. руб [ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 20, д. 2703, л. 5]. Кроме этого, определенные суммы на обучение грамоте взрослых выделялось обществом «Долой неграмотность».

Таблица 1. Затраты на образование

Учебные годы	Из центрального бюджета	Из местного бюджета	Вместе
1922/23	9 313 973	5 425 806	14 739 789
1923/24	13 888 950	25 077 135	38 967 085
1924/25	20 437 889	38 713 750	59 151 639
1925/26	28 297 732	60 101 000	88 398 732
1926/27	32 052 592	80 109 009	111 161 601
1927/28	9 846 000	85 156 000	95 002 000
1929	45 200 100	131 009 900	176 300 000

Табл.1, составленная на базе данных Наркомпроса, показывает две тенденции. Во-первых, рост затрат на образование в течение всего периода, которые возросли в 12 раз и составили более 176 млн. руб. Во-вторых, постепенное перемещение бюджетного финансирования из центра в округа и регионы. Если в 1922/23 учебном году средства из центрального бюджета почти в два раза превышали затраты местных бюджетов, то в 1929 г. средства местных бюджетов почти в 4 раза были выше ассигнований из центра. Необходимо также учесть, что наряду с центральным и местным бюджетным финансированием, средства на образование поступали от населения, профсоюзных, кооперативных, общественных организаций и других источников. В суммарном выражении расходы на образование в 1927/28 учебном году составили 207,2 млн. руб., а в 1928/29 – 250 млн. руб [Культурне будівництво в Українській РСР. (1928 – червень 1941 рр.), с 79].

К сожалению, сегодня значительные и постоянные сокращения расходов на образование на фоне роста затрат на содержание административно – управленческих структур во второй половине 90-х годов, при постоянном ухудшении эффективности их работы, являются негативными тенденциями, которые угрожают национальным интересам нашего государства. Закрепленная в Законе Украины «Об образовании» от 23 марта 1996 г. (ст. 61) норма о государственном финансировании образования в размере не

менее 10% от национального дохода за прошедшее время не выполнялась [Право Украины. – 1996. – №7. – с. 83]. В современном мире наиболее эффективными и перспективными вложениями средств являются затраты на образование. Без этих вложений ни экономический, ни социальный прогресс общества невозможен.

Таким образом, в системе финансирования в 20-е годы можно выделить два этапа. На первом этапе (1920-1922 г.г.) финансирование сети учебных заведений осуществлялось стихийно, путем ежемесячного выделения средств в основном из центра. На втором этапе (1923-1929 г. г.) финансирование осуществлялось на основе перспективного бюджетного планирования, когда основная финансовая тяжесть была перенесена с центрального на местные бюджеты. На втором этапе, наряду с бюджетным финансированием, Наркомпрос активно привлекал широкий круг дополнительных источников поступлений, что позволило обеспечить постепенное расширение сети и структуры учебных заведений. Однако несмотря на постоянный рост бюджетного финансирования на втором этапе, общий объем финансирования учреждений образования только в конце изучаемого периода приблизился к дореволюционному уровню.

РЕЗЮМЕ

У статті вивчена система фінансування учбових закладів України у 20-ті роки. Показані процеси та причини, що впливали на змінення цієї системи, вказані джерела та розміри фінансування закладів освіти. Робиться критичний аналіз сформувавшихся у попередній літературі стереотипів. Запропоновані шляхи удосконалення системи фінансування освіти у незалежній Україні.

SUMMARY

In the article system of financing of educational institutions of Ukraine in 20-th years is investigated. Processes and reasons are shown which influenced change of this system, sources and sizes of financing of establishments of formation (training) are certain (determined). The critical analysis of stereotypes usual in the former literature is given. Ways of perfection of system of financing of formation (training) in independent Ukraine are offered.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Гринько Г. Ф. Очерки советской просветительной политики. – Харьков: изд-во Наркомпроса УССР, 1923.
2. Ряппо Я. П. Реформа высшей школы на Украине в годы революции (1920-1924 гг.). Сборник статей и докладов. – Харьков: изд-во Наркомпроса УССР, 1925.
3. Культурне будівництво в Українській РСР (1928 – червень 1941 рр.) – К.: Наукова думка, 1986.
4. Бистров М. А. Керівна роль КП(б)У у галузі вищої освіти в період будівництва соціалізму. – 1917 – 1937 рр. – Харків: Вища школа, 1974.
5. Центральный государственный архив общественных организаций и политических партий Украины, ф. 1, 17.
6. Центральный государственный архив высших органов власти и государственного управления Украины, ф. 166, 5, 7.
7. Государственный архив Киевской области, ф. 10, 408; Государственный архив Донецкой области, ф. 349, 2325, р–1512.
8. Просвещение Донбасса: 1921-1925; Студент революции: 1921-1929; Шлях освіти: 1921-1925; 3. У. УССР: 1924; Право Украины: 1996.

Надійшла до редакції 09.02.98 р.

ББК ТЗ(4Укр-4Дон)63-533

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОНБАССОВСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТАМОЖНИ ПО ЗАЩИТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ УКРАИНЫ (1992-1997 гг.)

П.В.Добров, М.У.Конончук.

Украина как молодое европейское государство в 1996 году отметила свой пятилетний юбилей. Пройден небольшой, но чрезвычайно сложный исторический период в становлении ее национального суверенитета. Как известно, его провозглашение еще не означает физической независимости страны. Национальный суверенитет Украины на начальном этапе ее становления и развития должен постоянно укрепляться собственной экономикой, активно работающей для материального обеспечения народа, на политическую стабильность украинского общества.

Как справедливо отмечалось на юбилейном торжестве в г.Киеве, исторический переходный период для нашего молодого государства создает большие трудности во внутренней и внешнеполитической жизни Украины. Он требует постоянной защиты ее экономического рынка, который испытывает огромное давление мировой экономики. Поэтому проблемы экономической безопасности, укрепление экономического суверенитета нашей страны – чрезвычайно актуальная научная и практическая задача.

Актуальность указанной темы для исторической науки обуславливается целым рядом обстоятельств:

- новизной задач, решаемых Украиной по укреплению национального суверенитета, необходимостью его утверждения в мировом обществе;
- сложностью формирования национальной политической и экономической культуры в украинском обществе, необходимостью выдвижения научной общенациональной идеи развития;
- созданием внутреннего цивилизованного рынка в условиях переходного периода;
- задачами развития внешнеэкономической деятельности и ее государственного регулирования в стране, необходимостью выхода Украины на европейский и мировой рынок;
- важностью защиты национальных интересов и отечественного производителя в процессе становления рыночных отношений на базе осуществления экономических реформ в стране.

Большую роль в укреплении национального суверенитета и защите внутреннего рынка Украины отводится Государственной таможенной службе. Становление деятельности ее органов в центре и на местах представляет научный интерес и значительную практическую ценность. Таможенное дело в любом государстве составляет необходимое звено в осуществлении суверенитета с зарубежными странами.

В настоящее время украинской исторической науке проблемам укрепления национального суверенитета нашего молодого государства специально посвящено только несколько статей [1]. Они рассматривают целый ряд вопросов теории и практики осуществления суверенности Украины и являют собой начало научной разработки и обобщения практики столь важной исторической темы.

В указанных публикациях подчеркивается объективный характер возникновения суверенитета Украины, к которому она шла на протяжении всей своей истории. По мнению авторов опубликованных изданий истоки украинской государственности проистекают из существования Киевской Руси, Запорожской Сечи и действовавшего мно-

гие годы института гетьманства. особо при этом выделяется период Украинской республики 1918-1920 гг., когда во главе ее встала Центральна Рада. Законодательные акты того небольшого времени по созданию государственности на Украине имеют важное значение в истории нашего народа.

Вместе с тем, в публикациях подчеркивается сложность построения суверенного правового украинского государства как с точки зрения создания цивилизованной внутренней политической системы, так и внешнего признания Украины в мировом сообществе. Авторы указывают на слабую роль политических партий в обществе, на медленный процесс реформирования ее экономики, на недостаточный уровень политической культуры населения страны.

Вторую группу опубликованных работ, связанных с укреплением государственного суверенитета Украины, представляют монографии и статьи о внешнеэкономической деятельности и таможенном деле в нашей стране [2].

Среди имеющихся публикаций, на наш взгляд, следует прежде всего обратить внимание на работу П.Линдберта, в которой раскрывается объективный характер мирохозяйственных связей в современном развитии человеческой цивилизации. Автор анализирует экономическое сотрудничество между государствами, важнейшие направления мирохозяйственных связей, проблемы, которые предстоит решать сегодня. Среди них необходимость уровня производства и качества продукции в странах, таможенные пошлины, правовые акты международного экономического сотрудничества. В книге указывается на сложность разработки и практического осуществления юридических норм в процессе развития мирохозяйственных связей. Эта сложность объясняется большой трудностью научного обоснования международного экономического права, исходя из многообразия интересов государства.

Далее необходимо остановиться на монографии Д.Сакса и А.Пивоварского «Экономика переходного периода: уроки для Украины», в которой исследуется сущность и задачи рыночных реформ в стране. Сердцевину их составляют развитие различных реформ собственности, создание отечественной финансовой системы, приватизация, привлечение зарубежных инвестиций, либерализация внешнеэкономической деятельности. Особую роль в осуществлении реформ авторы отводят роли государства в регулировании развития экономики, внутреннего производства и внешнеэкономической деятельности.

В монографии Д.Сакса и А.Пивоварского большое место отводится выбору пути становления рыночной экономики на Украине. При этом уделяется значительное внимание методам вывода народного хозяйства из кризиса, опираясь на собственные силы и привлечение зарубежных инвестиций, на учет национальных традиций и особенности украинского общества.

Работы коллектива авторов под руководством Ю.В.Макогона посвящены анализу внешнеэкономического потенциала Донецкой области, возможностям и потребностям ее экономики в экспортно-импортных операциях. Авторы книг подчеркивают особенности экономики региона, ведущую роль в ней тяжелых отраслей промышленности. Очень важным при этом является анализ эффективности внешних связей предприятий и городов Донецкой области в условиях проведения рыночных реформ в стране. Здесь же рассматриваются существующие проблемы, сдерживающие столь важный процесс в подъеме народного хозяйства региона. Среди них высокие затраты при добыче угля, производстве металла и химических материалов. Особенно больно по экономике области бьют затраты на энергоносители, что делает донецкую промышленную продукцию неконкурентоспособной на внешнем рынке.

Большое внимание в книгах уделено механизму внешнеэкономических связей на уровне региона, а также роли в них таможенного дела.

Рассмотренные нами работы, особенно те, в которых исследуются проблемы внешнеэкономической деятельности на Украине и непосредственно в Донецком регионе, лишь касаются поставленной нами темы. Роль таможенной службы в контроле экспортно-импортных операций в Донбассе предстоит еще изучить. Необходимо обобщить широкую практику ее деятельности по учету субъектов внешнеэкономического сотрудничества, а также по контролю соблюдения физическими и юридическими лицами таможенного законодательства при провозе товаров через государственную границу Украины.

Анализ опубликованной литературы, затрагивающей избранную нами тему исследования, был бы не полным без рассмотрения таких важных проблем, как: защита местного товаропроизводителя, борьба таможенной службы с контрабандой промышленных изделий, запрещенных к вывозу и ввозу в страну.

Указанные вопросы нашли свое освещение в ряде статей, опубликованных в научных сборниках, периодических изданиях и прессе [3]. Среди них следует выделить статьи Д.Бахрах и Ю.Демина, рассматривающие современные проблемы таможенного законодательства. В них утверждается мысль о необходимости его совершенствования, потому как обновляется важным элементом государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в стране и ее регионах.

Представляет интерес статья Т.Михаляк, анализирующая организацию и опыт деятельности таможенных органов в ряде зарубежных стран. Этот опыт имеет большое значение в совершенствовании структуры и профессиональной работы таможенной службы в нашем молодом государстве. Многие аспекты государственной таможенной практики могут быть применимы в деятельности региональных таможенных органов и контрольно-пропускных пунктов на государственной границе.

Проблемы неравных условий внешнеэкономической деятельности отечественных производителей и зарубежных фирм в условиях переходного периода указывают в своих статьях А.Яремчук, Т.Киселева, А.Павлова авторы анализируют ряд сторон затратного механизма при производстве товаров и изделий, противоречия таможенного законодательства Украины и зарубежных стран, указывают на нездоровую конкуренцию в ходе осуществления юридическими и физическими лицами экспортно-импортных операций.

Ряд опубликованных статей таких авторов, как Ю.Рубана, Г.Салия, Д.Чобита, посвящены различным аспектам регулирования внешнеэкономической деятельности, а также наиболее часто встречающимся нарушениям в ходе экспортно-импортных операций, обнаруживаемых таможенной службой. При этом особо указывается на экономические потери Украины от нетарифного регулирования, на использование многими субъектами внешнеэкономической деятельности несовершенства нашего законодательства с целью получения больших прибылей. Авторы также рассматривают целый ряд нарушений таможенных правил в ходе контроля непосредственно на государственной границе страны. Все перечисленное нами наносит большой урон экономике Украины и ее регионов, подрывает международный авторитет нашего молодого государства.

В статье А.Яремчука рассматриваются очень важные вопросы, непосредственно связанные с практикой деятельности таможенной службы, – с злоупотреблениями при определении субъектами внешнеэкономической деятельности стоимости товаров и изделий, промышленного и сельскохозяйственного сырья, продуктов питания при провозе их через границу страны. Автор указывает на вопросы организации экспортно-

импортных операций, предлагает использовать накопленный опыт для внедрения его в непосредственную практику.

В целом рассмотренные нами публикации в области изучения проблем укрепления национального суверенитета Украины и роли государственной таможенной службы в защите экономических интересов страны в процессе мирохозяйственных связей свидетельствуют о стремлении историков, экономистов, политиков, журналистов и других авторов проанализировать их, попытаться ответить на многие вопросы столь важной темы.

Анализ указанной литературы подчеркивает необходимость углубленного изучения теоретических основ национального суверенитета Украины, зависимости его укрепления от многих современных факторов общественного развития в стране, особенно в ходе ее международного экономического сотрудничества с ближним и дальним Зарубежьем.

Очень важно исследовать оптимизацию процесса регулирования внешнеэкономической деятельности с помощью таможенного дела в условиях переходного периода и осуществления рыночных реформ. Таможенная политика в государстве призвана с одной стороны содействовать его международным экономическим связям, а с другой – активно защищать отечественный рынок и местного товаропроизводителя.

Предстоит также более активно изучать влияние либерализации внешнеэкономической деятельности на активизацию участия физических и юридических лиц в международном экономическом сотрудничестве Украины и ее регионов в современных условиях. В связи с этим представляется важным исследование динамики развития экспортно-импортных операций на таможенной границе, тех проблем их государственного контроля, которые приходилось и приходится решать в условиях рыночных реформ в стране.

Важное место в данном процессе занимают регионы Украины и органы таможенной службы на различных участках государственной границы. Специфика экономики областей страны, особенно пограничных с государствами Западной Европы и СНГ, требует специальных исследований и обобщений. В этом плане заслуживает внимания Донбасс – крупнейший экономический регион Украины. Его промышленный потенциал имеет большие экспортно-импортные возможности и, следовательно, представляет собой важный объект для исторического исследования. Государственная граница региона составляет около 1,5 тысяч километров. На ее рубежах действует 7 таможен, действия которых объединяет и управляет Донбасская региональная таможня.

В связи с этим представляет значительный научный и практический интерес участие юридических и физических лиц Донецкой и Луганской областей во внешнеэкономической деятельности, изучение практики контроля экспортно-импортных операций на сухопутной и морской границе Донбасса. Здесь важно рассмотреть влияние либерализации экономики на развитие внешнеэкономической деятельности в регионе и необходимость ее регулирования в национальных интересах Украины. Следует изучить формы и методы деятельности региональной таможенной службы по контролю провоза товаров и изделий промышленности, продовольствия и сырья через пограничные пункты. При этом необходимо проанализировать наиболее эффективные меры по соблюдению Таможенного Кодекса Украины и профилактике наиболее характерных нарушений Законодательства субъектами внешнеэкономической деятельности на границе.

Изучение указанных проблем в истории развития Донбасса в первые годы независимости Украины позволит на основе накопленного опыта более эффективно решать современные задачи внешнеэкономической деятельности, внести более весомый вклад региона в укрепление государственного суверенитета нашего молодого государства.

РЕЗЮМЕ

В статті розглядаються актуальні проблеми історіографії історії діяльності Донбаської регіональної митниці по захисту національних інтересів України під час

здійснення зовнішньополітичних зв'язків регіону в умовах впровадження ринкових реформ (1992-1997 рр.).

Автор вказує на необхідність дослідження оптимізації контролю та активної підтримки експортно-імпортних операцій на державному кордоні, узагальнення форм і методів роботи митних органів в перші роки незалежної України.

SUMMARY

This article is devoted to the most actual problems of historiography concerning the chronicle of the Donbass Regional Custom office activities for the defense of Ukrainian national interests in the period of 1992-1997 when under the conditions of market reforms' realization, foreign relations of the region had been established.

Author points out the necessity of theoretical mechanism elaboration for the advanced control and active support of export-import operations on the frontier and generalization of the forms and methods of Custom offices' activities during the first years of Ukrainian independence.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Вовканич С. Не сплутати б різець скульптора з кайлом землекопа. (Про державотворення України) // Віче. – 1993. – №8. – С.34-41; Грабовський С., Шимер Л. Від колонії до незалежної держави // Розбудова держави. – 1996. – №1. – С.7-12, № 2. – С.9-13; Касьян В. Суверенітет від бажаного до дійсного // Віче. – 1994. – №2. – С.51-62; Кизима В. «Незалежність від» чи «незалежність для»? // Віче. – 1003. – №9. – С.114-126; керчмарик Б. Четвертий універсал і відновлення самостійної держави // Визвольний рух. – 1997. – №1. – С.71-77; Кравчук Л. Не трагедія і не драма. Це об'єктивний процес (П'ять років незалежності) // Віче. – 1996. – №9. – С.9-10; Мусіно А. Про концепцію національно-демократичної ідеології для сувереної України, як передмову державотворчого процесу // Укр. час. – 1993. – №1. – С.27-29 та інші.
2. Внешнеторговля сделки / Составитель: И.С.Гринько. – Сумы: Фирма Реал, 1994. – 464 с.; А.А.Ковалев. Самоопределение и экономическая независимость народов. – М.: Международные отношения, 1988. – 160 с.; Линдерт П. Экономика мирохозяйственных связей: пер. с англ. /Общ. ред. и предисл. О.В.Ивановой. – М.: Прогресс, 1992. – 520 с.; Макогон Ю.В., Лукьянченко И.Д., Скабцова Г.В., Васина И.П. Экономическая эффективность внешних связей предприятий и городов Донецкой области (угольной отрасли). – Донецк, 1995. – 52 с.; Макогон Ю.В., Скобцова Г.В., Чумак Л.Н., Пикрасова О.Н., Тарасова В.А. Экспортный потенциал Донецкой области. – Донецк, 1995. – 101 с.; Джефрі Саск, Олександр Пивоварський. Економіка перехідного періоду. Уроки для України. – К.: Основи. – 1996. – 345 с.; Осыка С. Приоритеты внешнеэкономической политики Украины // Финансовая Украина. – № 40. – 1995. – С.1-3 и другие.
3. Бахрах Д.Н. Таможенное право как институт административного права // Государство и право. – 1995. – №3. – С.22-29; Дьомін Ю. Митне Законодавство і перешкоди у його виконанні // Право України. – 1995. – №9-10. – С.33-35; Деркач Л. Пріоритети митної системи // Митна газета. – 1997. – №2. – С.1-2; Кисилева Б. Кому вигідна дорога с односторонним движением? // Деловые новости. – 1996. – №56. – С.9; Михалык Т. Митні служби деяких країн. завдання і організація // Митна газета. – 1997. – №1. – С.11, №2. – С.7; Павлов А. не все экспортеры равны между собой // Бизнес. – 1997. – №18. – С.28; Салий Г. Игра по правилам, которые не решают главные проблемы // Деловые новости. – 1996. – №18. – С.4; Чобит Д. Яркая обертка залежавшегося импорта, или как непродуманные нормы разрушают экономику государства // Голос Украины. – 1996. – №56. – С.10; Яремчук А. Митна вартість. Форма зловживань та боротьба з ними // Митна газета. – 1997. – №5. – С.5 и другие.

Надійшла до редакції 22.01.98 р.

Ф І Л О Л О Г І Я

ББК Ш40 + 011

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЦЕЛОСТНОСТЬ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ*М.М.Гиришман*

В судьбе литературного произведения и в формировании принципиально нового понятия о нем очень важную роль сыграла смена многовековой эпохи нормативного, жанрово-традиционалистского художественного сознания [1] качественно иным этапом, возникновение которого связано с мировоззренческим, социальным и общекультурным переломом XVIII-XIX вв. Единство бытия, его божественная законосообразность и осмысленность подвергаются сомнению, все ранее сложившиеся социальные общности переживают кризис, каноны и нормы риторической культуры воспринимаются как мертвые схемы. Если раньше движение от целого к его частям опиралось на несомненное утверждение единства мира, то теперь это единство становится все более и более сложной проблемой, требующей личностно ответственного разрешения противоречий между идеальной гармонией, единством и полнотой бытия и реальной раздробленностью действительности с множеством составляющих ее различных целых. В освоении этих противоречий особенно актуальным становится искусство с его установкой на выражение внутренних связей многих и разных целых в реальном явлении художественного произведения.

Именно в единстве произведения классическая эстетика XIX в. прежде всего находила «синтез абсолютного с особенным», «универсум в образе искусства» [2, 67]. Дальнейшим развитием этого представления является гегелевская характеристика «индивидуального единства, в котором всеобщее и целостная индивидуальность должны быть просто тождественными, самоцелью для себя, замкнутым целым» [3, 371]. В России становление такого взгляда связано в первую очередь с В.Г.Белинским, его утверждением обращенности произведения искусства к «мировой целокупности», к вселенной «в сокращении, в миниатюре», так что художественное произведение – «воспроизведение действительности, повторенный как бы вновь созданный мир», и оно делает доступной для непосредственного созерцания истину: «...как ни дробите жизнь, она всегда едина и цельна» [4, 360].

Так складывается характерное для эстетики XIX-го и еще в большей степени для XX века утверждение содержательной связи художественного произведения с не укладывающейся ни в какой реально-исторический масштаб полнотой бытия, – как писал М.М.Бахтин, – «полнотой космического и человеческого универсума», так что в основе произведения лежит «модель последнего целого, модель мира... Эта модель мира перестраивается на протяжении столетий (а радикально – тысячелетий)» [5, 461]. А «способом постижения такого содержания» должно быть, по словам М.Мамардашвили, «рассмотрение дифференциации единого... И здесь дело как раз не в отношении целого и части, ибо речь идет не о фиксации каких-то различных элементов координации, а о происхождении обоих элементов от чего-то единого» [6, 56-57]. Такое первоначальное единство, одновременно заключающее в себе и саморазвивающееся обособление, и

глубинную неделимость как элементов и целого, так и многих, разных целых, составляет основное содержание понятия целостность.

В связи с этим возникает актуальная и до сих пор теоретическая задача принципиально разграничить понятия «целостность» и «целое», ибо если они, как это часто бывает, содержательно хотя бы в основном совпадают, то, по крайней мере, в одном из них нет необходимости. Если целостность ориентирована на полноту бытия, «мировую целокупность», то осуществиться эта полнота может только во множестве различных целых, «имеющих начало, середину и конец». Можно ли усмотреть здесь просто две разновидности одного и того же целого, так сказать, «большого» и «малого»? Ведь отдельное, временное, то, что приходит и уходит, и то, что есть и пребудет вечно, – это разнородные содержания и разнокачественные системы отсчета. И если их нельзя привести к общему смысловому знаменателю и простой одноименности, то следующий возможный ход мысли: решить вопрос, какое же из них истинное, подлинное целое, радикально отрицающее другое в таком качестве. Или последнее целое полноты бытия единственно реальное, а все остальное – части, моменты, если не фикции; или реально только лишь множество отдельных, конкретных целых, а единое и неделимое бытие относится лишь к области умозрений и философских конструктов. И в том и в другом случае нет необходимости в понятии «целостность».

Другое дело, если бытие, единое, неделимое и принципиально неосуществимое в своей полноте ни в каком отдельном целом, порождает множество разноликих и разнокачественных, самостоятельных и самоценных целых, – тогда необходимо понятие для выражения внутренней связи, предшествующей разделению и включающей в себя первоначальное единство, саморазвивающееся обособление и глубинную неделимость многих разных целых. Тут-то и обнаруживается место для целостности [7].

Таким образом, целостность человеческого бытия представляет собою первоначальное единство, саморазвивающееся обособление и глубинную неделимость полноты бытия, многообразных социально-этнических общностей и индивидуального существования здесь и сейчас живущего человека в его конкретной историчности. И насколько эта целостность в посттрадиционалистскую эпоху эстетически проявляется и творчески воссоздается в индивидуальности художественного произведения, настолько актуальным становится понятие о произведении как художественной целостности. Связанное с этим изменение теоретических координат отчетливо видно, например, в суждении Гегеля о том, что «подлинное деление можно почерпнуть только из природы художественного произведения, которая в целостности жанров развертывает целостность сторон и моментов в его понятии» [3, 14]. Если в системе жанрового мышления литературное произведение воспринималось как вариация жанра, то в современном сознании, наоборот, жанр выступает как одна из сторон произведения, осуществляющего всеобщий принцип искусства: «...овладеть всем миром и найти для него выражение» (Гете) [8, 106].

Литературное произведение в посттрадиционалистскую эпоху, как правило, не укладывается в однозначное жанровое определение, в нем переплетаются и взаимодействуют различные и порой разнородные жанрово-стилистические традиции. Понятие о произведении как художественной целостности содержит в себе не только возможность, но и эстетическую законность, даже необходимость полижанровости и полистилистики. А с другой стороны, целостность противостоит абсолютизации как единства, так и множественности: в свете художественной целостности преодолеваются какие бы то ни было заранее заданные в произведении внешние границы эстетического разнообразия, но утверждается его внутренний предел. Он основывается на том, что

при всех разнородных сочетаниях и обособлениях разделяющихся целых сохраняется индивидуально-творческий центр произведения и глубинная неделимость эстетического бытия, в нем осуществленного. В этом центре соединяется универсальная обращенность к полноте бытия и уникальность индивидуально-творческой позиции авторского сознания, так что скрепляющей основой мира оказывается индивидуально-неповторимое человеческое бытие, целостная индивидуальность.

Произведение, конечно же, не рассказывает о целостности бытия и не показывает ее как некий изображаемый объект или заранее готовое целое, – это принципиально невозможно. Оно творчески осуществляет и воссоздает эстетическое явление полноты бытия так, что коренные основания жизненной целостности становятся непосредственно-воспринимаемыми и предстают как первоначальное единство, саморазвивающееся обособление и глубинная неделимость автора-героя-читателя; художественного мира-произведения-художественного текста; значимого элемента-структуры-целого произведения.

Автор-герой-читатель, пожалуй, с наибольшей отчетливостью представляют единую целостность в трех целых, равнодостоинных, равно и взаимонеобходимых, несводимых друг к другу, образующих поле интенсивно развертывающихся взаимодействий. Может показаться, что это вполне самостоятельные целые, разделенные во времени и пространстве: сначала автор замышляет и создает произведение, в нем существует герой, а затем уже может идти речь о читательском восприятии. Между тем, «пока не требует поэта к священной жертве Аполлон», нельзя говорить о появлении автора, а как только возникает реальный момент авторского творчества, оно всегда на кого-то направлено и к кому-то обращено, имеет внутреннего адресата, так что в первоначальном единстве осуществления автора-творца содержатся и герой, и читатель. А с другой стороны, в самом что ни на есть наивном восприятии сценического представления сказки ребенком, который кричит Красной Шапочке: «Не ходи, не ходи, там волк!» – проявляется наряду с преодолеваемым страхом и некая уверенность в том, что рядом находящийся волк не так, как это было бы в настоящем лесу, опасен для юного зрителя, ибо существует по законам того сценического мира, к созданию которого и ребенок в данном случае чувствует свою причастность. Находясь на своем зрительском месте, он одновременно проявляет себя и как наивный соучастник художественного действия, и как его наивный соавтор: позиции эти различаются, обособляются, взаимодействуют и сохраняют свою глубинную неделимость.

Такой подход открывает актуальные перспективы исследования уникальных свойств-отношений автора-героя-читателя. Во-первых, это сочетание единой сущности и триединой личности, несводимой ни к одному и тому же личностному содержанию, ни к трем разным индивидам, – это единство человечества, народа и уникальной индивидуальности в превышающей все их отдельные реализации внутренней, личностной взаимосвязи. Во-вторых, необходимо осмыслить сочетание совместного и нераздельного существования автора-героя-читателя с обособлением и взаимодействием их внутренне-разделяющихся позиций, образующих субъектную организацию литературного произведения¹.

Те же базовые характеристики: первоначальное единство, саморазвивающееся обособление и глубинная неделимость – реализуются и в отношении: мир-

¹ См. разработку проблем субъектной организации в трудах Б.О.Кормана и его школы [9а]. Соотношение понятий «автор» и «художественная целостность» глубоко раскрывается в ряде работ Н.Д.Тамарченко [9б].

произведение-текст. Уже в первоэлементе произведения как художественной целостности одновременно и нераздельно возникают и мирообразующий и текстообразующий исток, и смыслопопрождающая направленность, и формообразующая перспектива. Затем из этого первоначального единства формируется разделение «события, о котором рассказывается», и «события рассказа» [10, 404], – в динамике переходов внесловесной реальности в текст, а текста в непосредственно воспринимаемую художественную реальность сохраняется глубинная неделимость слова и жизни.

В свете художественной целостности становятся доступными для исследовательской конкретизации и такие важные характеристики литературного произведения, как: 1) двуединство процессов развертывания художественной целостности в каждом значимом элементе и завершения художественного целого в созданном произведении; 2) «неготовность» составных элементов произведения, которые не являются заранее, а лишь становятся художественно значимыми; 3) отсутствие заданной иерархичности отношений элемента и целого.

Последний момент, пожалуй, особенно важен. В строении литературного произведения с принципиально неиерархическими внутренними отношениями воссоздаются такие связи универсальной всеобщности и уникальной индивидуальности, которые противостоят любым формам одностороннего возвышения, абсолютизации и обожествления как любой человеческой общности, так и отдельно взятого индивида. Это касается и неплототворности обожествления человечества в целом – во всяком случае человечество, народ и конкретная человеческая личность относятся друг к другу не как часть и целое, но как равноценные и равнозначные целые – художественная целостность в идеале проявляет именно такую их взаимосвязь.

Осмысление художественной целостности связано также с идеей органичности [11] и сверхорганичности художественного произведения в его противопоставленности как механизмам, конструкциям, так и природным организмам. Это отражается в частности в интенсивных поисках теоретического разграничения целостности со смежными ей, но инородными качествами цельности, системности, завершенности, связности и т.п. [см. об этом: 12а, 12б, 12в]. Целостность прежде всего указывает на возможность произведения сосредоточенно выявлять в своей художественной реальности полноту бытия, закономерности существования и развития мира в целом. Поэтому художественная целостность должна соотноситься с «началами» и «концами», с «первой» и «последней» мировой целокупностью в различных формах ее жизненного выявления во множестве целых как единого, развивающегося и в последней глубине своей неделимого бытия, во внутренней связи природной органичности и сверхприродного, культурно-творческого созидания.

Иное дело – характеристика и конструкции, и организма с точки зрения их организованности, системные характеристики любого отдельного целого. Целостность мира и цельность (системность, завершенность, связность и т.п.) текста – единство и борьба этих противоположностей осуществляются в литературном произведении и во многом определяют его смысловую многомерность и структурную сложность, чем вызывается многообразие подходов и дискуссионных проблем в современной теории литературного произведения.

В частности, в тех направлениях, которые выдвигают в качестве теоретической доминанты понятие «текст» [13, 413-423, 462-518], художественная целостность вообще не является актуальной, цельность же текста в структурализме акцентируется, а в постструктурализме и деконструкционизме становится все более и более проблематичной на фоне принципиального множества организационных трансформаций и смысло-

вых преобразований. Связь же литературного произведения с целостностью мира сторонники этих направлений считают излишней философизацией, в принципе неплодотворной для поэтики.

С другой стороны, в современной науке все более активно утверждается мысль о том, что текст не охватывает произведение в его целостности и событийной полноте, которая, как писал М.М.Бахтин, «включает и его внешнюю материальную данность и его текст, и изображенный в нем мир, и автора-творца, и слушателя-читателя. При этом мы воспринимаем эту полноту в ее целостности и нераздельности, но одновременно понимаем и всю разность составляющих ее моментов» [10, 404].

Художественное произведение в своей полноте «событийно» потому, что оно представляет собою каждый раз снова и снова осуществляемое событие создания-созерцания-понимания художественной целостности – «образа мира, в слове явленного» (Б.Пастернак). Это не готовый мир и не готовый, раз навсегда воплощенный и доступный для потребления смысл, а форма непрестанного человеческого общения и порождения в нем поисков смысла. Произведение – «орган» и «поле» смыслотворения, в его границах процесс смыслообразования проявляет себя в снова и снова возобновляемых попытках интерпретировать, выразить этот образующийся смысл. Таким образом, событийная полнота произведения воссоздает не первичность какой бы то ни было человеческой общности, а первоначальность общения [14] равноправных и равнодостоинных человеческих целых, и в этом еще одна из самых актуальных перспектив ее изучения в литературной науке на рубеже XXI века.

Наконец, очень актуален вопрос о специфической позиции литературоведа-исследователя литературного произведения как художественной целостности. Произведение воспроизводит связи между целостностью бытия и конкретным жизненным целым индивидуального существования, воспроизводит оно и необходимость осмысления, осознания этой связи – в частности, связи между познанием произведения и пониманием того, что осмысляется произведением. Изучать произведение и понимать нечто произведением – это вообще-то разные сферы деятельности необходимо связаны у литературоведа, который всегда ищет меры между ними и тем самым ищет и уясняет свое место и свое сознание, проясняя область и границы профессионального литературоведческого знания и осознанного незнания.

На рубеже XXI века становится, по-моему, вполне ясным, что литературоведческий путь к целостности не может быть основан ни на отвлеченно-обобщенной философичности, ни на замкнутом профессиональном кренинизме. Едва ли вообще может быть найден какой-либо плодотворный путь вне или сверх специализации, – надежда, по-видимому, может заключаться в таком углублении специализации и профессионализма, при котором самый что ни на есть специальный вопрос в подлинном усилии индивидуального творчества обнаружит свое общечеловеческое содержание и значение.

РЕЗЮМЕ

У статі розкривається поняття «художня цілісність» у його історичному розвитку і сучасному значенні для аналізу специфіки літературного твору. Розмежовуються поняття «цілісність» і «ціле». Художня цілісність конкретизується як первинна єдність, відособлення, з властивим йому саморозвитком, глибинна неподільність автора-героя-читача; художнього світу-твору-художнього тексту; значущого елемента-структури-цілого твору.

SUMMARY

The article explains the notion of artistic totality in its historical development and its contemporary significance for the analysis of the specific character of a literary work. The notions of totality and wholeness are set apart. Artistic totality is specified as the original unity, a self-developing isolation, in-depth indivisibility of author-character-reader; artistic world-literary work-artistic text; significant element-structure-whole literary work.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М. 1994.
2. Шеллинг Ф.В. Философия искусства. – М.1966.
3. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. Т.3. – М.1971.
4. Белинский В.Г. Собрание сочинений в 9 тт. – Т.8. – М. 1982.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М. 1979.
6. Мамардашвили М.К. Процессы анализа и синтеза // Вопросы философии. – 1958. – №2.
7. Гиршман М.М. Художественная целостность и ритм литературного произведения // Гиршман М.М. Избранные статьи. – Донецк, 1996.
8. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т.3. – М. 1967.
- 9а. Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы. – Ижевск, 1992.
- 9б. Тamarченко Н.Д. Целостность как проблема этики и формы в произведениях русской литературы XX века. – Кемерово, 1977.
10. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М. 1975.
11. Вайман С.Т. «Гармонии таинственная власть» Об органической поэтике. – М. 1989.
- 12а. Тюпа В.И. Художественность литературного произведения. – Красноярск, 1989.
- 12б. Шатин Ю.В. Художественная целостность и жанрообразовательные процессы. – Новосибирск, 1991.
- 12в. Есаулов И.А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения. – М. 1995.
13. Барт Р. От произведения к тексту. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы. – М. 1992.
14. Гиршман М.М., М.Бахтин и М.Бубер о художественном произведении // The Seventh International Bakhtin Conference. Book 1. – Moscow, 1995.

Надійшла до редакції 12.03.98 р.

ББК Ш40+000.91

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ТОЛКОВАНИИ

А.В.Домашенко

Предлагаемая вниманию читателей статья выявляет, как я надеюсь, реальное противоречие, которое я не пытаюсь преодолеть, как, впрочем, и искусственно заострить. Любое действительное противоречие благотворно само по себе, поскольку стимулирует усилие мысли – реальность, с которой мы все-таки порой имеет дело, тогда как наша способность все согласовывать и примирять – это такая иллюзия, от которой мы давно излечились.

Для начала я обращусь к мыслителю, авторитет которого в стане интерпретирующих не подлежит сомнению. Между тем именно этот мыслитель, по всей видимости неосознанно, указал на границы интерпретации. Я имею в виду Ролана Барта. В работе «Критика и истина» он соглашается, что существует дословный смысл текста произведения, и продолжает: «...Вопрос в том, имеем ли мы право прочесть в этом дословно понятом тексте иные смыслы, которые не противоречили бы его буквальному значению; ответ на этот вопрос можно получить отнюдь не с помощью словаря, а лишь путем выработки общей точки зрения относительно символической природы языка. Сходным образом обстоит дело и с остальными «очевидными вещами»: все они уже представляют собой интерпретации, основанные на предварительном выборе определенной психологической или структурной модели; подобный код – а это именно код – способен меняться; вот почему на самом деле объективность критика будет связана не с самим фактом избрания того или иного кода, а с той степенью строгости, с которой он применит избранную им модель к произведению» [1,354].

Несколько ниже в той же работе мы находим высказывание, свидетельствующее о том, что Р.Барт был внимательным читателем немецких философов – М.Хайдеггера и Г.Г.Гадамера: «Я защищаю здесь право на язык, а вовсе не на индивидуальный «жаргон». Да и могу ли я рассуждать о нем как о некоем объекте? Болезненное беспокойство (связанное с ощущением личностной самотождественности) вызывает сама мысль, что ты можешь владеть словом как вещью и что тебе необходимо защищать эту вещь, словно какое-то добро, обладающее независимой от тебя сущностью. Да неужели же я существую до своего языка? И что же в таком случае представляет собой это я, якобы владеющее языком, между тем как на самом деле именно язык вызывает я к бытию? Разве возможно для меня ощутить свой язык как обыкновенный атрибут собственной личности? Можно ли поверить, что я говорю потому, что я существую?» [1, 362].

Как согласуются (и согласуются ли вообще) эти два высказывания, остается загадкой, которую Р.Барт не только не разрешает, но, по-видимому, даже не замечает. Однако именно здесь и пролегает граница между интерпретацией и толкованием.

В отечественном литературоведении, как, и в отечественной философии, интерпретация и толкование строго не разграничиваются [см.: 2,119,220,493]. Между тем непосредственное чувство языка подсказывает нам, что значения этих слов – не тождественны. В составленном Алексеем Федоровичем Карамазовым Житии старец Зосима говорит «... У нас иереи Божии, а пуще всего сельские, жалуются слезно и повсеместно на малое свое содержание и на унижение свое и прямо заверяют, даже печатно – читал сие сам, – что не могут они уже теперь будто бы толковать народу Писание, ибо мало у них содержания, и если приходят уже лютеране и еретики и начинают отбивать стадо, то и пусть отбивают, ибо мало-де у нас содержания». Попробуйте в этом высказывании глагол «толковать» заменить латинским словом – и вас поразит эта замена своей неуместностью. И дело здесь не только в стилистической несообразности. Исчезает глубина смысла, всеобъединяющая теплота благодати, веющая от слов Писания и раскрываемая в толковании. Столь остро ощущаемая фальшь латинского слова объясняется тем, что оно ставит «интерпретирующего» в ложное положение по отношению к Писанию – в положение безблагодатного умствования.

Для того, чтобы прояснилось различие русского и латинского слов, необходимо вслушаться в их изначальный смысл. Оба эти слова соотносятся с одним греческим – ἑρμηνεία, к ним прибегают, когда необходимо это слово перевести. Трактат под названием «Περὶ ἑρμηνείας» есть у Аристотеля. В переводе названия этого трактата на латинский язык (De interpretatione) существо греческого слова, непереводаемая глубина

его смысла теряются, сводясь, главным образом, к способности объяснять, понимать, судить, решать, переводить (*interpretor*). В этом переходе от герменейи к интерпретации, заключающем в себе предопределенность последующего выдвижения на первый план сугубо рационального момента, уже обозначен путь европейского мышления, который со временем приведет к «*cogito sum*» как основополагающему принципу [см.: 3,121-144]¹. Актуальным для европейского мышления, таким образом, становится лишь то, что было схвачено в греческом слове латинским. Все, что превышало возможности латинского языка, оказалось под спудом, время от времени просветляясь в поэтическом слове, как, например, в элегии Ф.Гельдерлина «Хлеб и вино», но по-прежнему оставаясь неузнанным:

Где оно светит теперь, далекая слово?
Дельфы дремлют, но где к нам возглаголет судьба?²
(Пер. С.С.Аверинцева)

Или у Тютчева:

Но для кого?.. Одна ли вы,
Народ ли целый обречен?..
Слова неясны роковые,
И смутен замогильный сон... [5,189]

В стихотворениях Гельдерлина и Тютчева присутствует то, что осталось непонятым в греческом слове герменейя, имеющем в виду не всякое изъясняющее понимание, но такое, которое хранит память о своем происхождении от речи, которое осуществляется не с помощью речи, а в речи.

В этом отношении церковнославянское слово, *Тлъкованиѣ* я бы сказал, соприроднее греческому, нежели латинское. *Тлъкъ* (ἐρμηνεύς) – это переводчик устной речи, который, переводя, изъясняет сказанное.

Тлъкъ, следовательно, – это тот, кто не просто «знает» другой язык, но вжился в него, обретя, таким образом, способность толкования. Он делал возможным живое общение и в этом общении – живое понимание.

Современное «толк», несмотря на изменившееся значение, связь с церковнославянским словом не утратило. Мы скажем: «потолковали» не о всяком разговоре, но о таком, результатами которого удовлетворены. Это значит, что мы смогли «взять в толк» то, что нам хотели объяснить, одновременно претендуя на ответное понимание. Но сфера, в которой обнаруживается актуальность «толка», гораздо шире. Мы говорим: «делается с толком», когда делаемое «доступно членораздельному выражению в понимающем раскрытии» [4,13]. Толк, таким образом, вводит все делаемое нами в круг его общей причастности осмысленной и осмысляющей артикуляции (речи). В таком понимании соприродность

¹ Ср. также в «Истоке художественного творения»: «...Перевод греческих наименований на латинский язык отнюдь не столь невинная процедура, как считают еще и поныне. Напротив, за буквальным по видимости и, стало быть, охраняющим переводом с одного языка на другой скрывается перевод греческого опыта в иную форму мышления. Римское мышление перенимает греческие слова без соответствующего им равнозначального опыта того, что они говорят, без самого греческого слова. С этого перевода берет начало беспочвенность западного мышления» [4,57].

² У Гельдерлина «... die fernhinterthetenden Sprüche» (вдаль-разящие изречения).

толкования греческой герменей проявляется еще отчетливее. Толкование, следовательно, в такой степени оказывается соответствующим своему предназначению, в какой речь осуществляет в нем свое направляющее, а не служебное присутствие.

Нашему рассуждению, однако, очевидным образом противостоит тютчевское употребление слова «толк» («толки»):

Сын царский умирает в Ницце –
И из него нам строят ков...
«То Божья месть за поляков», –
Вот что мы слышим здесь, в столице...

Из чьих понятий, диких, узких,
То слово вырваться могло б?...
Кто говорит так: польский поп
Или министр какой из русских?

О, эти толки роковые,
Преступный лепет и шальной
Всех выродков земли родной,
Да не услышит их Россия, –

И отповедью – да не грянет
Тот страшный клич, что в старину:
«Везде измена – царь в плену!» –
И Русь спастись его не встанет [5,219].

Толки в этом стихотворении, поскольку они роковые, не подпадают под рубрику пустых, праздных разговоров. «Роковое» значит «предопределенное судьбой», такое, что вскрывает меру должного или недолжного состояния присутствующего (т.е. текущей жизни во всей полноте ее проявлений – вместе с преобладающими и определяющими ее характер тенденциями)¹ Толки, следовательно, соотносены с присутствующим, которое именно в них находит свое сущностное выявление. Это состояние присутствующего изнутри самого себя осмысливается как результат действия Промысла («Божья месть за поляков»), а значит – как исцеление (возвращение к должному), преодолевающее прежнее уклонение от нормы. Однако претензия толков на выявление сущности происходящего и, стало быть, на исцеление присутствующего – преждевременна, поскольку сами они, порождаясь «дикими и узкими понятиями» и являясь синонимами «преступного и шального лепета», оказываются уклонением от речи, от ее подлинного существа (лепет – лопотать – *лопотивъ* = косноязычный). Роковой характер толков, таким образом, существенно ограничивается, а сами толки выявляют такое состояние наличного, которое предстает не как исцеление, но, напротив, как коснеющее в своей ото-

¹ Когда Иокаста говорит, обращаясь к Апполону: «αὐχιστος γὰρ εἶ» (ибо ближайший ты есть [6,136]), она выражает всегдашнюю готовность присутствующего увидеть меру в слове Апполона, обрести в нем понимание должного, ведущего к исцелению. Апелляция к трагедии Софокла оказывается необходимой при осмыслении стихотворения Тютчева.

рванности от целого¹ Претендуя на то, чтобы истолковывать присутствующее, толки, поскольку они косноязычны, на самом деле лжеистолковывают некое отпавшее от целого наличное.

В свою очередь и страшный клич являет собой не меру должного, но противоположное по своему характеру и столь же очевидное уклонение от существа речи. Нормальное состояние мира возможно тогда, когда им правит не косноязычие толков, не страшный клич, являющийся отповедью на толки, не воля человека (не важно, добрая или злая) посредством речи, а сама Речь. В этом случае все присутствующее оказывается лишенным косности простором ее свободного, всепроникающего осуществления, как в стихотворении, посвященном М.В.Ломоносову и написанном в те же дни первой половины апреля 1865 г.:

Он, умирая, сомневался,
Зловещей думою томим...
Но Бог не даром в нем сказался –
Бог верен избранным своим...
Сто лет прошло в труде и горе –
И вот, мужая с каждым днем,
Родная Речь уж на просторе
Поминки празднует по нем...
Уж не опутанная боле,
От прежних уз отрешена,
На всей своей разумной воле
Его приветствует она... [5,218]

К существу речи принадлежит то, что в ней заранее, задолго до всякого нашего изъясняющего толкования, уже сказалось должное. Поэтому возвращение к нормальному состоянию присутствующего станет возможно, очевидно, лишь тогда, когда страшный клич² будет услышан и тем самым будет преодолено косноязычие толков. Страшный клич – это не просто некое историческое событие, имевшее когда-то место, но определенное состояние языка, которое продлится до тех пор, пока способность слышать и потрясаться услышанным не будет вновь обретена.

Подлинное толкование, таким образом, укоренено в Речи, в ней обретая для себя руководящую нить: живая жизнь в живом слове. Любое другое толкование (толки) оказывается беспочвенным, а значит произвольным – от человека, коснеющего в выродившемся («всех выроdkов земли родной») наличном и руководимого пристрастиями. Если же толкование идет от человека, преодолевшего пристрастия, нужно еще посмотреть, насколько говоримое имеет отношение к живой жизни, которая одна только и достойна толкования.

¹ И белокрылые виденья
На тусклом озера стекле
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле... [5,199]

«Онеменье» (наряду с косноязычием – одно из возможных уклонений от речи) и «коснеют» взаимосвязаны у Тютчева, конечно, не случайно, хотя тональность поэтической речи здесь совсем иная, нежели в стихотворении «Сын царский умирает в Ницце...»

² Если уж он прозвучал, хотя: «да не грянет...»

Мы можем теперь возвратиться к вопросу о разграничении интерпретации и толкования. Это разграничение по необходимости будет иметь сугубо предварительный характер.

В §8 «Бытия и времени» говорится: «Универсальности понятия бытия не противоречит «специальность» разысканий – т.е. прорыв к нему путем специальной интерпретации определенного сущего, присутствия, в котором надлежит добыть горизонт для понимания и возможного толкования бытия» [7,39].

Я обращаю внимание на специальность интерпретации и универсальность толкования, сознательно переосмысляя при этом содержание высказывания М.Хайдеггера. Предпринятое мною переосмысление приводит в свою очередь к необходимости иначе взглянуть на соотношение интерпретации и толкования.

Любая интерпретация (понимаемая инструменталистки, в новоевропейском смысле) обусловлена определенной методологией и методикой. Методологизм означает «механизированное» сознание. Талант необходим лишь для изобретения машины (определенной методики), для пользования ею никакой талант не нужен, необходим лишь навык. «Думает», стало быть, лишь изобретатель, дальнейшая работа осуществляется по инерции, не потому что кто-то «думает», а потому что заработал механизм. Мощью механизма определяется степень значимости той или другой интерпретации: наиболее значимы те методики, которые порождают «школу».

Поскольку методологизм является неотъемлемой принадлежностью метафизического мышления (вспомним, что с «Рассуждений о методе...» Декарта начинается история новоевропейской метафизики), постольку интерпретация осуществляется в его границах. Из этого следует, что «субъект» и «объект» («эстетический объект») принадлежат к числу ее основных понятий. Границы интерпретации, стало быть, обусловлены ограниченностью субъективированного сознания, являющегося ее конститутивным моментом. Интерпретация концептуальна, ее цель – построение смысла в виде определенных типологий, моделей и т.д., тогда как в толковании главное – не догматическое завершение открывающегося смысла, но попытка обретения языка, приобщения к нему путем вслушивания в него. Это не изготовление концепций, не «моделирование» смысла, но готовность дать слово смыслу, предшествующему (предстоящему) нам.

Со специфическим интерпретации связано то, что в основе ее – активность познающего субъекта. Интерпретация направлена на определенный предмет (предмет представления), всегда являющийся частностью жизни. Остается проблематичным, в какой мере представляющее (объективирующее) мышление способно через частное прийти к осмыслению целого, тем самым преодолев и свою изначальную частичность. Интерпретация движется в пределах «своего»: мною освоенного, мною присвоенного, выраженного с помощью «моего» языка. В основе любой интерпретации лежит тот или иной аспект, обусловленный позицией интерпретирующего и избранной методикой. Таких аспектов может быть бесчисленное множество: ни один из них не претендует на исчерпывающую полноту и не отменяет предыдущие.

Если источник интерпретации – волящая активность мнящего себя самодостаточным субъекта, то источником толкования является подспудно присутствующая память о том мышлении, которое предшествовало новоевропейскому, а в самом начале исходило из герменейи (дара истинных имен) как источника и основы подлинного знания. Обращенность к «вдаль-разящим изречениям» у Гельдерлина и к «роковым словам» у Тютчева – весьма отдаленный по времени отголосок того мышления, которое было ведомо грекам начальной поры.

Язык, который лежит в основе толкования, никогда не бывает предметом осмысления [см.: 3, 300]. Столь же справедливо и то, что он никогда в подлинном толковании – не орудие познания. В толковании, когда оно действительно случается, не язык становится орудием познающего, но скорее сам познающий – орудием того, что

На волю просится и рвется
И хочет высказаться вслух... [5, 251]

Или как сказано в другом стихотворении Тютчева: «То глас ее: он нудит нас и просит...» (5, 82). Толкование – это вопрошание языка, выявление смысла, который «нудит», т.е. делает необходимым, наше высказывание. Выявление необходимого в слове – ключ к разгадке того, что значит говорить поистине: «Только тот, кто поистине говорит, тот полон вечной жизни...» (Новалис) [3, 425].

Интерпретировать – значит «влагать смысл» [8, 559] в то, что стало предметом осмысления, тогда как в толковании сказывается толкуемое. Так, с точки зрения интерпретации, корпус сочинений Аристотеля, известный под названием ὀργανικὰ βιβλία, – начало логики. Новоевропейское мышление задним числом привносит актуальное для него содержание в книги Аристотеля, создавая впечатление, что именно этим содержанием был озабочен греческий мыслитель. Толкование же откроет в этом корпусе сочинений Аристотеля совсем другое – самую важную после платоновского «Кратила» попытку понять сущность речи (герменейи). Не случайно один из трактатов, принадлежащих к этому корпусу, так и называется – «Περὶ ἑρμηνείας».

Со специфическим интерпретации и с ее методологизмом связана та или иная специфическая сфера, в которой она осуществляется. Интерпретация, направленная на эстетический объект, будет принципиально иной по своему характеру и содержанию, нежели интерпретация того или иного стиха Евангелия от Матфея. В подлинном же толковании сказывается существо языка, которое равно может выявиться и в случайной реплике, услышанной на улице, и в стихотворении Тютчева, и в послании Павла. В этом и проявляется универсальность толкования. Слово, которое «кажет» истину, осуществляется помимо наших произвольных рубрик, однако наша способность услышать его остается под вопросом.

Наибольшая опасность, которая подстерегает интерпретирующего, – это готовность к ответу, опережающему не только понимание вопроса, но и саму возможность его постановки. Для толкующего, напротив, гораздо важнее готовность к вопросу. Не случайно такое мышление названо вопрошающим. Тем не менее толкование не становится «стихослаганием» (М.Хайдеггер) истины; оно, как и интерпретация, – тоже «техника» (τέχνη) объяснения, но это «техника», осознавшая свою техничность (т.е. свою иноприродность стихослагающей явленности истины) как недостаток, который должен быть преодолен. Другими словами, в толковании, в отличие от интерпретации, всегда отчетливо осознается и с большим или меньшим драматизмом переживается то, что «художественное создание» (если речи идет о нем) «не уступает истину понятию» [9, 10]. Реализуемое в толковании стремление перейти к стихослагающему постижению – это не «изысканная болтовня» (Р.Якобсон), а слишком ясное понимание весьма скромных возможностей «грамматики поэзии» хоть каким-то краешком, хотя бы ненароком задеть след истины в пределах той «правильности», которая никого не греет.

Я не думаю, что таким образом понятая интерпретация является шагом к толкованию. Скорее уж здесь нужно говорить о двух разных состояниях сознания. Соответственно и содержание осмысляемых проблем оказывается разным.

РЕЗЮМЕ

В статті здійснюється розмежування інтерпретації та тлумачення як двох способів розуміння на основі співвіднесення їх з двома здатностями мислення – такою, що характеризується об'єктивацією змісту мислення, і такою, сутність якої виявляється в апеляції (в ситуації «при мові»).

SUMMARY

In this article the author realizes the differentiation between interpretation and exegesis as two ways of understanding.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Критика и истина // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв.: Тракаты, статьи, эссе. – М., 1987.
2. Философский энциклопедический словарь. – М., 1989.
3. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие. – М., 1993.
4. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. – М., 1993.
5. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. – Л., 1987.
6. Sophoclis. Tragoediae. – Lipsiae, 1908.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. – М., 1997.
8. Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. – Т.2. – М., 1990.
9. Гадамер Г.-Г. Философия и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991.

Надійшла до редакції 10.03.98 р.

ББК Ш40+001.7

ОБ «ЭСТЕТИЧЕСКОМ ОПРОВЕРЖЕНИИ»

В.В. Федоров

В науке о литературе термин «эстетическое опровержение» не встречается, да и М.М.Бахтин употребил его лишь однажды. Впечатления случайности он, тем не менее, не производит; его смысловая весомость ощущается, и это заставляет относиться к нему с большими ожиданиями. Цель нашей статьи – вскрыть некоторые, наиболее доступные, содержательные моменты этого понятия.

Поскольку смысловой контекст, в котором мы встречаемся с «эстетическим опровержением», весьма важен, мы приведем этот фрагмент с максимальной полнотой. Проблема, которая рассматривается М.М.Бахтиным, достаточно традиционна (напоминаем, что речь идет о работе, написанной в начале 20-х г. нынешнего столетия): отражают ли взгляды героев произведения взгляды автора? М.М.Бахтин пишет: «...не может быть и речи о собственно теоретическом согласии автора и героя, здесь отношение совершенно иного порядка; всюду здесь игнорируют принципиальную разнотипность целого героя и автора, самую форму отношения к мысли и даже к теоретическому целому мировоззрения. Сплошь да рядом начинают даже спорить с героем как с автором, точно с *бытием* можно спорить или соглашаться, игнорируя *эстетическое опровержение*» [1, 11-12].

Исследователь фиксирует факт: с героем спорят. Факт этот достаточно распространен, т.к. спорят «сплошь да рядом». М.М.Бахтин находит это некорректным по причине очень существенной: герой – это бытие, а с бытием спорить нельзя. Следовательно, спорящие с героем игнорируют это обстоятельство и спорят с ним так, словно это живой собеседник, могущий возразить. При видимой простоте этого соображения оно все же несколько туманно: ведь и живой собеседник – это тоже бытие, однако с ним спорят.

Рассмотрим обычную ситуацию спора. Чтобы возник спор, должно существовать нечто бесспорное. Бесспорным является сами спорящие и тот вопрос, проблема, которая и есть предмет спора. Бесспорным также являются реплики – в онтологическом отношении, их познавательная или иная ложность не отменяет элементарного факта их существования – как ложных.

Спор с героем происходит, по-видимому, в аналогичной ситуации: герой (например, Раскольников) высказывает свое мнение относительно разделения всего человечества на «сильных» и «слабых» и, как следствие, признание за сильными права жертвовать слабыми, – разумеется, во имя высших целей и по необходимости (а не по произволу). Предположим, читатель с таким мнением не согласен, и несогласие его настолько агрессивное, что он начинает спорить с героем, не обращая внимание на то, что тот его все равно не услышит. Читателя это не особенно и заботит: он обрушивается не на личное мнение героя, а как на вневличную идею, становящуюся на определенное (иногда весьма длительное) время властительницей дум.

Спрашиваем: что тут может не устраивать М.М.Бахтина (как автора цитируемого трактата, потому что впоследствии его взгляды претерпели существенное изменение)? То, по-видимому, что в художественном произведении высказывание героя выполняет другую функцию, да и вообще по своей природе оно существенно другой «предмет», чем мнение, оценка и под. И с этим необходимо считаться: «Чтобы пользоваться источником, необходимо понять его творческую структуру...» [2]. Поэтическое произведение – источник, природа которого известна недостаточно хорошо, поэтому лучше не спешить со спором с героем.

Дело, конечно, не в рекомендациях. В книге о романе Достоевского М.М.Бахтин придерживается противоположного взгляда. Он приводит наблюдение Ю.Мейер-Грефе: «Кому когда-нибудь приходила в голову идея – принять участие в одном из многочисленных разговоров «Воспитания чувств»? А с Раскольниковым мы дискутируем, – да и не только с ним, но и с любым статистом». М.М.Бахтин отклоняет предположение, что это является следствием нарушения авторской воли. «Нет, – говорит он, – такой подход критической литературы, равно как и непредубежденное восприятие читателей, всегда спорящих с героями (разрядка автора книги. – В.Ф.) Достоевского, действительно отвечает основной структурной особенности произведений этого автора» [3,6]. Возникает вопрос: перед читателями романов Достоевского вставало такое препятствие, как разнопланность героя и автора, или такое, как онтологичность героя? Игнорирует ли читатель Достоевского «эстетическое опровержение» или его поведение следует рассматривать как разновидность такого опровержения?

Причина, почему спорят, достаточно проста и коренится в самой природе художественного творчества: искусство, в отличие от науки, отражает жизнь в формах самой жизни. Произведение само выдвигает такую точку зрения, утвердившись на которой субъект восприятия видит изображенное как реальное (видит не черты, проведенные карандашом по бумаге, а «черты лица» персонажа рисунка). Пребывая на этой точке, субъект восприятия (назовем его «созерцателем») не только видит и слышит ге-

роя, но и «ценностно реагирует» (выражение М.М.Бахтина) на его поступки. Эта реакция, в частности, может выражаться в «противословие» слову героя. Здесь следует заметить, что зритель (читатель) воспринимает героя не со своего места, занимаемого им в наличной действительности, но с точки, являющейся компонентом фабульного пространства – того, в котором пребывает и воспринимаемый герой. Таким образом: не только органы восприятия созданы поэтом, но и сознание созерцателя – это также «продукт творческой фантазии автора». То, что читатель осознает как результат своей инициативы, есть не только факт, существующий в поэтическом мире, но и возникающий и существующий как продукт активности поэтических законов. Когда говорят: «мы спорим с героем» – это «мы» представляет событие возражения герою слишком расплывчато; возражает герою не «читатель», а именно *созерцатель*, а читатель – как биографическая личность – только присваивает себе противословие. Он поступает правильно, присваивая себе то, что совершает созерцатель, но правильно в том же смысле, в каком слово Онегина или Раскольникова – это слово Пушкина или Достоевского.

Сказанное, конечно, не означает, что М.М.Бахтин ошибся и, как следствие, – спор с героем оправдан, а раз оправдан, герой – не бытие. Мы остановились на том аспекте поэтического целого, который снимает абсолютность и категоричность утверждения ученого для того лишь, чтобы оттенить правоту М.М.Бахтина.

Наше сочувствие или антипатия к герою простирается только «до известных пределов». Так, если герой оказывается в отчаянной ситуации, нам в голову все же не придет мысль «что-нибудь придумать» для его спасения. И дело тут не только в том, что мы не сможем сделать это практически, а в некоторого рода уверенности, что делать этого и не нужно.

Рассмотрим, на чем эта уверенность основана.

В своей «Поэтике» Аристотель, касаясь проблемы происхождения искусства, указывает как на одну из двух причин на склонность людей к подражанию: человек подражает и радуется результатам – они «всем доставляют удовольствие; доказательства этому – факты: на что нам неприятно смотреть в действительности, на то мы с удовольствием смотрим в самых точных изображениях, например, на облики гнуснейших животных и на трупы» [4, 1448 8-12]. Эта мысль – несколько в ином плане – была развита западноевропейскими формалистами (прежде всего Р.Гаманом), которые обратили пристальное внимание на способность искусства к «отрешению и изоляции». Произведение отрешает от действительности данное явление, т.е. от «возможного чувственного влечения, установки на индивидуальное потребление, страха перед изображением и т.д.» [5, 39]. «Отрешение» – не абсолютно отрицательное событие, совершающее отчуждение от жизненной (фабульной) действительности. Одновременно это приобщение к эстетическому типу бытия. Освобождение от жизненных связей и отношений – не следствие «конвенции» между автором и читателем, а преодоление жизненной энергии, удерживающей созерцателя в сфере жизненных («прозаических») связей.

Причастность созерцателя к иерархически высшему (чем жизненный) типу бытия и является истинной причиной его неполной вовлеченности в жизненные ситуации. Одновременно (это для нас основной план) и фабульный план приобретает, точнее – обнаруживает новую функцию и другой онтологический ракурс. В границах фабульной действительности наблюдается четкое разделение между «самим» бытием героя и разнообразными формами его активности: герой говорит и совершает поступки, оставаясь самим собой, тогда как способы его активности претерпевают изменения. Так, в границах фабульной действительности «Преступления и наказания» есть Раскольников и есть его высказывания, обращенные, например, к Соне Мармеладовой. Раскольников,

по нашим жизненным (фабульным) понятиям – это бытие, а высказывание – это специфический продукт этого бытия («теоретически раздраженного сердца»). Так обстоит дело в сфере активности фабульных закономерностей. Однако в сфере поэтических законов картина довольно существенно меняется.

Есть, собственно говоря, единственный субъект эстетического бытия – автор. Герои – это производные от бытия автора субъекты относительно самостоятельного существования, совершающегося в пределах фабульной действительности. Воображая себя в героев произведения, автор «забывает» о себе как субъекте первичного бытия: Раскольников не «помнит», что он – Достоевский, но только в преобразованной форме.

Герой, взятый в отвлечении (теоретическом, конечно) от бытия автора, есть человек, который произносит «высказывание». Герой, взятый в его актуальной причастности к бытию автора романа, есть автор высказывания. Что это меняет? Меняет его онтологический статус. Как автор высказывания, Раскольников является субъектом духовного бытия, осуществляемого законами языка. Он, таким образом, является «онтологическим» сплошь, деление на бытие и продукты активности этого бытия (высказывания или поступки) утрачивают свою актуальность. К Раскольникову как субъекту духовного бытия нет диалогического подхода, его нельзя оспорить, его, однако, можно «эстетически опровергнуть».

Как субъект языкового бытия, Раскольников и есть иноформа эстетического бытия Достоевского-автора. Однако он осуществляет бытие автора в качестве субъекта преступного духовного бытия, и Достоевский-автор осуществляет это бытие. Однако он противится этому бытию, и это сопротивление также находит онтологическое оформление: в этом эстетическая необходимость Сони Мармеладовой. Она – в указанном нами плане – также является субъектом духовного бытия, осуществляемого законами языка, но бытие это этично. То, что в действительности фабулы предстает как диалог, то в поэтическом мире есть со-бытие, причем со-бытие конфликтное. Каждый из субъектов этого бытия вовлекает «противника» в сферу активности *своего* бытия, причем, эти законы-антагонисты одинаково производны от эстетических законов, осуществляющих бытие автора. Эта сфера и есть та сфера, в которой разворачивается событие «эстетического опровержения». Оно является первичным относительно развернутых диалогов фабульных героев. Соня побеждает Раскольникова не искусством красноречия, а более сильным типом своего бытия. «Отточенная» (как бритва) диалектика Раскольникова без особого труда превозмогла бы возражения Сони, если бы проблема заключалась только в искусстве ведения диалога-спора.

Без сомнения, М.М.Бахтин не забыл идеи «эстетического опровержения», когда писал «Проблемы творчества Достоевского», и она оказала существенное влияние на его концепцию полифонического романа, но проследить это влияние не входит в нашу задачу.

РЕЗЮМЕ

Герой художнього твору, з одного боку, є суб'єктом життєво-прозаїчного існування, з іншого – належить до поетичного буття автора. У зв'язку з цим він виявляється здатним займати позажиттєву позицію і впливати на естетичне буття автора.

SUMMARY

A hero of work of art is on the hand a subject of a lifelike prosaic existence and on the other hand is concerned with a poetic being of writer. Owing to this he turns out to be able to occupy an out life position and to influence an aesthetic being of an author.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. М.М.Бахтин. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
2. Там же.
3. М.М.Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. Изд.4. – М.: Сов. Россия, 1979.
4. Аристотель. Поэтика // Аристотель и античная литература. – М.: Наука, 1978.
5. П.Н.Медведев. Формальный метод в литературоведении. – Л.: Прибой, 1928.

Надійшла до редакції 27.03.98 р.

ББК Ш40+4

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЖАНРА В ЛИТЕРАТУРЕ XVIII в.

Л.Т.Сенчина

Категория жанра изучается давно и основательно, имеет обширную историю вопроса и, закономерно, свои просчеты и достижения. Проблема эта – традиционная и в то же время неизменно сохраняющая актуальность. «Вечность» проблемы обусловлена самой природой жанра, его реальным бытованием, сущностным стремлением к постоянному обновлению. М.Бахтин справедливо отмечал, что «жанр всегда и тот и не тот, всегда стар и нов одновременно... Жанр живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое, свое начало» [1, 178].

Осознавая изученность вопроса, подчеркнем, однако, что многие проблемы, связанные с историей жанра, остаются непроясненными и требуют дальнейшего уточнения и осмысления. В этой связи целесообразно, на наш взгляд, обратиться к истокам формирования и становления жанровой системы в русской литературе. Детальное изучение процессов, происходящих на начальных этапах развития жанра, дают возможность прояснить природу отдельных явлений, характерных и для современного литературного периода.

Формирование жанровой системы в литературе XVIII века выдвинуло в качестве первоочередной задачи проблему родовой определенности, родовой доминанты, что обусловило дальнейшую поляризацию «эпического», «лирического» и «драматического» начал.

Реализация идеи родовой доминанты в эпоху классицизма осуществлялась, на наш взгляд, в нескольких направлениях. Во-первых, через развитие жанровых разновидностей и, во-вторых, через взаимодействие и взаимообусловленность различных «пафосов» в одном жанровом образовании. Попытаемся пояснить нашу мысль, анализируя один из популярных жанров в литературе XVIII в. – идиллию, при этом подчеркивая, что аналогичные процессы происходят и в других жанрах, получивших развитие в данный исторический период.

Одним из первых к жанру буколки обратился В.Тредиаковский. Он написал идиллию «Нисса». Внимательное прочтение этого произведения поэта дает возможность увидеть в нем в редуцированном виде присутствие трех родовых элементов – эпоса, лирики и драмы, что и позволяет говорить об особом рода синкретизме впоследствии разделяющихся родовых признаков. Аналогичные явления отмечает в античной идиллии исследовательница Т.Попова: «Уже при беглом ознакомлении с буколическими сочинениями Феокрита возникает мысль, не имеем ли мы дело с некоторой реставрацией древнего синкретизма, настолько органично соединены в них многие формообразующие элементы эпоса, драмы и лирики» [2, 116].

Иначе разрабатывает жанр буколики на русской почве А.Сумароков. Если В.Тредиаковский в «Ниссе» исходит из органического единства разных «способов подражания», впоследствии осознаваемых как эпос, лирика и драма, то А.Сумароков на общей типологической основе создает несколько вариантов этого древнего типа произведений, формирует новые жанровые разновидности идиллии с учетом доминирующего начала – «эпического» или «лирического» [3].

В идиллиях «эпического» типа, как правило, назван герой (пастух, земледелец). Характерной особенностью «эпических» идиллий является развернутое описание картин природы. Причем существует несколько условных «видов» природного пейзажа. Появление того или иного типа пейзажа обусловлено настроением героя: если герой любим, то «журчите речки в берегах... цветы цветите на лугах» и т.п.; потеря любимой означает, что рощи становятся «темными», прекрасные прежде места встречи – «пустынными», «солнечные лучи не блещут», «свирель забыла полный глас» и т.п. Окружающая природа изображается по-разному, но важно подчеркнуть, что она всегда «слита» с настроением героя, «сочувствует» и «сопереживает» ему, как это было в античной буколике.

Время в «эпическом» типе идиллий имеет определенную «продолжительность», оно может «длиться», изменяться:

Когда я в роще сей гуляю,
Я ту минуту вспоминаю,
Как первый раз ее мне случай видеть дал.
Как тут случилось с ней мне в полдень отдыхать,
Я множество имел приятных дней...

Время «течет» по заданному кругу: время «любви», время «разлуки», и оно во многом определяется душевным состоянием героя, приобретает эмоциональную окраску, может «ускоряться» и «замедляться».

В «эпической» идиллии события «рассказываются» как воспоминания о прошлом, к моменту «рассказывания» событие уже совершилось, поэтому время в «эпическом» типе всегда прошедшее.

«Лирический» тип идиллий Сумаркова организован иначе. Герой, как правило, не обозначен. В таком типе идиллий все подчинено созданию определенного эмоционального настроения. Главное – передать состояние «страждущей» души. Отсюда монологическое самовыражение. Доминирующая интонация – мольба, просьба, воплощающаяся в сложной системе повторов, словесных и синтаксических:

Без Фелисы очи сиры,
Сиры все сии места...
Часто ль ты, ах! часто ль мыслишь...
Отлетайте вы, Зефиры...
Наступайте вы, морозы...

Время в «лирическом» типе идиллий предельно сжато, «локализовано», сжато до «мига» – «в тот миг, когда мне в грудь искра заронила...»

Отмечая различия «эпического» и «лирического» типа идиллии, подчеркнем, что они прослеживаются и на метро-ритмическом уровне стиха, получая в нем одно из своих материальных воплощений.

В «эпическом» типе, как правило, используется вольный ямб с колебанием стоп (6-4); в «лирическом» – хорей четырехстопный особой ритмической модификации (высокий процент ударности третьего слога, определенная «симметричность» в ударности

1 и 5, 3 и 7 слогов, отсутствуют пиррихии и споднеи). По-видимому, можно говорить о складывающейся взаимосвязи между доминирующим родовым началом («эпическое» или «лирическое») и определенным типом ритмического движения.

Появление новых жанровых разновидностей, несомненно, способствует продолжению «жизни» жанра, расширяет его возможности как «формы видения и осмысления определенных сторон мира» [4, 239]. Наличие жанровых разновидностей в определенной степени способствовало поиску новых стиливых возможностей, стиховых форм, отличных от традиционно используемых в буколке.

Дальнейшее развитие жанровых разновидностей идиллии обусловило поляризацию «эпического» и «лирического» начал. Крайние точки такой поляризации представляет собой творчество М.Муравьева и Н.Карамзина. Муравьев развивает и углубляет потенциальные возможности «лирической» идиллии, фактически «перестраивает» эту разновидность буколки в стихотворение-исповедь. Карамзин усиливает «эпическое» начало в жанре идиллии, расширяет границы идиллического, включает в этот «замкнутый» мир реальное бытие, переносит традиционную ситуацию («комфортную») из буколки, из сферы эстетической, в художественный мир произведения («Бедная Лиза»).

Поляризация «эпического» и «лирического» способствовала усилению лирической доминанты в стихе и развитию эпической идиллии в прозе с последующим включением идиллических элементов в иные жанровые образования. Но это уже не иная «жизнь» жанра, связанная с другими взаимоотношениями и взаимообусловленностью рода и жанра.

Подчеркивая роль жанровых разновидностей в осуществлении родовой определенности в литературе XVIII века, не будем забывать и о важности процессов, связанных со становлением и взаимодействием различных «пафосов», объединяющихся в пределах одного целого. Прежде всего на начальных этапах значимыми является соединение одического и идиллического «пафоса». В качестве примера такого специфического объединения «пафосов» может послужить произведение М.Ломоносова «Полидор». В заглавии поэт дает жанровое определение, назвав «Полидор» идиллией, тем самым обозначив правила восприятия текста. Однако, решая главную задачу в «Полидоре» – «воспеть деяния графа Разумовского», Ломоносов отступает от традиционных «правил» буколического жанра. Одический принцип является доминирующим в организации поэтического текста. Не случайно исследователь творчества М.Ломоносова С.Бонди справедливо отмечал, что поэт «написал однажды идиллию «Полидор», но эта идиллия, в сущности, представляет собой замаскированную оду» [5, 48].

В «Полидоре» (под влиянием оды) трансформируются многие жанрообразующие принципы идиллии, например, традиционный мотив любви, играющий важную роль в буколке, преобразуется в мотив общественного долга, достойное выполнение которого только и может вызвать любовь и уважение к человеку (одическая трактовка). В идиллию проникают конкретные реалии, обусловленные известными историческими событиями: графа Разумовского избрали гетманом Украины. Именно поэтому в «Полидоре» действие происходит на берегу Днепра, «описание» которого тесно взаимодействует с идиллической «декорацией»: поля, луга, рощи, цветы, и т.п. В целом Ломоносов стремится обозначить жанровую определенность идиллии, сохраняет отдельные жанрообразующие признаки этого древнего типа произведений. Герои в «Полидоре» – пастухи, нимфы, музы с традиционными буколическими именами; события разворачиваются на лоне природы. В трансформированном виде сохраняется такой композиционный прием в идиллии, как агон-состязание в пении. Взаимодействие одического и идиллического в «Полидоре» нашло материальное воплощение и на метроритмическом уровне, что и обусловило появление ямба шестистопного в «диалогах»,

которые ведут между собой герои, и «пения», где использован ямб шестистопный – традиционно ритмическая форма одических произведений Ломоносова.

Наличие нескольких «пафосов» в пределах одного жанра, конечно же, не означает разрушения буколической речи идет о том, что оттенки, вариации, «элементы» других жанров способствовали накоплению возможностей, расширению устойчивых границ, что в конечном итоге и привело к «смешению» жанров, к кризису жанрового мышления. Взаимодействие различных «пафосов» в границах определенного жанра сыграла важную роль в развитии и становлении жанровой системы в целом, оказалось весьма продуктивным, что нашло отражение в последующей практике русских поэтов, в частности, в творчестве Сумарокова, Хераскова, а к концу столетия – в творчестве Державина.

Известно, что идиллия Сумарокова «Сицилийские нимфы пети...» написана в день рождения Павла и представляет собой своеобразное произведение, где, как и у Ломоносова, взаимодействуют два «пафоса»: одический и идиллический. Следуя складывающейся традиции, Херасков создает идиллию «На заключение мира 1762 г.», представляющую собой скрытую оду. И, наконец, в трансформированном виде эта традиция находит воплощение в идиллическом творчестве Державина («Похвала сельской жизни», «Евгению, жизнь Званская»).

Закономерно, что в эпоху классицизма, учитывая значимость жанра оды в литературе этого периода [6], активней всего взаимодействовал именно одический «пафос», но это не исключало наличия других вариаций. В частности, весьма продуктивным оказался «синтез» идиллического и элегического «пафоса». Элегический «пафос» пронизывает многие эклоги и идиллии Сумарокова, впоследствии трансформируется в жанр элегии, обусловивший развитие индивидуально-личностного начала в литературе.

Наличие разных вариаций «пафосов» в период господства жанрового принципа, в эпоху риторического «готового» слова [7, 159] способствовало «обновлению» жанра, что в свою очередь определило поиск родовой доминанты в литературе XVIII века.

РЕЗЮМЕ

Стаття присвячена проблемі становлення жанра в російській літературі XVIII століття. На матеріалі ідилічної творчості Ломоносова та Сумаркова розглядається питання про взаємодію та взаємообумовленість жанра, підкреслюється роль різних «пафосів» у його формуванні в літературі XVIII ст.

SUMMARY

This article deals with the problem of genre formation in the 18th century Russian literature. On the material of Lomonosov's and Sumarokov's idyllic works the problem of genre interaction and interconditionality is discussed, the part of various «spirits» in its formation in the 18th century literature is emphasized.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1963.
2. Попова Т.В. Буколика в системе греческой поэзии. – В кн.: Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981.
3. См. анализ этой идиллии: Сенчина Л.Т. Жанр идиллии в эпоху классицизма. – В кн.: Литература и бытие. – Донецк, 1997. – С.375.
4. Бахтин М.М. Смелее пользоваться возможностями // Новый мир, 1970, №11. – С.239.
5. Бонди С.М. Тредиаковский. Ломоносов. Сумароков. Стихотворения. – М., 1935.
6. См.: Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С.245.
7. Михайлов А.В. Судьба классического наследия на рубеже XVIII-XIX века. – В кн.: Классика и современность. – М., 1991.

Надійшла до редакції 18.02.98 р.

УДК 82.01, 82.09

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ М.М.БАХТИНА В ОЦЕНКЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

В.И.Акимова

К концу 60-х годов в Великобритании и США складывается самостоятельное научное направление, которое можно было бы назвать бахтиноведческим. «Когда каких-то двадцать лет назад работы Бахтина начали появляться на английском языке, между различными литературоведческими лагерями развернулась борьба за то, чтобы причислить его к своему стану», – свидетельствует Г.С. Морсон. Невзирая на неизменную критику Бахтиным формализма и структурализма, последователи Романа Якобсона с самого начала заявляли о его принадлежности к их собственным течениям.

После того, как структурализм в Соединенных Штатах постепенно пошел на спад, родился образ нового постструктуралистического, постмодернистского, деконструктивистского Бахтина. Так мыслитель, вся жизнь которого была посвящена пониманию нравственной ответственности, предстал антиномистом и нигилистом. Не менее странно, что Бахтина цитируют как защитника безличностной «интертекстуальности», начисто отрицая тот факт, что он всегда подчеркивал роль диалогов (включая диалоги между авторами и читателями) как средства нравственного сближения людей, «встречи личностей», а не только речевого общения; он рисовал в своем воображении людей, говорящих друг с другом, в то время как его последователи пишут (полагая, что так писал бы Бахтин) о языке, замкнутом на себя самого [17, с. 5-6].

Закономерна полемика, которая разворачивается в первой половине 90-х годов между сторонниками гуманистической традиции прочтения бахтинских текстов и левым радикальным по своей направленности литературоведением социологического плана, интенсивно стремящимся создать образ марксистского, психоаналитического или феминистического Бахтина. Среди противостоящих последним тенденциям следует назвать книги крупнейших американских исследователей-бахтиноведов «Михаил Бахтин: создание прозаики» Г.С. Морсона и К.Эмерсон [16] и «Диалогизм: Бахтин и его мир» М. Холквиста [17]. Выделяя сугубо теоретические аспекты бахтинского наследия, вводя категорию «прозаика» как особой формы видения мира и художественного творчества, исследователи рассматривают в проблемно-хронологическом ключе весь корпус бахтинских работ.

«Прозаика охватывает два связанных между собой, но не тождественных друг другу понятия. В противовес поэтике прозаика обозначает литературную теорию, которая отдает предпочтение прозе, особенно роману, в сравнении с другими поэтическими жанрами. В другом смысле понимание прозаики выходит за рамки литературоведения: это способ мышления, предполагающий важность повседневного, прозаического» [16, с. 15]. Так определяется одна из принципиальных черт бахтинского мировоззрения, что, в свою очередь, позволяет выстроить ряд, в котором, помимо Бахтина, окажется немало количество русских и западных мыслителей, включая Льва Толстого. Указывая на слабости традиционной поэтики, особенно в сфере интерпретации прозаического текста, авторы полагают, что Бахтин формулирует собственную теорию прозы, а это ведет к «радикальному переосмыслению литературоведческих категорий» [там же, с. 16]. Прозаика выступает у Бахтина своеобразной «философией обыденного», в которой в эпоху раннего Бахтина существовало немало негативных по сути альтернатив, фигурирующих в его философских текстах под общим названием «теоре-

тизм»: это большевизм, фрейдизм, романтизм и прочие другие многочисленные течения, претендующие на исключительное право интерпретировать мир и человека.

Последнее во многом объясняет появление у Бахтина такой категории, как «незавершенность». Морсон и Эмерсон подчеркивают позитивный характер данного явления, его внутреннюю цельность, позволившие Бахтину убедительно опровергнуть построения Соссюра и его школы, а также русской формальной эстетики. Глубокая эрудиция позволила авторам найти близкие бахтинской «незавершенности» концепции свободы (у Бакунина и Сартра, к примеру), но близость эта – лишь кажущаяся, ибо очевидна лежащая между ними пропасть. Другим системам недостает того, что в избытке присутствует в теории Бахтина – в них нет стремления к диалогичности.

Авторов в значительной степени занимает вопрос, каким образом Бахтин стал Бахтиным, как соотносятся высказывавшиеся им в разное время предположения и идеи с тем, что вошло в его единую философско-эстетическую концепцию. Морсон и Эмерсон детально анализируют появившиеся в разные периоды творчества ученого работы, их соотнесенность с предшествующими и последующими текстами и т.д. Исследователям удалось показать, как — естественно, на новом уровне — возвращается Бахтин в последние годы жизни к проблематике ранних трудов.

Среди «наиболее интригующих и оригинальных концепций» они выделяют проблему полифонии, т.е. «наделение авторскими способностями героя» [там же, с. 231]. Несмотря на отсутствие строгого определения этого феномена в «Проблемах творчества Достоевского», исследователям удалось максимально близко подойти к бахтинской трактовке данного явления. Опираясь на идеи, заложенные в «Формальном методе в литературоведении» П.Н. Медведева, авторы выделяют те проблемы, которые станут центральными для Бахтина в последующие десятилетия.

По несколько иному пути идет в своей монографии М. Холквист, усматривая задачу не столько в воссоздании общей теории российского мыслителя, сколько в раскрытии одного из важнейших понятий у Бахтина-диалогизма, который, по мнению исследователя, «до сегодняшнего дня остается чрезвычайно открытым феноменом. Любая попытка сказать о нем что-то всеобъемлющее и завершенное увела бы читателя в сторону. Эта книга, — поясняет он, — представляет собой не что иное, как персональный взгляд автора на диалогизм, который мог бы появиться у мало-мальски думающего читателя после многих лет чтения, перевода, издания работ и преподавания теории Бахтина» [II, с. XI-I-XIII].

Наиболее выразительная черта исследования Холквиста – необычайная емкость и информативность при сравнительно небольшом объеме. Из всех возможных для анализа аспектов бахтинской мысли автор избирает единственный, как бы отражающий всю «полифонию» идей русского мыслителя. «Диалогический» срез представляет автору уникальную возможность затронуть весь теоретический пласт работ Бахтина, приоткрыть контекст, в котором существуют бахтинские идеи, показать связь диалогизма с иными направлениями российской и зарубежной философской, психологической, литературоведческой, культурологической, филологической мысли. Бахтинская концепция диалога предстает у Холквиста тем связующим звеном, которое соединяет мыслителя с современным ему миром – «миром слова».

Литературовед Холквист не ограничился только литературоведческой проблематикой. Для него в равной степени оказываются важны Бахтин – литературовед и филолог и Бахтин-философ и культуролог. Михаил Бахтин внес весомый вклад в различные сферы гуманитарной мысли. В результате литературоведы полагали, что он занимается одними проблемами, лингвисты – другими, а антропологи – третьими. У нас пока нет

соответствующего термина, при помощи которого можно было бы обозначить творчество Бахтина во всем его разнообразии. Различные ипостаси теории диалога у Бахтина Холквист рассматривает, стараясь проследить их в неразрывном единстве, которое предопределяется цельностью бахтинской мысли.

Морсон настойчиво подчеркивает изначальную принадлежность Бахтина русской гуманистической традиции в философии и литературе, представленной именами Достоевского, Толстого, Соловьева и их ближайших последователей. Для него очевидно принципиальное противостояние мыслителя любым формам «теоретизма» и «догматизма», в частности, тем, что нашли выражение в научных теориях Павлова и Фрейда, соссюрианской лингвистики, западного и отечественного формализма и продолжающего его структурализма. По глубокому убеждению Морсона, Бахтин «никогда не считал, что литературно-критические теории, исследующие литературные произведения, важнее этих произведений. Относясь к собственным работам как к транскрипциям практически не поддающейся транскрибированию романной мудрости, он определил свою книгу о Достоевском самое большее как обозначение пути, на котором читатель может домыслить то, что для литературной теории вообще невысказано» [17, с. 14]. Именно отсюда вытекает, как полагает литературовед, особая симпатия Бахтина к Достоевскому, нравственная и художественная глубина творчества которого интересовала его на протяжении всей жизни. Здесь же находится и тот научный потенциал, на основе которого современная славистика может создать некую культурологическую альтернативу многочисленным порождениям современного «теоретизма», превалирующим в американских университетах в образе всякого рода «многокультурных» и «гендерных» исследований.

Близкую Морсону позицию занимает в начале 90-х годов и К.Эмерсон, работающая по преимуществу над изучением того, как этически ориентированная проблематика ранних бахтинских текстов становится основой его оригинальной литературоведческой концепции. Чрезвычайно показательны в этом смысле ее статьи «Русское правослаvie и ранний Бахтин» [4] и «Соловьев, поздний Толстой и ранний Бахтин о проблеме стыда и любви» [5], а также ряд докладов, сделанных исследовательницей на различных форумах, где особое внимание уделено связи Бахтина с так называемой «русской контртрадицией», представленной, в частности, сборником «Вехи» и последующим творчеством мыслителей «серебряного века» в эмиграции. В исследованиях К.Эмерсон намечается (как и у Г.С.Морсона) отчетливый поворот к литературоведческой и философско-этической проблематике, что неизбежно ведет к резкому сокращению рассуждений и разборов собственно литературоведческого характера.

Не менее примечателен в плане определения места и роли бахтиноведения в современных гуманитарных исследованиях диалог М.Холквиста с Р.Барски на страницах специального выпуска «Бахтин и друgость» в канадском журнале «Discours social». Занимая более терпимую позицию по отношению к «левому» литературоведению, американский исследователь рассматривает радикальные интерпретации бахтинского наследия сквозь призму «новой левой социологии», однако и он видит очевидные противоречия их интерпретаций. «Как мы уже видели, — полагает Р.Барски, — исследователи левой ориентации ухватились за Бахтина как за возможное средство изучения дискурсивной практики, которое может быть полностью использовано при более раскрепощенном анализе дискурса...». «Именно поэтому, — добавляет М.Холквист, — Бахтин, идентифицируемый отдельными направлениями того, что может быть названо левой критикой, разнообразен, как разнообразна сама левая критика. Поэтому люди, полагающие Бахтина сочувствующим их идеям, сконцентрировались на Бахтине — авторе трех книг, а не на авторе всего бахтинского канона. Думаю, что то, как они используют

Бахтина, убедительно в той мере, в какой может служить арсеналом оружия концептуального характера, пущенного в ход во имя левого социального анализа. С другой стороны, здесь важно только то, что они используют Бахтина, а не сам Бахтин. Все это лишь свидетельствует, что его действительно можно применять, приспособляясь к левой проблематике» [2, с. 3-4].

Подтверждением сказанного Холквистом может служить книга «Мысль Бахтина: От слова к культуре» [3], автор которой Д. Дэноу, специалист в области семиотики литературы и культуры, задумал, по его собственному признанию, «снабдить читателя – неопита небольшим, но всеобъемлющим введением» [3, с. 9] в бахтинскую теорию. Замысел логически определил структуру работы: книга состоит из двух частей, первая посвящена ключевым, на взгляд автора, теоретическим проблемам бахтинского наследия, вторая – анализу связей и перекличек у Бахтина и Пражского лингвистического кружка, Московско-тартусской семиотической школы, соотношению отдельных аспектов теории Бахтина с некоторыми построениями современных бахтиноведов, полемике с самим Бахтиным. Здесь показательны авторские оговорки о статусе так называемой «идеологической поэтики», под которой подразумевается чрезвычайно популярная на Западе «транслингвистика» (хотя сам Бахтин предпочитал, как известно, термин «металингвистика»), охватывающая, по его мнению, не только «повседневную и художественную речь, но и этические и метафизические вопросы, включающие в себя диаметрально противоположные диалогизма и монологизма» [там же, с. 12-13].

Семиотическая ориентация автора приводит его к принятию в качестве основополагающего для Бахтина иерархического соотношения «слово-высказывание-текст». Это позволяет ему заметить уже в первой, вводно-методологической главе: «Как основной компонент высказывания, слово является главным источником текста, само по себе выступая первым проявлением и главным идеологическим компонентом культуры. Слово оказывается началом в теологии Бахтина. Культура же является финалом, главной целью слова» [там же, с. 19].

Исследователь прежде всего обращается к «бахтинской концепции слова», подчеркивая особый интерес мыслителя не к абстрактным, как представляется автору, потенциям слов, а к его конкретной реализации в сфере речевых жанров. Акцентируя чрезвычайно раннее постижение Бахтиным знаковой природы слова, что, по его убеждению, сближает бахтинскую позицию с точкой зрения Ч.С.Пирса, исследователь предпринимает попытку реставрировать своего рода коммуникативную модель слова-высказывания в его речевой функции, что, собственно, удалось самому Бахтину в 20-30-х годах.

Однако Дэноу не ограничивается семиотическим и лингвистическим аспектом исследования: обращение к бахтинским работам о романе, к «Проблемам поэтики Достоевского» дает ему возможность говорить о бахтинской классификации типов слова, о знаковом характере романа, а также коснуться проблем «незавершенности» и «разноречия» (в разноречии – многоголосии критика привлекает прежде всего социолингвистический аспект). «Для Бахтина язык романа стратифицирован в соответствии с системой социоидеологических языков», – замечает он [там же, с.54]. Исследование Дэноу представляет один из наиболее типичных образцов многоликой и обильной «индустрии Бахтина» (термин Г.С. Морсона) 80-90-х годов.

Несмотря на значительную популярность исследований подобного рода, следует отметить, что куда более эффективным, логически обоснованным и убедительным оказывается использование идей Бахтина в традиционных сферах литературоведения, например, при анализе творчества конкретного писателя.

Несомненен интерес западных исследователей к реальному гуманитарному содержанию

бахтинского наследия с отчетливой ориентацией на традиционные гуманистические ценности. Именно этим, думается, было продиктовано включение в сборник «Бахтин: карнавал и другие сюжеты» статьи С.С. Аверинцева о Бахтине и русском отношении к смеху. Сходные причины, похоже, лежали в основе решения напечатать в авторитетном американском журнале «New literary history» интервью известного американского слависта Р.Ржевского, взятое у В.Кожина и затрагивающее по преимуществу наиболее актуальные проблемы изучения биографического и научного аспектов – от вопроса об авторстве «спорных текстов» до православного начала бахтинской мысли, влияния неокантианской философии и несостоятельности обвинений русского мыслителя в апологетике релятивизма [19].

В целом же состояние и перспективы российской и западной бахтинистики были убедительно проанализированы в докладе К. Эмерсон на международной конференции по проблемам русской философии, состоявшейся в мае 1994 г. в Италии. Подводя итоги бахтиноведческих исследований в канун приближающегося 100-летия со дня рождения русского мыслителя, соотнося его нравственно – философскую позицию с позицией современного бахтиноведения и, соответственно, определяя пути будущих исследований, Эмерсон замечает: «...мы никогда не сможем завершить внутреннее содержание или личность другого. В период беспрецедентного крушения тотальных воззрений и (что, возможно, прозвучит парадоксально) одновременного исчезновения веры в свое я подобное провидение может оказаться главным вкладом 99-летнего Бахтина как в теорию творческого процесса, так и в выживание мировых культур» [8, с. 19].

РЕЗЮМЕ

Стаття присвячена аналізу основних тенденцій бахтінознавства, що склалося на кінець 60-х років у Великобританії та США як самостійний напрямок.

Зі спадом структуралізму у США народився образ нового, постструктуралістського, постмодерністського, деконструктивістського Бахтіна.

Основна увага у статті приділяється полеміці, яка розгортається у першій половині 90-х років між прихильниками гуманістичної традиції прочитання бахтінських текстів та лівим радикальним за своєю спрямованістю літературознавством соціологічного плану, що прагне створити образ марксистського, психоаналітичного або феміністичного Бахтіна.

Науковий аналіз книг найкрупніших американських дослідників-бахтінознавців дає змогу виділити суто теоретичні аспекти бахтінської спадщини, де визначальне місце посідає категорія «прозаїка», як особливі форми бачення світу та художньої творчості.

SUMMARY

The paper is devoted to the analysis of the main tendencies of the literary criticism of Bakhtin, which proved to be an independent scientific trend by the end of the 60-es. With the fall of structuralism in the USA there appears the image of a new, post-structuralist, post-modernist, deconstructional Bakhtin. The paper focuses on the discussion which is taking place in the first half of the 90-es between the proponents of a humanistic tradition of the interpretation of Bakhtin texts on the one hand and the left radical literary criticism of sociological orientation, on the other hand.

The scientific analysis of the most prominent American scholars and literary critics make it possible to determine purely theoretical aspects of Bakhtin heritage, where the category of a «prosaic» as a special form of the vision of the word and literary work is of great importance.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Bakhtin: Carnival a. other subjects. – Atlanta, 1993. –XXXII, 303 p.
2. Bakhtin and otherness. – Montreal, 1990. – 372 p.
3. Danow D. K. The thought of Mikhail Bakhtin: From word to culture.–L.,1991. – 158p.
4. Emerson C. Russian Orthodoxy and the early Bakhtin // Religion a. lit. – Toronto, 1990. – Summer/ Autumn. –P. 109-131.
5. Emerson C. Solov'ev, the late Tolstoy and the early Bakhtin on the problem of shame and love // Slavic rev. – Stanford, 1991. – Vol. 50,№3. – P. 663-671.
6. Emerson C. (Rec.) // Contemporary lit. – Eugene, 1994. – Vol. 46, №3. – P. 288-303. – Rec. ad op.: Gardiner M. The dialogics of critique. L., 1992.
7. Emerson C. Preface to M. K. Ryklin's «Bodies of terror» // New lit. history. –Baltimore,1993.– Vol. 24, №1.– P. 45-50.
8. Emerson C. Bakhtin at 99: His life a. legacy // The Russian philosophical tradition as a source for reformulating the public values in Russia today: A conference paper.– 27–29 May, Bergamo, 1994. – 19 p.
9. Gardiner M. Bakhtin's Fifth International // Radical philosophy. – Milton Knynes, 1991.– №5.–P. 60.
10. Gardiner M. The dialogics of critique: M.M.Bakhtin a. the theory of ideology. – L., 1992. – 258. p.
11. Holquist M. Dialogism: Bakhtin a. his world. – L., 1990.– XIII, 204 p.
12. Maslen E. Doris lessing. – Plymouth, 1994. – 70 p.
13. Morson G.S. Bakhtin, genres and temporality // New lit. history. –Baltimore, 1991. – Vol. 22, №4. – P. 1071-1092.
14. Morson G.S. Prosaic Bakhtin // Common knowledge. – N.J., 1993. – Vol. 2, №1. – P. 35-74.
15. Morson G.S. Strange synchronies and surplus possibilities: Bakhtin on time// Slavic rev. – Stanford, 1993. – Vol. 52, №3. – P. 477-493.
16. Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin: Creation of prosaics. – Stanford, Stanford univ. Press, 1990. – XX, 530 p.
17. Морсон Г.С. Бахтин и наше настоящее // Бахтинский сборник. – М., 1992. – Вып.2. – С.14.

Надійшла до редакції 17.04.98 р.

ББК Ш 10+31

КАТЕГОРІЙНА І РЕФЕРЕНЦІЙНА СЕМАНТИКА ГРАМАТИЧНИХ ФОРМ

А.П.Загнітко

У лінгвістиці традиційно під граматичною формою мається на увазі «...мовний знак, в якому **граматичне значення** знаходить своє регулярне (стандартне) вираження» [10, с.116]. При цьому ємний вимір граматичної форми, тобто регулярних виразників тих чи тих граматичних значень включає афікси (тут враховуються і нульові), фонемні чергування, наголошування, редуплікацію, службові слова (останнім часом витлумачувані як аналітичні синтаксичні морфеми (І.Р.Вихованець)), порядок слів та ін. Як правило, до переліку репрезентантів граматичних значень вводять й інтонацію (один з основних засобів вираження граматичної форми безсполучникового складного речення), хоча при цьому наголошується, що її статус визначається відповідним навантаженням на певному рівні. У силу цього постає аргументованою теза, що «Суп-

расегментні явища (наголос, тон та ін.) включаються відповідно до того рівня, одиницям якого вони ідентичні за своїми функціями. Наприклад, якщо різниця в наголосі зумовлює різницю морфем та відповідно відмінність між словами, які їх уміщують, то його варто віднести до рівня фонем (пор. мўка і мукá); якщо ж різне вживання наголосу пов'язане з різницею у граматичній формі, то її варто віднести і розглядати як явище морфемного рівня» [12, с.4]. Таким чином репрезентація граматичних засобів значень набуває міжрівневого вияву або охоплює структурні компоненти різних ярусів, що принципово не заперечується ніким.

Якщо теза про те, що «Логічні категорії... народних відмінностей не мають» [11, с.69], постійно підтверджується різними лінгвістами у її концептуальному вимірі, то думка про різницю у граматичних виявах цих логічних універсалій у національно-мовних системах послідовно розвивається. Максимально вона акцентується у зв'язку з розглядом проблем мовної діяльності (О.С.Кубрякова, О.Лещак та ін.), вивченням когнітивно-постулятивних критеріїв становлення та еволюції мовної особистості, що позначаються на особливостях референційної мотивованості граматичних форм. Референційна семантика граматичної форми постає як потенційна на рівні системи, співіснуючи з категорійною і становлячи потенціал вжитку граматичної форми. К.В.Падучева, аналізуючи визначальні положення наукових підходів А.Вежицької, приходять до однозначного висновку, що значення «...антропоцентричне, тобто відображає спільні властивості людської природи; більше того, воно етноцентричне, тобто орієнтоване на певний етнос. Не можна природою, природною мовою описати «світ як він є»: мова первісно визначає своїм носіям певну картину світу, причому кожна певна мова свою» [1, с.5-6]. Можна стверджувати, що в пам'яті конкретного індивідуума та народу загалом як особистості наявний інформаційний «масив», в якому містяться поняття, поняттєві блоки, концептуальні блоки, які визначають бачення і сприйняття довкілля, його членування і зумовлюють національну специфіку стереотипів (як мисленнєвої загалом, так і комунікативної зокрема). Саме вони визначають пріоритети поведінки, в тому числі і мовленнєвої. Такі блоки імпліцитні й невідчутні, вони стереотипні, пов'язані вони з категорійною семантикою граматичних форм, щораз відтворюваною. Щодо граматичних форм, то тут, поза всяким сумнівом, очевидною постає їх національно-мовна специфікація, замкнута на особливостях мовно-граматичного ладу та мотивованості категорійною семантикою.

Диференціюючи два особливі різновиди мислення – логічний і мовний і надаючи статусу одному наднаціонального, загальнолюдського (логічного), останньому – конкретно національного, семантично корелятивного з відповідним типом мовної картини світу, слід пам'ятати, що вони «...існують у нерозривній єдності, як дві сторони єдиного процесу організації думки, що відбувається в одній сфері мовного мислення» [12, с.22]. При універсальності першої форми інша, тобто мовна, може варіюватися, піддаватися різноманітним модифікаціям, пор. логічний (семантичний) суб'єкт реалізується формами називного, родового, давального, знахідного, орудного, вокативного відмінків: Хотіла б я піснею стати У сюю хвилину ясну... (Леся Українка); Та не судилося Марії вберегти дітей (О.Довженко); Прийнятно зараз було Сагайді дивитись на своїх людей (О.Гончар); Дівчинку заливало потом... (М.Коцюбинський); Деревця від самого початку доглядались школярами, причому кожен учень знав своє деревце, знав, коли його треба полити, обрізати... (В.Сухомлинський); Іди, іди, дощику, Зварю тобі борщику В полив'янім горщику! (Нар.творчість). Незаперечним є факт залежності форми мислення від тих чи інших морфологічних особливостей мови (пор. зведення усіх форм мислення або до національно семантичних при їх кваліфікації як «логічних

форм», або до універсально логічних (див. праці Г.Штейнталя, В.фон Гумбольдта, Г.Пауля, А.Арно, К.Лансело, К.Беккера, К.Бругмана, Ф.Міклошича, Г.Германа, Л.Теньєра, Ж.Веренка, Дж.Лайонза, М.Сильверстейна, О.О.Потебні, Ф.І.Буслаєва, О.О.Шахматова, О.О.Холодовича, Ю.С.Степанова, І.Р.Вихованця та ін.)) та існування нерозривного зв'язку між логічними і мовно-семантичними (національно-мовними) формами мислення. Незаперечною постає і специфіка синкретизму цього зв'язку (пор. Відмінність між репрезентацією загальнопоняттєвого змісту «стать» національно-мовними ресурсами: в одних мовах поряд з опозицією «чоловіча/жіноча стать» суттєвою постає диференціація істот, осіб за соціальним статусом, напр.: укр. бик / коро́ва / теля́; півне́нь / курка́ / курча́ (перших два компоненти реалізують «напружений» вимір опозиції «чоловіча/жіноча стать», третій елемент одночасно протиставлений обом компонентам, але ця опозиція пов'язана з іншою ознакою, оскільки протиставлення ґрунтується на ознаці «соціальна значущість», середній рід репрезентує індеферентність статевої ознаки (пор. подібне розмежування у словацькій, польській та інших слов'янських мовах і відтворення семантики недорослості через форму чоловічого роду в російській мові (теленко́к, ягненок, тигренок і под.)). Саме на цих засадах інколи вирізняють **референційний** рід, при цьому конгруенція перебуває в максимально сильній позиції, водночас нейтралізується семантичний план внутрішньокатегорійної міжчастиномовної взаємодії: милий Танюши́к, коханий Олю́нчик та ін.)

Категорійна семантика граматичної форми постає системно мотивованою і віртуально закріпленою, щораз реалізуючись у контекстних виявах, вона репрезентує відповідні когнітивні блоки. Водночас референційна семантика граматичної форми є ситуативно окресленою. На її репрезентацію діє ряд чинників, з-поміж яких значущими постають умови мовленнєвого і немовленнєвого контексту, ситуативно-прагматичні настанови і под. Морфологічні форми репрезентують категорійну семантику як системно відтворювану, на яку накладається і з котрою і/або збігається/контрастує референційний компонент. Підтвердженням цього може бути розбіжність між **парадигматичним і синтагматичним родом** (значенням роду) іменників типу листоно́ша, невда́ха, тру́дяга, сирота́. У формальному плані граматична категорія у морфології – це два або більше рядів форм у парадигмі. Так, відмінок у морфології – це один горизонтальний ряд форм у парадигмі, що відображає здатність слова змінюватися. Він закріплює за всіма словами певної групи суворо фіксований відмінковий показник і виражає певні морфологічні і лексико-морфологічні категорії, водночас кожна відмінкова форма репрезентує певну категорійну семантику (пор. вирізнення О.О.Потебнею п'ятдесяти різних орудних відмінків). **У комунікації відмінкова форма – це вираження в контексті реальної субстанції, у синтаксисі – абстрактне вираження відношення в парадигмі слів.** Звідси постає можливим вести мову про відмінки як репрезентанти відповідного типу субстанційної семантики та встановлення на цьому ґрунті їх опозицій (ядерних/напівпериферійних/периферійних). Крім того, саме на синтаксичному рівні відмінок виконує зовнішньомовну функцію (цікавим у цьому плані постає тлумачення відмінка як синтаксичної категорії або як морфологічної, що набуває семантики власних форм у структурі синтаксичних одиниць) і виступає реалізатором вираження певного типу синтаксичного зв'язку, який у своєму вияві членується на підрядний і сурядний, з одного боку, і координативний та субординативний, з другого боку. Останній охоплює різноманітні вияви підрядного зв'язку. Особливої уваги вимагає підрядний прислівний зв'язок, специфіка якого виявляється у прислівній детермінації формально-граматичної, лексико-синтаксичної залежності. Підрядний прислівний синтаксичний зв'язок охоплює чотири основних форми вияву: узгодження, керування, прилягання та кореляцію. Кожна з форм характеризується власним діапазо-

ном реалізацій і модифікацій, які у повному обсязі слід кваліфікувати як **функціонально-семантичну парадигму тієї чи тієї синтаксичної форми**. Так, наприклад, узгодження репрезентується у таких виявах: а) смислового: справжній нахаба / справжня нахаба; великий ледащо / велика ледащо; справний листоноша / справна листоноша; б) умовно-граматичному: Тривожне «кру-кру» будило кожного, нагадувало, що ці дні щось принесуть (О.Слісаренко); хтось далекий; щось дороге; в) асоціативно-граматичному: Нью-Йорська «Таймс» все більше уваги відводить аналітичному огляду внутрішньоукраїнських проблем, пов'язаних з впровадженням ринкових стосунків [Шлях Перемоги. – 1997. – 15 червня]; Це доволі несподіваний крок Росії, і скоріш за все, він вимушений, тому що офіційний Тбілісі (розрядка наша – А.З.) остаточно відкинув запропонований раніше Росією проект угоди [Голос України. – 1997. – 8 липня]. У другому реченні синтаксична форма узгодження детермінована внутрішньомовними семантико-парадигматичними зв'язками, внаслідок чого формальний показник відтворює закономірності **високого стилю**, якому суперечить визначена специфікою загальномовної граматичної кодифікації граматична форма середнього роду. Подібне спостерігається за умови **імпліцитного** мотивування різновиду узгодження, що ґрунтується на закономірностях семантико-парадигматичних внутрішньомовних зв'язків: смачний сулугуні (родове слово «сир»), правляча торі (родове слово «партія») та ін. Така мотивація референційної семантики синтаксичної форми інколи залежить від особливостей співвідношення з синонімічним словом, внаслідок чого постають варіанти формальних моделей узгодження, пор.: Адже, крім XIV національного фестивалю гумору і сатири, тут проходило бієнале гумору та сатири в мистецтві і III міжнародний фестиваль комедійних фільмів [Літературна Україна. – 1985. – 23 серпня] (загальна закономірність – невідмінюваний іменник – назва неістоти належить до середнього роду); Габрово – одна із столиць сміху. У травні до цього невеличкого болгарського містечка з'їдуться письменники, художники, артисти, скульптори на VIII міжнародний бієнале сатири і гумору, який проходить під девізом «Світ уцілів, бо сміятися вмів» [Перець. – 1987. – №9. – С.15] (синонімічне слово «форум» характеризується морфологічним значенням чоловічого роду); Кожна бієнале засвідчує неабиякий інтерес до полотен нового напрямку... [Молодь України. – 1983. – 14 січня] (синонімічне слово «виставка» належить до жіночого роду). При збереженні типових ознак узгодження у кожному з таких випадків наявні особливості ємності структурно-типологічних ознак. І хоча узгодження традиційно зараховується до найбільш граматикалізованих різновидів підрядного синтаксичного зв'язку, однак не можна ігнорувати його значну залежність від закономірностей внутрішньомовних механізмів, їх активності та впливу на вияви референційної семантики (пор. особливості реалізації внутрішньокатегорійної міжчастиномовної взаємодії [7, с.250-315]).

У чомусь подібні тенденції виявляються і в напрямках репрезентації **реченнєвого синтаксичного зв'язку – предикативного**. В основній його частині реалізується категорійна семантика у синтаксичних формах підмета і присудка. Останні постають ядерними і репрезентують основні синтаксичні категорії формально-граматичного рівня речення. Ядерні форми підмета марковані семантикою суб'єкта (дії, стану, кількості, процесу, якості тощо), яку слід кваліфікувати як базову категорійну, всі інші вияви є референційними і становлять діапазон **функціонально-семантичної парадигми синтаксичних форм підмета**, пор.: А в отій кузні коваль клепле... (І.Франко); Будь-яка робота виконувалась учнями навдивовижу швидко [Голос України. – 1997. – 12 лютого]; Коса захоплює все більше трави і пригинає її до землі, змушуючи поволеньки втрачати свої сили (О.Слісаренко); Діти отримали гарні подарунки і від того були щасливими [Голос України. – 1997. – 8 червня] (у першому реченні синтаксична форма

підмета мотивована семантикою **суб'єкта**, у другому – семантикою **об'єкта**, у третьому – семантикою **інструмента**, у четвертому семантикою – **адресата**). Переміщення однієї відмінкової форми в синтаксичну позицію іншої часто називають синтаксичною деривацією, яка призводить до витворення синкретизму синтаксичної семантики, в якій химерно перетинаються основний і додатковий зміст, тобто план синтаксичної позиції корелює / некорелює із семантичним наповненням форми. Поняття референційної мотивованості синтаксичної форми коректніше відображає закономірності співвідношення категорійної і референційної семантики у синтаксичній формі.

Мовні форми у своїх репрезентаціях подібні до амфібій, які ведуть різні періоди свого життя у воді і на суші. Синтаксичні форми у системі мови повністю мотивовані категорійною семантикою, останнє відображено через систему зв'язків, в той час як референційна семантика постає автономно мовленнєвою і на системно мовному рівні виступає потенційно виявлюваною. Саме тому кваліфікують її як потенціал синтаксичної форми (пор. подібну характеристику морфологічних форм, що наводяться у граматиках, підручниках, посібниках тощо: теперішній історичний, теперішній постійний, теперішній репортажний, теперішній сценічний і под.) Референційна семантика морфологічних форм роду іменників, що завжди співвіднесена з комунікативними інтенціями (Ш.Баллі кваліфікує рід як постійно актуалізуючу категорію), визначає, наприклад, такі їх імплікації, як: а) **прогнозуюча суб'єктивна** – називаючи певну особу, мовець передбачає відповідну реакцію адресата («Ти ж вчителька, а вже потім біолог» (О.Донченко)); б) **генералізуюча** (Учитель – фахівець творчий... (О.Сливинський)); в) **семантико-структурна** – витримуються пинципи узгодження і тільки особово-вказівні займенники постають актуалізаторами і носіями семантики номінативної категорії статі (Аналізуючи сучасний стан економіки, академік-економіст концентрує увагу на тих закономірностях, які постають прогресуючими, вона наголошує, що зараз можна уникнути прикрих помилок [Голос України. – 1997. – 18 лютого]); г) **каузальна** – через вжиток форми роду на позначення професій, звань, посад здійснюється поцінування певної особи і здійснення оцінювання детерміноване цілим рядом причинових чинників («– Те ж мені – біолог, – скептична посмішка ковзнула по обличчю Михайла» (П.Загребельний)). У чомусь подібні процеси спостерігаються при виборі діатези дієслова, що визначає **доцентрові** і **відцентрові** тенденції в реченнєвій структурі. У конструкціях з темоцентричною побудовою й активізованим виявом відцентрових зв'язків спостерігається **відносна автономізація об'єкта**, що виступає темою повідомлення. При цьому витворюється площина комунікативної незначущості носія суб'єктної семантики: Буряки шарувалися → дівчатами (через пряму лінію відтворює комунікативну незначущість та інформативну вторинність щодо центра речення компонента). Конструкції ж ремоцентричної будови спрямовані на актуалізацію комунікативно значущої інформації: Діти читають книгу; Майстри зводять хату (аналіз референційної семантики синтаксичних форм лексем – носіїв активної валентності уможливорює встановлення площин імпліцитної, внутрішньо глибинної, згорнутої валентності, пор.: читати що? → читати книгу (зовсім не відтворено адресата – кому? (собі, дитині і под.), що належить до імпліцитних виявів валентності; солити що? (інструмент дії відтворено у семантичній структурі лексеми – сіллю); купатися, умиватися (компонет себе зредукувався і згорнувся, постаючи через префікс -ся). У них максимально виявляється система суб'єктно-об'єктних відношень, поза якими речення перестає існувати. Суб'єктно-об'єктні відношення в межах речення слід розглядати з урахуванням структурних (структуральних), лінеарних і семантичних зв'язків, пор., наприклад, значущість лінеарних зв'язків при диференціації словосполук типу політична партія і економія політична; семантичні зв'язки мотивовані типом предиката

і ґрунтуються на типологічних виявах валентності (вся інша інформація виступає евентуальною, хоча в окремих випадках її вияв може включитися в семантичний обсяг предиката: пройти село → пройти кілометр; чекати товариша → чекати товариша годину і под.). Референційна семантика зумовлює **внутрішньокатерійне** розрізнення синтаксичних форм – репрезентантів семантики часу, місця, причини, мети, умови, наслідку, допусту та ін.

Загалом проблема референційної семантики у синтаксисі не є новою, але здебільшого про неї ведуть мову тоді, коли мають на увазі референційні характеристики одиниць, які виражають семантичні актанти певного предиката [1, с.109]. У силу цього найбільшою мірою досліджені референційні властивості іменних актантів, що репрезентують відповідний тип субстанційної семантики. Проблема ж референційної семантики та вияв її корелятивності / некорелятивності з категорійною семантикою постає **значно ємнішою**, оскільки охоплює кілька аспектів і розгляд їх співвідношення у власне синтаксичному, семантико-синтаксичному і комунікативному вимірах. При цьому такий аналіз повинен спиратися на диференціацію категорій семантичної орієнтації (рід, вид), синтаксичної орієнтації (особа, час) та власне синтаксичної (особа) спрямованості. Подібні підходи уможливають аналіз категорійної семантики та встановлення закономірностей її редукції, модифікації тощо, визначення напрямів формування вторинних функцій, їх трансформації у первинні, водночас створюється підґрунтя для з'ясування референційних можливостей певної синтаксичної форми, її позиційної і структурної закріпленості. Прикладом можуть виступати конструкції типу У селі голосно співають; До тебе прийшли; На вас чекають, в яких форма третьої особи несе семантику **неозначеності**, а у виразах типу Курчат восени лічать та ж сама форма характеризується **родовою, узагальненою** референцією, хоча нульова форма лівобічного компонента в обох випадках може бути окреслена через тотожний компонент, тобто в таких випадках на рівні референційної семантики синтаксичної форми слід вести мову про протиставлення за означеністю / неозначеністю, опозицією родового й індивідуального статусу певної семантики. Референційна семантика таких форм стала основою вирізнення окремого різновиду речень (пор. кваліфікацію означено-особових, узагальнено-особових та ін. різновидів односкладного речення).

Особливості референційної семантики граматичних форм можна розглядати і у площині дистрибутивності, яка окреслює аспекти часової локалізації (частотність, узальність і под.), причинової актуалізації тощо та в інших аспектах.

Аналіз референційної семантики граматичних форм розкриває особливості вжитку граматичних форм, напрями їх ситуативно-прагматичної модифікації та залежність їх функціонування від ілокутивних смислів.

РЕЗЮМЕ

Рассматриваются особенности обнаружения в языке категориальной семантики грамматических форм и влияния на нее референционной семантики, устанавливаются признаки функционально-семантической парадигмы синтаксических форм, прослеживаются закономерности соотношения категориальной и референционной семантики грамматических форм с национально-языковой когнитивной базой / национально-языковым пространством.

SUMMARY

The author of article considerate the differences of manifestation of categorical semantics of categorical of grammar form and influence it referential semantic, establishes the indication of functional-semanticly paradigm of syntactical form; considerate objective laws of correla-

tion categorical and referential semantic of grammar form with national-linguistically kognitivical base and national- linguistically kognitivical space.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Синтаксические нули и их референтные свойства // Типология и грамматика. – М.: Наука, 1990. – С.109-117.
2. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. – М.: Наука, 1996. – 340 с.
3. Вихованець І.Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті. – К.: Наукова думка, 1988. – 256 с.
4. Вихованець І.Р. Нариси з функціонального синтаксису української мови. – К.: Наукова думка, 1992. – 222 с.
5. Загнітко А.П. Основи функціональної морфології української мови. – К.: Вища школа, 1990. – 77 с.
6. Загнітко А.П. Система і структура морфологічних категорій сучасної української мови (проблеми теорії). – К.: ІСДО, 1993. – 343 с.
7. Загнітко А.П. Теоретична граматика української мови. Морфологія. – Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 1996. – 437 с.
8. Загнітко А.П. Український синтаксис: науково-теоретичний і навчально-практичний комплекс: Навч. посібник: У 2-х ч. – К.: ІЗМН, 1996. – Ч.1. – 196 с.; Ч.2. – 216 с.
9. Клобуков Е.В. Проблемы изучения коммуникативной грамматики русского слова // Язык, сознание, коммуникация. – М.: Филология, 1997. – Вып. 1. – С.32-40.
10. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
11. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: В 4-х т. – М.: Учпедгиз, 1958. – Т.1/2. – 536 с.
12. Чесноков П.В. Грамматика русского языка в свете теории семантических форм мышления. – Таганрог: Изд-во Таганрог. педин-та, 1992. – 168 с.
13. Юрченко В.С. Простое предложение в современном русском языке. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1972. – 274 с.
14. Якобсон Р. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 465 с.
15. Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 247 с.
16. Ярцева В.Н. Историческая морфология английского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 194 с.
17. Ярцева В.Н. Проблемы аналитического строя и формы анализа // Аналитические конструкции в языках различных типов. – М.; Л.: Наука, 1965. – С.59-69.
18. Ярцева В.Н. Иерархия грамматических категорий и типологические характеристики языков // Типология грамматических категорий: Мещаниновские чтения. – М.: Наука, 1975. – С.5-23.
19. Яцкевич Л.Г. Вопросы русского формообразования: функционально-типологический подход в морфологии (На примере имен существительных). – Мн.: Университетское изд-во, 1987. – 128 с.
20. Adamec P. Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка. Ч.1. Однобазовые предложения. – Praha: Stat. ped. nakl. – Stv', 1974. – 136 s.

Надійшла до редакції 15.03.98 р.

ПРО ОДИН СПОСІБ ВИРАЖЕННЯ ПРОСТОРОВОГО ДЕЙКСИСУ У КЛАСИЧНИХ МОВАХ

М.Г. Сенів

Заслуговує на увагу вивчення значення слів із елементами дейксису, таких як *dexter* (гр. δεξιός) – *правий* – *sinister, laevus* (гр. αριστερός) – *лівий* у класичних мовах. Слід принагідно відзначити, що ці лексеми були предметом досліджень на матеріалі деяких сучасних індоєвропейських мов. Початок вивчення їх значень у новітньому мовознавстві поклав ще Я. Грімм, який присвятив цій проблемі розділ німецької граматики під назвою «Праве і ліве» [10]. На його думку, це «єдине поняття, чие смислове походження по суті повністю зобов'язане переходові від природного до абстрактного. Уявлення про праве і ліве поширюється з тіла людини, його будови на навколишній простір [10, с.681]. Як підкреслює С.Г. Проскурін, порівняльний аналіз уможливорює з відносною строгістю виділення трьох основних напрямів дослідницьких завдань з цього питання: 1) зіставний аспект («Мова»); 2) дейксис («Мова»-«Простір»); 3) лінгвокультурний аспект («Мова»-«Простір»-«Культура») [5, с.37]. Таке розташування тематики обумовлюється специфікою матеріалу, що вивчається: координата «*dexter - sinister*» («праве-ліве») є єдиною із базових основ зв'язку простору і тіла у більшості культурних традицій. «Надфізіологічна культура (у цьому випадку уявлення про навколишній світ, Всесвіт і спеціально про простір), у своїх першоосновах виявляється мотивованою фізіологічним аспектом людського життя, конкретно – тілом як «малим світом» [7, с.245]. В основі назви правої і лівої руки (сторони, боку) у будь-якій мові, у тому числі в давньогрецькій і латинській, лежать ознаки, які визначають фізіологічну, функціональну, просторову відмінність, що існують між ними. Права рука асоціюється і сприймається як найбільш активна, функціонально основна, з якою природно пов'язується поняття «позитивного» і «сприятливого» на протизагу пасивній лівій руці, що поступається правій в усіх функціях [1]. Так, у давньогрецькій мові δεξιός – *правий* означає *спритний, зграбний, меткий*; це саме стосується і латинського *dexter*. Щодо давньогрецького αριστερός, латинського *sinister (laevus – лівий)*, то в обох аналізованих мовах фіксуються значення *неправильний, невірний* (наприклад, *interpretatio* – тлумачення); *неправдивий, помилковий, хибний; незручний, незграбний, невмілий; нерозумний, дурний* (*mens*); *неслушний* (*tempus*); *зіпсований* (*mores*), пор. також латинське прислів'я *sinistro pede* – з лівої ноги (в недобру, лиху годину); *поганий* (*fama*); *зловісний; що віщує біду, несприятливий* (*numen; omen; picus*); *згубний* (*monitus*). Тільки в одному випадку між давньогрецьким αριστερός і латинським *sinister (laevus)* спостерігається розходження у значенні. У стародавніх греків αριστερός у зв'язку з гаданням, віщуванням означало *несприятливий, нещасливий, нещасний*, що пояснювалося тим, що грецькі ворожбити (віщуні) при гаданні за польотом птахів повертались обличчям на північ і поява птахів зліва, тобто із заходу вважалась поганою прикметою; у той час, як поява птахів справа (із сходу) – вважалась сприятливим знаменням. Римський авгур (віщун) ставав обличчям до півдня, а тому схід, який вважався щасливою стороною, виявлявся з лівого боку.

Правиця (права рука) – *dextra*, гр. δεξιόμα (= δεξιωσις) асоціюється у греків і римлян з чимось позитивним, пор., наприклад, δεξιόμα (= δεξιωσις) – *подача правої руки*, що у переносному значенні маніфестує союз, дружбу. При вітанні протягували праву руку, оскільки древні вважали, що найбільша сила і мужність у правійці (... *salutantes mutuo dextras contingere mos est, quia maxima hominis vis et virtus in dextra*. – Forcell., т.2, с.690) [15], пор.:

Cur dextrae iungere dextram non datur (Verg. Aen., I, 412). –

Чому це правицею твоєї правиці я доторкнутись не можу [16].

Словосполучення *dextram dare alicui* означає простягнути кому-небудь праву руку [= в знак дружби, прихильності]; *dextras iungere* – подати один одному правицю [= встановити дружні взаємини між собою]:

Est foedus amicitiamque instaurare, cuius iungendae praecipuus ritus erat dextras iungere (Tac. Ann. 2, 58). – Для відновлення союзу і дружби, для поєднання їх постійно подавались за встановленим звичаєм правиці [13].

Ті, що клялись, за звичаєм протягували праву руку (... *obsecrantes quoque dextram iurare*. – Forcell., т. 2, р. 690) [15]:

Quod te per genium dextramque deosque penates obsecro et obtestor

(Hor. Epod. I, 7, 94). –

Закликаю тебе, заклинаю

Генієм-богом, *правицею*, ласкою рідних пенатів [11];

dextra fidesque – *добросовісність, вірність клятві*; *dextram alicui tendere* (*porrigere*) – *простягнути кому-небудь щось* і т.п. Правиця у сполученні з дієсловом *fallere* (*dextras fallere*) має значення порушити клятву дружби.

Відомо, що у багатьох індоєвропейських лінгвокультурних традиціях правий і лівий бік, права і ліва рука називаються також з точки зору свого функціонального призначення, наприклад, якими предметами вони маніпулюють тощо. Так, у давньогрецькій мові *δεξιό-σειρος* – *правий припряжний (орчиловий) у колісниці; сильний скакун чи сильний помічник*, оскільки правий припряжний кінь був звичайно сильніший, рисистіший. Права рука у стародавніх греків у переносному значенні називалась *δορι-παλτος* – *що потрясає списом; що метася спис* (тобто тут мається на увазі *χερ* – рука). У римлян *dextra* – *правиця у переносному значенні вживалась ... pro viribus, potentia, virtute militari*, тобто у значенні сила, могутність, військова доблесть, пор. уривок із «Метаморфоз» Овідія:

... mea concussa putate

procubuisse solo Lyrnesia moenia dextra (Ov. Met. XI, 175-176)

... од удару моєї правиці, вважайте

Стіни Лірнейські стряслись і зрівнялись, упавши, з землею [12].

Кельтський іменник *cledd* (= лат. *gladius*), окрім лівої руки, означав меч, що звичайно підвішувався зліва на поясі. У давніх греків поняття *δεξιός* – *αριστερός* («правий»-«лівий») вживалось для розрізнення видів озброєння, про що свідчить словосполучення *οπλὰ δεξιά καὶ αριστερά* – *зброя наступальна і для оборони*. П.К. Тацит, описуючи тактику германської кінноти, відзначає: «... їх (коней) гонять або просто вперед, або з ухилом вправо» [13]. Цей маневр у військовому мистецтві стародавніх народів пов'язувався з тим, що лівий бік вершника був прикритий щитом, у той час як у правій руці він тримав спис.

Протиставлення «правий»-«лівий» лежить також в основі стародавнього міфологізованого права (право, правда, справедливість, правильний і под.), гадань, ритуалів, прикмет і відбито у персоніфікованих образах Правди на небі і Кривди на землі. Протиставлення чоловічий-жіночий співвідноситься з опозицією «правий»-«лівий» у весільних і похоронних ритуалах (де жінки знаходяться зліва від чоловіків) [4, т. 2, с.452].

Що стосується мови, то лексеми «правий» і «лівий» розглядаються у дослідженнях з локального дейксису проблеми, що бере початок безпосередньо в питаннях просторової орієнтації. У цьому зв'язку Дж. Лайонз пише: «Людина мобільна, і вона може вільно обертатися на горизонтальній площині. Проте, вона є асиметричною в

одному із двох горизонтальних вимірів і симетричною в іншому: у неї є «перед» і «спина» і дві симетричні сторони («права» і «ліва»)» [3, с.317]. Інший дослідник, В.Е. Коллінсон, в основу своєї концепції дейксису поклав поняття індикації (букв. указання, вказівка). Він, зокрема, також робить висновок, що в основі індикації просторових відношень (справа-зліва, спереду-ззаду і под.) вихідною точкою служить позиція тіла мовця [9, с.50-55]. Людина здатна проектувати своє відчуття лівизни і правизни власного тіла на протяжний предмет або протяжний ряд споглядуваних предметів і говорити про правий і лівий бік цього предмета або про правий і лівий предмети навіть у тому випадку, коли цей предмет або ці предмети обидва розташовані справа, або обидва – зліва, або обидва – позаду мовця. Якщо мова йде про транспортні засоби або про інший предмет, форма якого дозволяє йому рухатися, як правило, в одному напрямі, то мовець уявляє себе таким, що прямує у той самий бік і таким чином індикує передню частину (ніс корабля) і задню, тильну частину (корму корабля), а сам стає посередині (неначе в центрі палуби). Якщо мова йде про дім з одним головним входом, то передньою частиною (на підставі аналогії з людиною) вважається та, яка звернена до спостерігача (*faces the observer*) [9, с.51].* Значення базових просторових «правий» і «лівий» не може бути описане у вигляді стандартної словникової статті, у якій воно було б розкладене на елементи, тому що визначити ці слова у більш елементарних термінах неможливо [7, с.254]. Принципову роль у розрізненні правого і лівого відіграє вибір так званого дейктичного центру (на що вказують Дж. Лайонз і В.Е.Коллінсон), оскільки їх значення розкриваються у повному обсязі тільки в конкретній ситуації, контексті, пор.:

... *ubi ad Dianae veneris,*

Ito ad dextram (Ter. Adelph. 583). –

... а коли прийдеш до (храму) Діани,

Так іди направо [14].

Із наведеного уривка стає зрозуміло, що об'єкт, куди слід іти однієї із дійових осіб комедії Теренція «Адельфи», розташований справа від храму [отже, храм Діани у цьому конкретному епізоді служить точкою відліку у визначенні місця знаходження об'єкта]. Ю.С. Степанов, аналізуючи засоби локативності, відзначає: «Коли у сфері локації мовець визначає щось, що знаходиться «зліва» і щось інше, що знаходиться «справа» від себе, то між «правим» і «лівим» у просторі і правою та лівою руками мовця не існує жодного ступеня подібності і одне не є копією, ні відображенням іншого. Досить людині повернутися на 180°, щоб відношення полярно змінилось. Аналогічну думку зустрічаємо в уривку Лукреція «Про природу речей»:

Fiet ut, ante oculus fuerit qui dexter, hic idem

Nunc sit laevus, et e laevo sit mutua dexter

(Lucr. RN. IV, 302-303). –

– Так от по черзі на кожному дзеркалі зближує образ:

Те, що насправді справа було, з'являється зліва тепер,

Та ненадовго: те, що зліва було, знову справа стає [17].

Отже у сфері локації постійним залишається тільки сам принцип відношень, і це єдина об'єктивність, що діє у цій сфері [6, с.244].

* Пор. також зауваження Л. Щерби: «... в основі наших обихованських понять прямо, направо, наліво лежить, я вважаю, лінія нашого погляду, коли ми дивимось перед собою» [8, с.280].

УМОВНІ СКОРОЧЕННЯ

Forcell.	– Totius Latinitatis lexicon / Opera et studio Aeg. Forcellini et in hac editione post tertiam auctam et emendatam a I. Furlanetto. – Prati: Aldinianis, 1861. – V. 2. – 892 p.
Hor. Ep.	– Horatii F.Q. Opera / Iterum recognovit Fr. Klingner. – Lipsiae: Teubner, 1950. – XXII, 377 p.
Lucr. RN.	– Lucreti T.C. De rerum natura libri sex / Quartum recensuit I. Martin. – Lipsiae: Teubner, 1959. – LXXXIV, 230 p.
Ov. Met.	– Ovidii P.N. Metamorphoses / Edidit W.S. Anderson. – Lipsiae: Teubner, 1977. – XXVII, 419 p.
Tac. Ann.	– Taciti P.C. Libri qui supersunt / Post C. Halm et G. Anderson edidit E. Koestermann. – Lipsiae: Teubner, 1940. – Vol. 1. – XXVII, 435 p.
Ter. Adelph.	– Terentii A.P. Comoediae / Iterum recensuit A. Fleckeisen. Editio stereotypa. – Lipsiae: Teubner, 1910. – IX, 311 p.
Verg. Aen.	– Vergili P.M. Aeneis / In usum scholarum iterum recognovit O. Ribbeck. – Lipsiae: Teubner, 1907. – 409 p.

РЕЗЮМЕ

Понятие дейксиса выражает указание на местонахождение и идентификацию объектов окружающей действительности в отношении сторон света. Сравнительный анализ лексем *dexios* – *aristeros*, *dexter-sinister* («правый»–«левый») позволяет выделить три основные направления в этом вопросе: 1) сопоставительный аспект («Язык»–«Пространство»); 3) лингвокультурный аспект («Язык»–«Пространство»–«Культура»). Значение базовых пространственных лексем «правый» и «левый» не может быть описано в виде стандартной словарной статьи. Принципиальную роль в различении правого и левого играет выбор так называемого дейктического центра, поскольку их значения раскрываются в полном объеме только в конкретной ситуации.

SUMMARY

The notion of deixis expresses indication to location and identification of the objects of reality in reference to the cardinal points. The comparative analysis of the lexemes *dexios*–*aridteros*, *dexter-sinister* («right»–«left») allows to single out three main directions in this issue: 1) comparative aspect («language»); 2) deixis («Language»–«Space»); Language and cultural aspects («Language»–«Space»–«Culture»). The meaning of the basic spacial lexemes «right» and «left» cannot be presented as a standard dictionary entry. Principal part in differentiation of right and left depends on the choise of the so-called deictic centre beause their meanings are fully revealed only in a definit situation.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2-х т. – Тбилиси, 1984.
2. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 22.

3. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Перев. с англ. В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1978.
4. Мифы народов мира: В 2-х т. – М.: Сов. энциклоп., 1990. –Т. 2.
5. Проскурин С.Г. О значениях «правый-левый» в свете древнегерманской лингвокультурной традиции // Вопросы языкознания. – 1990. –№ 5. – С. 37-49.
6. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). – М.: Наука, 1981.
7. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227-285.
8. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 265-304.
9. Collinson W.E. Indication // Language Monographs. Baltimore, 1937. – № 17. – (April – June).
10. Grimm J. Geschichte der deutschen Sprache. – 3. Aufl. Leipzig, 1968. – Bd. 1.
11. Horatii F.Q. Opera / Iterum recognovit Fr. Klingner. – Lipsiae: Teubner, 1950.
12. Ovidii P.N. Metamorphoses / Edidit W.S. Anderson. – Lipsiae: Teubner, 1977.
13. Taciti P.C. Libri qui supersunt / Post C. Halm et G. Anderson edidit E. Koestermann. – Lipsiae: Teubner, 1940.
14. Terentius P. Afer Comoediae / Recognovit brevique adnotatione critica instruxit R.G. Tyrrell. – Oxonii, 1902.
15. Totius Latinitatis lexicon / Opera et studio Aeg. Forcellini et in hac editione post tertiam auctam et emendatam a I. Furlanetto. – Prati: Aldinianis, 1858-1875. – V. 1-6. – V.1. – CCLI, 596 p.; 1861. – V.2. – 892 p.; 1865. – V.3. – 830 p.; 1868. – V.4. – 1021 p.; 1871. – V.5. – 808 p.; 1875. – V.6. – 780 p.
16. Vergili P.M. Aeneis / In usum scholarum iterum recognovit O. Ribbeck. – Lipsiae: Teubner, 1907.
17. Lucreti T.C. De rerum natura libri sex / Quartum recensuit I. Martin. – Lipsiae: Teubner, 1959.

Надійшла до редакції 30.03.98 р.

ББК Ш10+323

ЧЕТЫРЕ ЭТИМОЛОГИИ (из материалов к словарю приазовской топонимии)

Е.С.Отин, Л.П.Борисова

1. БАЛТАМУ́Р

Это название носит балка, левый приток (далее: л.п., п.п.) Сухой Волновахи, п.п. Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса. Зафиксировано двумя источниками: военнотопографической картой бывшей Екатеринославской губернии, составленной в середине прошлого века топографами Генерального штаба (ВТКЕГ), и справочником «Каталог річок України» (КРУ, 135). Современное название этой балки: Солодка (Эксп.). Южнее, недалеко от села Куйбышево Володарского р-на Донецкой области, находится курган Балтамур (варианты оронима: Балтамур-уба, Бартамурытн-уба). Вблизи него расположена балка с похожим названием Балы Тарамá 'медовая балка' (Эксп.). Все три топонима относятся к объектам, находящимся на территории, где проживают потомки переселившихся из Крыма в конце XVIII в. греков, говоривших на урумских диалектах.

По своей структуре слово Балтамур представляет собой тюркский изафет: его первая (определятельная) часть – бал ‘мед’ или ‘медовый’, вторая (определяемая) – тамур ‘корень’. Первичное значение лексикологизованного словосочетания – ‘медовый корень’. Как апеллятив это слово не сохранилось ни в одном из современных урумских диалектов. Вероятно, так тюркоязычные приазовские греки называли лакричник, или солодку – степное растение из семейства бобовых с мощной корневой системой. Корень солодки приторно-сладкого вкуса, примерно в пятьдесят раз слаще сахара. Она издавна в изобилии произрастала в приморских песках. Гай Плиний Секунд писал о «скифской траве», которая растет «вокруг Меотиды», очень сладкая и чрезвычайно полезная против астмы. О том, что в степях Восточного Нога, одного из материковых владений крымского хана, часто встречался солодковый корень, писал в своей книге «Крымское ханство» немецкий историк XVIII в. Тунманн (см.: Тунманн).

Исходной формой гидронима (оронима) был топонимический изафет Балтамур Тарамá, где тарамá – местный географический апеллятив со значением ‘балка’, а компонент балтамур уже выступал как цельнолексемная единица в роли определения (т.е. ‘солодковая балка’). Позднее произошел пропуск определяемого термина. Данная ботаническая реалья нашла отражение и в топонимии других территорий. Например, в западном Казахстане, вблизи озера Эльтон, во 2-й пол. XIX в. еще был Солодковый курган (см.: Семенов-IV), название которого тоже было связано с растением солодки.

Однако не все Солодкие (или Сладкие) балки и протекающие в них ручьи можно связывать с солодкой, или лакричником, балтамуром. Мотивировка таких названий могла быть иной. В «медовых» балках могли быть пасеки, росли цветы-медоносы. Почти все «медовые» балки Украины принадлежат территории Донецкой области. Одна из них отмечена в верховье Волчьей, л.п. Самары, л.п. Днепра (1882 г., ГЕХГ, 90) и три в бассейне Крынки, п.п. Миуса (ВТК-ЗВД, 1853 г.; ВТКЕГ). В топонимии юго-восточной Украины зафиксировано пять «солодких» балок и оврагов: 1) л.п. Янчула, п.п. Гайчура, л.п. Волчьей, л.п. Самары (К.; рядом – балка Соленая); 2) п.п. Соленой, п.п. Волчьей, л.п. Самары (1850 г., ОСОНК, 70; ВСОРИ-ЕГ, 36; Эксп.); 4) л.п. Западного Кальчика, правой вершины Кальчика, п.п. Кальмиуса (Эксп.); 5) п.п. Скородной, л.п. Обитока, п.п. Деркула, л.п. Северского Донца. Возникновение таких названий чаще всего вызвано тем, что в русском и украинском языках приятную на вкус, пригодную для приготовления пищи воду издавна называли сладкой или солодкой – в отличие от воды соленой, минерализованной. В середине XVI в. И.С.Пересветов пишет об этом в «Повести об основании и взятии Царьграда»: «И так нача делати церкви божия и двор царский и инья дома славныя вельможам... и всем сановникам и воды сладкия приводити», т.е. строить водопровод для снабжения города хорошей питьевой водой. Ср. еще в «Летописи» С.Величка: «...а под тими тополями есть вода, зовемая солодка» (Величко-III, 483). Такую проточную, годную для питья воду русские в XVI-XVII вв. называли еще живой и животной водой (от живот ‘жизнь’). В. Даль указывает и на другие значения прилагательного сладкий, которые могли присутствовать в семантике рассмотренных выше гидронимов в период их появления: ‘пресный’ (сладкое молоко), ‘лучший’ (сладкое мясо, т.е. филе, идущее на бифштекс) и ‘вкусный’ (Без соли несладко, а без хлеба не сытно).

Среди «сладких» балок Северного Приазовья отмечено и несколько «сахарных». Это Цукрова балка, п.п. Волчьей, л.п. Самары ((ВТКЕГ), она же Цукуриха (Эксп.), а также три Цукуровых балки: 1) л.п. Колесниковой, л.п. Кальмиуса (1863 г., ВТКХГ); 2) п.п. Миуса (1853 г., ВТК-ЗВД); 3) п.п. Хрустальной, л.п. Миуса (1853 г., ВТК-ЗВД и ВТКЕГ – Цокурова; ГКБХР – как п.п. Желобков, л.п. Миуса).

Нет противоречия в том, что балка Солодка (п.п. Соленой в бассейне Волчьей) имеет параллельное «антонимичное» название Солоненька (в ГЕХГ, 1882 г., 349 и ГОПМ, 1926 г., 46, 53 – Солоненькая, Соленькая). В основе этих названий лежат разные признаки объекта. Солодкой балка была названа за качество воды, тогда как Солоненькой потому, что она является притоком Соленой. Суффикс -еньк- выступает как топоформант с деминутивным значением: Солоненькая (она же Солодка) – приток Соленой, как Доник – приток Дона, Миусик – приток Миуса и т.д.

2. НЕТРИУС

Так называется левый приток Северского Донца. Истоки этой небольшой речки – в Харьковской области. Протекая через Краснолиманский район Донецкой области, она впадает сначала в Становое озеро а затем, выходя из него, снова вливается в один из заливов на левом берегу Северского Донца. В разных источниках ее название представлено во множестве вариантов: Нетриус (1644 г., ОХЕ-4, 57; 1863 г., ВТКХГ; 1885г., ВИС-Ш, 30; 1899 г. ПИНИУ, 464; 1934 г., СРДонБ, 54; 1980 г., Эксп.); Нитриус (карта «Харьковская область», 1996 г.); Нітриус (1957 г., КРУ, 145); Нéтрíуз (Эксп., 1972 г.); Нетрогус (1802 г., ОСУХГ, 36); Нетригуз (1642 г., ДД-П, 431; 1708 г., ПБПВ-ВП, 877; «к Нетригусу или речке Жеребцу»; 1972 г., Эксп.); Нетринус (1760 г., Кордт – №27; ПК-1769 г.); Верхний Нетриус (1689 г., ОХЕ-5, 131); Неутриус (1915 г., ОГОХТ, 77); Ближний Нетриус (1689 г., ОХЕ-5, 153: «на маяцких дачах на Ближнем Нетриусе»); Святой колодезь (1627 г., КБЧ, 76); Нéтрíвус (Эксп.); Нитрус (1974 г., 11 июня, газ. «Социалистический Донбасс»: «на реке Нитрус», «ис-под мелового склона реки Нитрус»); Деріус (Эксп.); Нетрис (1837-39 гг., Ле-Пле); Нетрус (1865 г., Семенов-П, 110); Истриус (1850 г., ВСОРИ-ХГ, 26); Иструс (1885 г., Семенов-V, 459); Неструн (КХВ-1781 г.); Netrius R. (КЧД).

На ряде карт конца XVIII в. (АВ-1786 г.; РА-1792 г. (КЕН) и в «Российском атласе» 1800 г. (РА-1800 г. (№36) в верховье реки обозначен населенный пункт с таким же названием – Нетриус. Это было одно из поселений, основанных каким-то казаком, переселившимся из Запорожья. О большом количестве таких переселенцев на этой территории свидетельствует запись сообщения Кондрата Матрепаса, жителя Екатеринославского уезда, сделанная в 1856 г. фольклористом и этнографом Я.П.Новицким (информанту тогда было 73 года): «Багато ще, кажуть, жило запорожців на Нетригуз-річці...» (НП, 81). Речка получила свое наименование по населенному пункту в ее истоках. Это гидроним, образованный благодаря метонимическому сдвигу «название селения → омонимичное название реки» (т.е. без какого-либо аффиксального дооформления). Такие контактные переносы названий селения на реку и наоборот хорошо известны в топонимии. Замечено, что первый тип перехода чаще происходил тогда, когда водный поток был незначительным, второй – когда река была полноводной и протяженной.

Отразившийся в ойкониме антропоним Нетригуз (именно эту форму мы считаем изначальной) был прозвищем, характеризовавшим неопрятного человека. В структурном отношении оно такое же, как и современные украинские отпрозвищные фамилии с отрицательно-императивным компонентом Недайборщ, Нейжмак и др., образовавшиеся лексико-синтаксическим способом. Первая часть интересующего нас прозвища – не три (от терти ‘вытирать’), вторая – гуз, присутствующая в ряде украинских и русских слов. Среди них: корневое слово гуз ‘нижня, утолщенная часть снопа’, гузно ‘зад человека’ и др. Эта основа имеется и в таком диалектном экспрессивном слове, как вертигуз ‘человек неопределенного поведения’, ‘двурушник’. Ср. параллельное употребление композиты вертигуз и базового словосочетания: «Чертове стерво, вертигуз! Так перед па-

нами гузном і вертить!» (Чабаненко-І, 135; со ссылкой на словарь Д.И.Эварницкого; записано в б.Бердянском уезде Таврической губернии). Ср. также: гузночух 'тот, кто чешет зад' (там же, 256); плескогуз 'человек с плоским задом'. Последний аппелятив реконструирован на основе реальной омонимичной фамилии (г.Днепропетровск). Фамилия Колигузов позволяет восстановить как прозвище Колигуз, так и утраченный аппелятив колигуз, первая часть которого мотивировалась украинским глаголом коливати 'качать, колыхать' (ср. коливний 'колеблющийся'; т.е. колигузом именовали человека с колеблющимися при ходьбе ягодицами).

Небольшие поселения, хутора нередко в прошлом получали названия, тождественные с именами или прозвищами их основателей и владельцев. Например, в бывшем Хорольском уезде Полтавской губернии в 60-е годы прошлого века было местечко Борис, кстати, передавшее свое название и протекавшей рядом речке Борис, притоку Сулы. Групповые прозвища потомков основателей селений бывшей Смоленской губернии – Сидора, Тита и др. отразились в плюральных формах ойконимов: Сидоры, Титы, Лазари, Романы, Аксены, Измаилы (он же хутор Измайлов) и т.д. Ойконимообразовательный процесс мог иметь и другое развитие. Название селения, вначале выступавшее в форме притяжательного прилагательного или родительного падежа со значением принадлежности, впоследствии освобождается от суффикса или флексии, снова превращаясь в исходный антропоним. Так, название Еленина коса (песчаная отмель у восточных берегов Азовского моря) в разговорной речи превращается в собственное имя Елена; деревня Софьяна в бывшей Смоленской губернии в живой речи становится Софьей и т.д. Сейчас уже трудно судить, по какому пути шло развитие ойконима Нетригуз: было ли так поименовано поселение вначале, или же такая форма появилась позже – как следствие «выпрямления» формы родительного принадлежности или десуффиксации отантропонимного притяжательного прилагательного. В названии речки получила отражение уже форма именительного падежа.

Часть вариантов топонима Нетригуз возникла в результате изменения его звукового состава. Выпадение артикуляционно ослабленного в интервокальной позиции фриктивного г привело к появлению формы Нетриус (Нитриус). Последняя, в свою очередь, изменилась в Нетривус (устранение зияния посредством вставочного звука в) и Нетрус (стяжение иу в у). Другие варианты – результат неточной, искаженной передачи топонима. В описательном названии Святой колодезь, отмеченном «Книгой Большому чертежу» (1627 г.), народный географический термин колодезь 'небольшая речка, ручей' имеет при себе мелиоративное определение, указывающее на какую-то особую роль, которую играл данный ручей в религиозной жизни местного населения конца XVI – начала XVII в. (поблизости были Святые горы и монастырь).

Гидронима Нетриус (из Нетригуз) задает нам еще одну загадку. Такое название встречается и на других территориях. Ерик Нетригус обнаружен среди притоков Кагальника, впадающего в Азовское море в районе Донских гирл (XVIII в., КЧАМ). Другой ерик Нетриус зафиксирован на рукописной «Карте окрестностей гор. Чугуева Харьковской губернии» 1845 г. (КОЧ – 1845 г.). Это один из левых притоков реки Уды, п.п. Северского Донца. В 1963 г. участниками топонимической экспедиции в населенные пункты северного побережья Азовского моря записано было название Нітріус, относившееся к небольшому заливу и впадающему в него ручью восточнее Белосарайской косы, на берегу так наз. Глубокого моря. Вероятнее всего, здесь имел место перенос названия левого притока Северского Донца – Нетригуза (Нетриуса), связанный с миграцией запорожских казаков в XVIII – XIX вв. из густонаселенной местности в Придонецье на присоединенные к России земли. Маловероятно, что в каждом из трех случаев происходили номинационные процессы, анало-

гичные тому, который протекал при образовании гидронима Нетригуз в бассейне Северского Донца.

К тому же, переносу гидронима Нетригуз (Нетриус) в процессе расселения жителей Придонецья могла способствовать возможная апеллятивация этого географического имени, когда им стали обозначать всякую небольшую речку, ручей. Подобное явление в конце прошлого века отметил В.Милорадович; по его наблюдениям, жители населенных пунктов Посулья (Сула – левый приток Днепра) переносили название Сула на всякую реку, употребляя это слово и во множественном числе – сулы ‘речки, ручьи’ (Милорадович, 328).

3. БЫК

В настоящее время так именуется левый приток Самары, л.п. Днепра. Его истоки – восточнее города Доброполье Донецкой области. Речка Бык протекает через Добропольский район, затем через Межевской и Петропаловский районы Днепропетровской области и впадает в Самару недалеко от Петропавловки. Это, по сути, одно из разветвлений Самары в ее верховье. По данным «Каталога річок України» (КРУ), длина Быка и собственно Самары до места их слияния примерно одинакова – соответственно 101 и 108 км.

Самые ранние фиксации гидронима – в «Книге Большому чертежу» (1627 г., КБЧ, 65, 110 – Бык) и на генеральной карте Украины Боплана (1650 г., МИРК – Bik). В «Росписи, что, по осмотру стряпчего Ивана Коломнина и ратных людей, около реки Самары вверх по той реке каких лесных угодий и всяких крепостей и урочищ и бродов» (2-я пол. XVII в.) речка Бык рассматривается еще не как приток Самары, а как ее «вершина», т.е. верховье: «А по сказке полтавского наказного полковника Ивана Искры речка Бык называется и вершина Самарская, а пошла вправо к Крыму, к речке Молочной..., а Самарская другая ж вершина (т.е. современное верховье Самары – Е.О.) к Муромской сакме...» (ЛЗАК, 62). В статейном списке стольника В.Тяпкина и дьяка Н.Зотова, направленных в 1680 г. в Крым для заключения Бахчисарайского договора, в описании их маршрута четко разграничиваются Самара, она же «большая река Самара», и Малая Самарь, ее приток (ССТЗ, 16-17). В другом, текстуально близком, статейном списке 1681 г., где описывается трасса Муравской сакмы по вершинам рек, интересующее нас разветвление Самары, т.е. р.Бык, именуется Большой Самарой, тогда как ее нынешняя вершина с истоками – Малой Самарью: «Мурафским шляхом пришли к речке Берестовеньке (Берестянка), от нового валу 30 верст.... От речки Берестовки шли...до вершины р. Берестовь», далее «до вершины Малыя Орели на Орельския озера», потом «до вершины и озер и большия Орели» и «на вершину речки Терновки», откуда уже «до верховья и озер Малыя Самари» и «пришли на Большую р.Самару» (Филарет, 272).

Академик О.Н.Трубачев первым указал на возможную связь самарского Быка с тюркским прилагательным *büyük* ‘большой’ (Трубачев, 204). Приведенные выше данные подтверждают его гипотезу. В своем верховье в XVII в. Самара имела несколько разветвлений с описательными названиями, в которых определяемым словом выступало имя главной реки – Самара, возникшее благодаря топонимизации тюрского народного географического термина самар ‘излучина реки; седловина’ (Отин, 100). Оно имело при себе дифференцирующие определения тоже тюрского происхождения. Одно из таких составных названий сохранилось в тексте «Межевой записи, учиненной у реки Дона...о разграничении Российского государства с Турецким» 1714 г. Правый приток Самары – река Большая Терновка именуется здесь Долун-Самар: «И от того места прибыв на речку Большую Терновку, а по-татарски называемую Долун-Самар...» (ПСЗРИ-V, 120). Это фитофорный топоним, в первой части которого отразился тюрк-

ский апеллятив дал (тал 'ветка; дерево; лоза, кустарниковая ива, тальник, верба' (Севортян, 131), т.е. Долун-Самар – это 'лозовая, вербовая Самара'. Ср. подобное фитофорное современное славянское название этой речки. В бассейне Самары есть несколько Лозовых и Лозоватых мокрых балок; Таловые речки имеются и в современной украинской гидронимии (СГУ, 553). В одном ряду с этим описательным тюркским названием находились и гидронимы с дифференцирующими определениями: Büyük Sämär 'большая Самара' (современная река Бык) и Küçük Sämär 'малая Самара' (современное верховье Самары). Типичная для потамонимов аугментативно-деминутивная пара Би-юк Самар (Большая Самара) – Кичик Самар (Малая Самара) впоследствии разрушилась. В славянской речи на базе тюркского прилагательного в первом гидрониме (Би-юк), благодаря аррадикации – сближению по внешнему сходству с широко известным апеллятивом бык образовался современный гидроним Бык. «Промежуточную» форму между топонимическим прилагательным Биюк и результатом его лексикофонетической адаптации в славянской речи – Бык мы обнаружили в микротопонимии населенных пунктов Северного Приазовья, основанных урумоговорящими греками, – Бык, от которой один шаг до Бык: Бык Сохах 'большая (т.е. главная) улица' (в селе Старый Комар); Бык Даг 'большой лес' (в селе Староигнатьевка). «Превращение» тюркского топонимического прилагательного Биюк в славянское название Бык имело место и на других территориях. Интересен факт синхронного функционирования звуковых вариантов этого тюркского слова в молдавской топонимии XIX в.: через предместье старого Кишинева – Буюканы (Боюканы) протекала речка Бык, именовавшаяся также ручьем Буюканским (1861 г, СНМРИ-БО, 1,9).

Освоение двух коррелятивных гидронимов Биюк (Буюк) Самар и Кичик Самар происходило и другим путем – буквального перевода (калькирования) их составных частей. В итоге это привело к появлению двух вариативных рядов: 1. Биюк (Буюк) Самар – вершина Самарская – Большая Самарь (Самара) – Бык; 2. Кичик Самар – вершина Самарская – Малая Самарь (Самара). Когда одна из «вершин Самарских» стала именоваться Быком, отпала необходимость в полном коррелятивном названии Малая Самарь (Самара), которое сократилось за счет пропуска утратившего смысл определения и стало однословным – Самара.

Зарегистрирован также вариант гидронима Большой Бык (СНПД, 43), в котором определение большой никак не связано с тюркским прилагательным биюк (буюк). Река была названа так потому, что рядом (выше по течению) в Самару впадает другой ее левый приток – речка Бычек (или Сухой Бычек) (ВТКЕГ), название которой, являясь деминутивным образованием (от гидронима Бык), вероятно, имело еще описательный вариант Малый Бык, т.е. прежде реально существовали коррелятивные пары имен этих сопредельных объектов: Бык – Бычек и Большой Бык – *Малый Бык.

Очевидно, в конце XVIII – нач. XIX в. отношение мотивационной зависимости Бык – Бычек было уже нарушено (вследствие утраты гидронимом Бычек диминутивного значения), благодаря чему стало возможным употребление формы Бычек и в качестве заместителя названия реки Бык. Этот факт оказался зафиксированным на картах №36 и 38 в «Российском атласе» 1800 г. (РА-1800 г.).

4. КЛЁБАН-БЫК

Речка, л.п. Кривого Торца, п.п. Казенного Торца, п.п. Северского Донца. Истоки – возле села Новоалександровки, Красноармейского р-на Донецкой области. Протекает по Константиновскому р-ну, впадает в Кривой Торец севернее г.Дзержинска. В низовье

речки – поселок Клебан-Бык, основанный в связи с началом строительства в 1946 г. Клебан-Быкского водохранилища.

Гидроним зафиксирован источниками со 2-й пол. XVIII в. Имеет много вариантов: Клебань Бык (АРИ – 1866 г. (КЕГ); Клебан Бык (1793 г., МИСОЕЕ – II, 58; СРДонБ, 54); Клебин Бык (СКЗР (LVII); Клебен Бык (КЕГ – 1856 г.); Клыбин Бык (1923 г., СНПД, с.21); Клевань Бык (1881-84 гг., ГИЮР, с.68); Клибил Бык (1778 г., КАНГ – 1778 г.); Климин Бык (2-я пол. XVIII в., КЕНЛ); Клабын Бык (1782 г., Корд – №32); Клёбан Бык (Эксп.); Клёпен Бык (Эксп.); Клепан Бык (Эксп.); Кинбен Бычок (ГК-1769 г.); Клибин Бычок (1772 г., ВЗК, с.17, 325-326: «до урочища речки Бычка, зовемого ныне Клибиного»); Бычок (АЕН-1784 г. (ПБУ); 1863 г. ВТКХГ – надпись Бычек на ней относится к среднему течению речки). На военно-топографической карте 40-х годов XX в. (масштаб: 1 : 50 000) правым притоком Кривого Торца подана речка Калиновка. Она сливается с речкой Бычок (в месте их слияния Калиновка полноводнее Бычка), после чего река получает уже название Клебан Бык.

Гидроним состоит из двух в настоящее время неясных частей, слившихся в одно слово (юстапозитивное имя), с общей флексией, что на письме обозначается дефисом. Основу обеих частей, по-видимому, составляют народные географические термины. Географические аппелятивы бык, бычок в восточнославянской оронимии имеют значения: «скалистый берег», «каменный утес», «камень в воде», «узкий обрывистый мыс между двумя отвершками оврага, балки», «плоская равнина между вершинами двух оврагов» и др. (Мурзаев, с.106-107); «холм на открытом месте» (Черепанова, с.29); «возвышенный мыс» (ср. в тексте 1644 г.: «против Стариковского броду на быку»; ОМ, 304). Ср. также «выпуклый известковый утес» Бык недалеко от села Нечаевки на левом берегу Дона, севернее города Задонска Воронежской области (1892 г., ФЗУ, с.3). На военно-топографической карте-трехверстке бывшей Таврической губернии (1862 г.) обозначена степная возвышенность (могила) Бык в верховье речки Зеленой, впадающей в Азовское море у села Урзуф (ВТКГ, ряд XXXIX, лист 15). Сейчас уже невозможно установить, какая из перечисленных географических реалий отразилась в интересующем нас названии речки. Еще более неясна первая часть топонима, имевшая, как видно из приведенного выше перечня вариантов гидронима, разнообразные графические, звуковые и морфологические вариации: основа клеб- (клыб-, клиб-, кляб-) + суф. -ань, -ан, -ин; основа клев- + суф. -ань; основа клеп- (клеп-) + суф. -ан, -ен и др., что, очевидно, свидетельствует о ранней утрате в местных говорах соответствующего аппелятива. Он повторился и в названии балки Клебина, впадающей в Кривой Торец слева, ниже устья Клебан-Быка (СРДонБ, 55; 1882 г., Гуров, с.116), и, возможно, балки Клебановой, п.п. Лозоватой, л.п. Татарки, л.п. Самары, л.п. Днепра (середина XIX в., ВТКЕГ).

Вариант гидронима Клебань (Клебан), очевидно, отапелятивного происхождения. Уже утраченный и нигде не зарегистрированный географический термин *клебань мог иметь такое же значение, что и ковбань «глубокая яма, наполненная водой, котловина» (из которых иногда вытекают ручьи и речки). Последний термин в украинских диалектах обладает развитой вариантноностью его звукового и морфемного состава. Б.Д.Гринченко приводит три варианта (ковбаня, ковбанька, ковбанюга), около двадцати разновидностей термина в населенных пунктах Сумщины и Черниговщины записала Е.А.Черепанова (указ. соч., с.97-101).

В гидронимии Украины отмечен и ряд гидронимов с основой клев-: Клевень, Клевань, Кливань (бас. Сейма, л.п. Десны, л.п. Днепра); Клевень, Клевеня, Кливень (бас. Десны, л.п. Днепра) СГУ, с.252). Эти названия с суффиксом -ань и -ень, очевидно, были топонимизированными народными гидронимическими терминами, имевши-

ми значения, близкие бессуффиксному орографическому апеллятиву клева (клива) в бойковских говорах – «глибока яруга» (Онишкевич, с.359). На территории юго-восточной Украины семантические различия терминов (если они существовали) могли нейтрализоваться, в результате чего появилась контаминированная форма клебань (со средним б из ковбань, ковбодина и др.).

Слово клебань вначале употреблялось при гидрониме Бык в роли детерминатива, первое время еще не входя в состав названия, а лишь указывая на характер географической реалии, имеющей название Бык. Не вызывает сомнения происхождение гидронима (благодаря переносу собственного имени по смежности объектов) от ранее появившегося оронима. Позднее произошло слияние этих двух слов в одном названии: Клебан (ь) – Бык, Клебан (ь) – Быка, Клебан (ь) – Быку и т.д.

Деминутивная форма Бычок в составном гидрониме – Клибын Бычок (1772 г.), Кинбен Бычок (ГКЕГ – 1856 г.) или выступающая самостоятельно (АЕН – 1784 г. (ПБУ); ВТКХГ) вместо исконной формы Бык – результат потери первой из них деминутивного значения. Производная форма Бычок вначале относилась к верховью (так на «Геометрической генеральной карте Екатеринославского наместничества» 1787 г., см.: ГТК – 1787 г.) или к средней части реки (так на ВТКХГ, 1863 г.), где река была маловодной или пересыхала. В народной речи в наше время часто встречается вариант Клёпан Бык. Первую его часть информанты осмысливают как краткое причастие от глагола клепать, а бык – как название опоры моста. Их нисколько не смущает отсутствие данных реалий.

СОКРАЩЕНИЯ

1. АВ – 1786 г. – Атлас, состоящий из 25 наместничеств Российской империи А.Вильбрехта, 1786 г. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, ед.хр. 19856;
2. АЕН – 1784 г. (ПБУ) – Атлас Екатеринославского наместничества, 1784 г. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, ед.хр. 18724 (план Бахмутского уезда);
3. АРИ – 1866 г. (КЕГ) – Атлас Российской империи с планами губернских городов. Вып. 3. СПб., 1866 (карта Екатеринославской губернии);
4. Величко – III – Летопись событий в юго-западной России в XVII-м веке. Составил Самоил Величко, бывший канцелярист Войска Запорожского, 1720 г., изд. Временной комиссии для разбора древних актов. Т. III, К., 1855;
5. ВЗК – Эварницкий Д.И. Вольности запорожских казаков. СПб., 1890;
6. ВИВС – III – Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. III. Губернии малороссийские и юго-западные. СПб., 1885;
7. ВСОРИ-ЕГ – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XI, ч.4. Екатеринославская губерния. СПб., 1850;
8. ВСОРИ-ХГ – Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XII, ч.1. Харьковская губерния. СПб., 1850;
9. ВТКЕГ – Военно-топографическая карта Екатеринославской губернии. Масштаб: 3 версты в 1 дюйме. Середина XIX в. ЦГВИА, ф. ВУА, ед.хр. 21308;
10. ВТК-ЗВД – Военно-топографическая карта Земли Войска Донского. Масштаб: 3 версты в 1 дюйме. 1853 г. ЦГВИА, ф. ВУА, ед.хр. 21 305;
11. ВТКТГ – Военно-топографическая карта Таврической губернии. Масштаб: 3 версты в 1 дюйме. 1862 г. ЦГВИА, ф. ВУА, ед.хр. 21504;
12. ВТКХГ – Военно-топографическая карта Харьковской губернии. Масштаб: 3 версты в 1 дюйме. 1863 г. ЦГВИА, ф. ВУА, ед.хр. 21504;

13. ГТК – 1787 г. – Геометрическая генеральная карта Екатеринославского наместничества, составленного из пятнадцати уездов, 1787 г. – «Записки історично-філологічного відділу» Всеукраїнської академії наук. Т. XXIV. К., 1929;
14. ГЕХГ – Гуров А.В. К геологии Екатеринославской и Харьковской губерний. Харьков, 1882;
15. ГИЮР – Домгер В. Геологические исследования в Южной России в 1881-1884 годах. С картой. СПб., 1902 (Труды Геологического комитета, т. XX, №1);
16. ГКБХР – Геологическая карта Боково-Хрустальского района Донецкого каменноугольного бассейна. – Приложение к книге: Родыгин Н.А. Геологический очерк Боково-Хрустальского антрацитового района Донецкого каменноугольного бассейна. Л., 1924;
17. ГКЕГ – 1856 г. – Гидрогеологическая карта Екатеринославской губернии, составленная по брульенам военной съемки в 1856 году. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, ед.хр. 23870;
18. ГОПМ – Мефферт Б.Ф. Геологический очерк Петровского каменноугольного месторождения в Изюмском уезде Харьковской губернии. – В кн.: Материалы по общей и прикладной геологии. Вып.122, 1926;
19. Гуров – Гуров А.В. К геологии Екатеринославской и Харьковской губерний. Харьков, 1882;
20. Даль – IV – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. СПб. – М., 1882;
21. ДД – II – Донские дела. – Русская историческая библиотека. Т. XXIV, кн. 2. СПб., 1906;
22. К. – Карты 30-40 годов XX в. Масштабы: 1 : 100 000, 1 : 50 000 и 1 : 25 000;
23. КАНГ – 1778 г. – Карта, представляющая Азовскую и Новороссийскую губернии с показанием смежных к оным земель. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, ед.хр. 20125;
24. КБЧ – Книга Большому Чертежу. М. – Л., 1950;
25. КЕНЛ – Карта Екатеринославского наместничества части, лежащей по левую сторону Днепра. Без года (вероятно, конец XVIII в.). Рукопись. ЦГВИА, ф.ВУА, ед.хр. 20171;
26. Кордт – №27 – Карта русско-турецкой и польской границ, 1760 г. (составитель – Я.Ф.Шмит). – В кн.: Кордт В. Матеріали до історії картографії України. Частина перша. У Києві, 1931;
27. Кордт – №32 – Генеральная карта Азовской губернии с ее уездами. Составитель – И.Исленьев. – Там же, №32;
28. КОЧ – 1845 г. – Карта окрестностей гор. Чугуева Харьковской губ. 1845 г. Масштаб: 2 верста в англ. дюйме. ЦГВИА, фонд. ВУА, ед.хр. 21502;
29. КРУ – Каталог річок України. К., 1957;
30. КХВ – 1781 г. – Карта, представляющая части Харьковского и Воронежского наместничества по смежности с Азовскою губернией. Сочинена июля 21 дня 1781 года. Рукопись. ЦГВИА, ф. ВУА, ед.хр. 20129;
31. КЧАМ – Топографическая карта части Азовского моря с устьями реки Дона и с показанием между рек Миуса и Дона ситуации и лежащих на ней крепостей: Семёновской, Таган-рога, Павловской, Черепахи, Таганрогской линии, святого Дмитрия Рост. и Азова. Рукопись. Масштаб: 2 версты. ЦГВИА, ед.хр. 22895;
32. КЧД – Карта части течения р.Донца от с.Печенег до впадения в сию реку р.Контриши. Рукопись. Б.г. (примерно 2-я пол. XVIII в.). ЦГВИА, ф.ВУА, ед.хр. 24143;

33. Ле-Пле – Геологическая карта Донецкого края и восьми каменноугольных групп, составленная Ле-Пле, главным горным инженером и профессором в Парижской горной школе и при пособии Г.Маленко, производившего разведочные работы в течение трех лет, 1837, 1839;
34. ЛЗАК – 1 – Летопись занятий Археологической комиссии. 1861 г. Вып.1. СПб., 1862;
35. Милорадович – Милорадович В. Снетинская старина. – «Киевская старина», IX–X. К., 1897;
36. МИРК – Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Вып.1 К., 1899;
37. НП – Народна пам'ять про казачтво. Запоріжжя, 1991;
38. МИСОЕЕ – II – Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Церкви и приходы прошедшего столетия. Вып.2. Екатеринослав, 1880;
39. Мурзаев – Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984;
40. ОГОХГ – Отчет по гидрогеологическому рекогносцировочному обследованию (Харьковской губернии). – В кн.: Доклады Харьковской земской управы очередному губернскому земскому собранию по страховому делу. Вып.2. Харьков, 1915;
41. ОМ – Оглоблин Н.Н. Обзорение историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного приказа. М., 1884;
42. Онишкевич – Онишкевич М.Й. Словник бойківських говірок. Частина перша. – К.: Наукова думка, 1984;
43. ОСОНК – Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч.1. Одесса, 1850;
44. ОСУХГ – Описание Слободско-Украинской Харьковской губернии. 1802. Харьков, 1889;
45. Отин – Отин Е.С. Самара и Жигули / Русская речь. – 1994. – №5.
46. ОХЕ – 4 – Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отделение 4. Краткий обзор епархии и монастыри. Харьков, 1857;
47. ОХЕ – 5 – Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отделение 5. Изюмский, Купянский и Старобельский уезды; Купянские и Старобельские округа военного поселения. Харьков, 1858;
48. ПБПВ – VII₂ – Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VII, вып.2. Изд-во АН СССР. М. – Л., 1946;
49. ПИНИУ – Борисьяк А. Последние исследования В.А.Наливкина в Изюмском уезде. – В кн.: Известия Геологического комитета. 1900 г. Т. XIX. СПб., 1900 (по материалам полевого журнала 1899 г.);
50. ПК – 1769 г. – Пограничная карта Российской и Турецкой империи и Польши, сочиненная по новейшим известиям при Академии наук адъютантом И.Ф.Шмитом. Ручкопись. ЦГВИА, ф. ВУА, ед.хр. 20117;
51. ПСЗРИ – V – Полное собрание законов Российской империи. Т. V. СПб., 1830;
52. РА – 1792 г. (КЕН) – Российский атлас, из сорока карт состоящий, на сорок на два наместничества империю разделяющий. Соч., гравир. и печат. при Горном училище, 1792 (карта Екатеринославского наместничества);
53. РА – 1800 г. – Российский атлас, из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию империю разделяющий. Издан при Географическом департаменте, 1800 г. (карты №№36 и 38);

54. РВЗ – Реестра всего Войска Запорожского после Зборовского договора с королем польским Яном Казимиром, составленные 1649 года, октября 16 дня и изданные по подлиннику О.М.Бодянским. М., 1875;
55. СГУ – Словник гідронімів України. К., Наукова думка, 1979;
56. Севортян – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1980;
57. Семенов – II, IV, V – Географическо-статистический словарь Российской империи. Сост. по поручению императорского Русского географического общества П.Семенов при содействии членов В.Зверинского, Н.Филиппова и Р.Маака. Т. 1-5. СПб, 1863-1885;
58. СКЗР (ЛП или LVII) – Специальная карта западной части России Г.А.Шуберта (листы ЛП и LVII). Без года (примерно 2-я пол. XVIII в.). ЦГВИА, ф. ВУА, ед.хр. 21512;
59. СНМРИ-БО – Списки населенных пунктов мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып.3. Бессарабская область. СПб, 1861;
60. СНПД – Список населенных пунктов Донбасса. Итоги сплошной подворной переписи. Январь-февраль 1923 г. Т.6. К., 1924;
61. СП – 1680 г. – Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 году, для заключения Бахчисарайского договора. Одесса, 1850;
62. СРДонБ – Маштаков П.Л. Список рек Донского бассейна. Л., 1934;
63. ССТЗ – Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 году, для заключения Бахчисарайского договора. Одесса, 1850;
64. Трубачев – Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968;
65. Тунманн – Тунманн. Крымское ханство. Симферополь, 1936 (перевод с немецкого издания 1784 г.);
66. ФЗУ – Мельгунов П. Флора Задонского уезда Воронежской губернии. М., 1892;
67. Филарет – Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. II. Харьков, 1857;
68. Ф.ВУА – фонд Военно-ученого архива;
69. ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив (г.Москва);
70. Чабаненко-1 – Чабаненко В.А. Словник говірок Нижньої наддніпрянщини. Т.1. Запоріжжя, 1992;
71. Черепанова – Черепанова Е.А. Народная географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья. Сумы, 1984;
72. Эксп. – Материалы диалектолого-топонимических экспедиций в 60-70-е годы.

РЕЗЮМЕ

У статті досліджуються етимологія і історія чотирьох гідронімів Північного Приазов'я – Балтамур, Нетриус, Бик-1 і Бик-2.

SUMMARY

In this article the etymology and history of four hydronyms of the Northern Azov Littoral (Baltamur, Netrius, Byk-1 and Byk-2) are discussed.

Надійшла до редакції 25.03.98 р.

К ВОПРОСУ О МЕТАЯЗЫКЕ ПОЭТИКИ ОНИМА (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ: СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ)

В.М.Калинкин

Лингвист постоянно сталкивается с проблемой метаязыка. И если ученый, изучающий отдельное, частное явление, может иногда обойти терминологические и некоторые другие трудности описания, то взявшийся за теоретическое исследование неизбежно приходит к необходимости развивать, уточнять и унифицировать терминологию своей научной дисциплины. Поскольку стремление к точности и однозначности высказываний естественно для научной речи, терминологическая часть метаязыка становится главным объектом внимания теоретика. Решать же вопросы, связанные с критериями отбора, уточнением или переопределением существующих и созданием новых терминов, можно только осмысливая гносеологические установки научного направления.

Поэтика онима – проблема не только дескриптивная, но и теоретическая. Если в части описания собственных имен в художественных произведениях, исследования их роли в отдельно взятом произведении или цикле произведений одного автора, изучения функций имен в творчестве авторов какого-либо литературного течения достигнуты вполне определенные успехи, то в области теории, обобщения накопленного успеха намного скромнее, и на этом фоне претензии некоторых исследователей на выделение частной проблемы направления в самостоятельную научную дисциплину выглядят несколько преждевременными [1]. Общеизвестно, что автономизация научных изысканий зависит от целого ряда факторов, наиболее существенными среди которых являются наличие собственного предмета изучения, собственных целей и задач научного поиска, осуществляемого на основе открываемых данным научным направлением закономерностей собственными методами. Все это попросту невозможно без совершенствования теоретического уровня исследования и организации знаний, которые, в свою очередь, не осуществимы без развитого языка описания.

Наблюдающийся в последнее время активный интерес к вопросам поэтики собственных имен [2], рост числа публикаций, отражающих как расширение спектра исследований, так и отсутствие единой терминологической базы, выдвигает проблему метаязыка поэтики собственных имен в число первоочередных. Априорно можно утверждать, что специфика объекта и предмета исследования ведет к возможности и необходимости иметь в составе метаязыка поэтики собственных имен термины и понятия нескольких филологических дисциплин. Условно все термины можно разделить на две неравные части. Большую неспецифическую часть терминологии составляют общенаучные, филологические (лингвистические и литературоведческие) термины, а в меньшую входят те термины ономастики, риторики и поэтики, которые предназначены для определения специфических черт поэтики собственных имен. Особую группу составляют узкоспециальные термины и понятия. Рассмотрению некоторых из них и посвящена настоящая статья.

Начать обсуждение метаязыка поэтики собственных имен целесообразно с краткого обзора терминов, применявшихся ранее или используемых в настоящее время для обозначения раздела ономастики, в рамках которого проводится исследование проприальных единиц в художественном тексте. Именно в термине-названии дисциплины обычно проявляется гносеологическая сущность научных устремлений. Так, исследователи, считавшие, что изучение функций собственных имен литературного произве-

дения – дело стилистики, применяли к традиционному термину *ономастика* определение *стилистическая*. «Отрасль лингвостилистики, изучающая СИ (собственные имена – В. К.) в художественной литературе, мы называем *стилистической ономастикой*, а ее подотделы – соответственно *стилистической антропонимикой*, *топонимикой* и т.п.» [3]. Это определение предполагало не только возможность, но и необходимость применения к описанию функционирования собственных имен метаязыка и инструментария лингвостилистики. Некоторые ученые пользуются термином *литературная ономастика* и, соответственно, *литературная антропонимика* [4], *топонимика* и т.д. В польской ономастике вначале получил распространение термин *nazewnictwo stylistyczne* [5], а в последнее время все большую популярность приобретает название *onomastyka literacka* [6]. В англоязычных публикациях для обозначения научного направления, изучающего собственные имена в художественных произведениях, использовались следующие терминологические сочетания: *literary onomastics* «литературная ономастика» [7], *study of names in fiction* «наука об именах в художественном произведении», а также *names in literature* «имена в литературе», *names in literary work* «имена в художественном произведении» [8]. Для значительной части исследователей наиболее приемлемым стал термин *поэтическая ономастика* [9], получивший в настоящее время наибольшее распространение.

Дело, как представляется, отнюдь не в предпочтении, зависящем от «вкусов» ученого, а в его приверженности той или иной исследовательской парадигме и стремлении уже в названии с максимально возможной степенью точности отразить специфику научного направления. Следует отметить, что даже среди тех, кто пользуется одним и тем же термином, возможны если не разногласия, то хотя бы некоторые различия в представлении о его объеме и содержании. Так, Э.Б. Магазаник предложил пользоваться термином *ономастика* для обозначения средств и функций «интенсивной поэтической ономастики» (в противовес *ономастилистике*, изучающей средства и функции «экстенсивной поэтической ономастики») [10]. А последовательный сторонник термина *поэтическая ономастика* Ю.А.Карпенко в работе 1979 года, еще сомневаясь (определение «поэтическая» дано в скобках), писал: «Даже при условии, что писатель отступает от существующих в языке ономастических норм, создавая в известной мере вымышленную, фантастическую систему именований персонажей, он все равно отражает общезыковое состояние. Поэтому под *литературной (поэтической) ономастикой* (курсив мой – В.К.) обычно понимают субъективное отражение объективного, осуществляемую автором «игру» общезыковыми ономастическими нормами» [11]. Как видим, в первом случае речь идет лишь о части поэтической ономастики, а вот в словаре Н.В. Подольской термин *ономатопозтика* [12] представлен как пусть «менее удачный, менее употребительный», но равноправный синоним, используемый (в том числе и Ю.А. Карпенко) параллельно с основным термином-словосочетанием, определяемым как «раздел ономастики, изучающий любые ИС (поэтонимы) в художественных литературных произведениях: принципы их создания, стиль, функционирование в тексте, восприятие читателем; а также мировоззрение и эстетические установки автора» [13].

Н.В.Подольская, много сделавшая для становления ономастической терминологической системы, отмечала, что оценки терминов специалистами, как правило, субъективны, многое «зависит от общеизвестности или малоизвестности термина (общеизвестный, как правило, стихийно принимается за удачный, хотя это не всегда соответствует истине)» [14]. Первым объективным критерием положительной оценки ономастического термина считается его однословность. В этом смысле все названия научной дисциплины, занимающейся изучением поэтики собственных имен, неудачны. По-

сколькx практически во всех приведенных случаях термин-словосочетание содержит общий элемент *ономастика*, в оценке не нуждающийся, нужно выяснить смысловую нагруженность определительных элементов составного термина и их влияние на «совокупное» значение наименования раздела научной дисциплины. Существенным недостатком определения *литературная* является то, что оно относится не к науке, а к ее объекту. Определение *стилистика* (в случае, если под стилистикой понимать раздел языкознания, изучающий *стиль* во всех языковедческих значениях этого термина) неудовлетворительно, прежде всего, потому, что выводит представление о предмете за рамки художественной речи, включая его в более широкий контекст языковых явлений. Прямым следствием другого недостатка, о котором речь идет ниже, является то, что большую популярность приобрело определение *поэтическая*. Основным достоинством термина *поэтическая ономастика* является его определительный компонент. С одной стороны, он является прямым указанием на художественную речь, чего нет в терминологическом элементе *стилистика*, а с другой «поглощает» смысл определения *стилистика*, поскольку стилистика художественного произведения – лишь раздел поэтики [15]. Безусловно наиболее точный (в сравнении с другими) термин *поэтическая ономастика*, к сожалению, не лишен недостатков, среди которых главный (как это ни парадоксально) – определение *поэтическая*. Так же, как и в сочетании *поэтический язык*, многозначность определения ведет к неоднозначности термина. Наименее желательны в этом случае ассоциации с оценочным словосочетанием, содержащим качественное прилагательное «поэтическая». Не исключены также сближения с понятием «ономастика стихотворной (или поэтической) речи», которые приводят к сужению объема термина. Поэтому необходимо ясное указание на то, что определение *поэтическая* образовано не от слова *поэзия*, а от термина *поэтика* (ποίητική), которым принято обозначать науку о художественном использовании языковых средств выражения. Лингвистическая по преимуществу направленность исследований поэтики онимов предполагает наличие в определении *поэтическая* дополнительного смысла. Иными словами, употребление термина *поэтическая ономастика* указывает на то, что собственные имена художественных произведений изучаются лингвистическими методами поэтики. Последнее, однако, вовсе не обозначает, что такой подход исключает использование литературоведческих приемов исследования поэтики собственных имен. В значительной степени проблемы, связанные с содержанием определения *поэтическая* снимаются при замене прилагательного на имя существительное *поэтика*, однако сочетание *поэтика ономатики* неприемлемо по причине соположения в нем названий научных дисциплин (с принятием условия именовать различные классы и категорию собственных имен в целом терминами, имеющими особые словообразовательные элементы, значение *совокупность имен* за словом *ономастика* не сохраняется). Преодоление недостатков такого сочетания возможно при замене термина *ономастика* на слово *оним*. Возникающее в результате терминологическое сочетание в плане содержания отражает специфику онтологии онима, проявляющуюся в акте художественной речи, а в плане выражения находит поддержку в широко известной генетивной конструкции *поэтика слова* [16]. Итак, научную дисциплину, изучающую собственные имена в художественном произведении можно именовать *поэтика онима*. Этим же термином будет обозначаться объект исследования. Широкое толкование понятия *поэтика онима* предполагает, что ним покрываются все сферы творческого использования проприальных единиц – от научного языка до жаргонов и разговорной речи. Узкое понимание термина позволяет ограничить пределы *поэтики онима* материалом художественных текстов, наиболее концентрированно и разносторонне пред-

ставляющих исследуемое явление.

Практически в каждой работе, посвященной собственным именам в художественном произведении, тем или иным способом затрагивается проблема их специфики. Так, А.В.Суперанская в онимах художественных произведений усматривает две специфические черты: «а) денотаты их конструируются на основе опыта художника, писателя, музыканта, но не обязательно существуют в действительности, б) они создаются по моделям имен реальных или нереальных предметов с учетом принадлежности их к определенному ономастическому полю» [17]. Наиболее значительной, из числа специально посвященных данной проблеме, является труднодоступная, к сожалению, (по причине публикации за рубежом) статья Ю.А.Карпенко [18], который выделяет пять признаков литературной онимии, отличающих ее от общенародной. Прежде всего отмечается *вторичность* поэтической онимии, под которой понимается свобода воплощения авторского отношения к представлению места, времени и среды с помощью соответствующего ассортимента онимов. Однако это только видимость свободы, поскольку даже в фантастических произведениях автор все равно опирается на действующие ономастические системы и нормы. Вторым называется фундаментальное отличие детерминированности реальной онимии от причинной обусловленности онимии поэтической. Первая в рамках данного языкового коллектива складывается веками и строго предопределена историческими и языковыми факторами, поэтическая же онимия относительно свободна и во многом зависит от воли автора. В то же время каждое собственное имя художественного произведения прочно связано не только со свойствами изображаемого (и названного онимом) предмета, но и с задачами произведения в целом. «Разнообразные связи литературного собственного имени ... со всей... образной системой произведения, связи с художественным замыслом, со всем художественным целым, связи с жанром, с художественной школой и стилем ... детерминируют ... литературную ономастику, существенно сужая ее субъективное начало» [19]. Важнейшим следствием двух названных особенностей является «функциональная перестройка» поэтической онимии. Если основная функция реальных онимов – дифференцирующая, то в поэтической онимии на первое место выдвигается стилистическая, которая, по мнению Ю.А.Карпенко, проявляется двояко: к человеческому *ratio* апеллирует информационно-стилистическая, а к *emotio* – эмоционально-стилистическая разновидность [20]. Следующей отличительной чертой поэтической онимии названа ее принадлежность к речи в отличие от общенародной онимии, которая принадлежит языку. Именно этим обстоятельством объясняются многие свойства поэтонимии, в том числе и особенности функционирования реальных онимов в художественном произведении. Последней отличительной чертой поэтонимии Ю.А. Карпенко называет наличие в художественном произведении собственного имени совершенно особого типа – заглавия [21]. Для обозначения столь специфического феномена, как собственное имя художественного произведения, в последнее время довольно часто используется термин *поэтоним*. Хотя он имеет безусловные достоинства, среди которых важнейшие – производность от греческих терминоэлементов и однословность, нужно отметить, что основным источником, на который ориентируются ономасты, фиксирует термин *поэтоним* лишь в качестве дополнительного к термину *поэтическое имя*. Н.В. Подольская определяет его как «имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции» [22]. В дополнение к определенным Ю.А. Карпенко особенностям поэтонимов следует указать на их семантическую неустойчивость, «процессуальность», «движение» вдоль оси «апеллятив-онома» [23]. В связи с названными выше специфическими чертами по-

этического имени, формулировка Н.В. Подольской представляется недостаточной. Кроме того, остается неясным, включает ли она в разряд поэтонимов те собственные имена художественного произведения, которые употреблены исключительно в номинативной функции. Прежде, чем завершить обсуждение аспектов, которые должны быть отражены в термине *поэтоним* (и зафиксированы в дефиниции), необходимо сделать одно попутное замечание. Ясности и точности изложения в исследованиях поэтики онимов должен способствовать единый принцип образования понятий из основного термина, к сожалению, далеко не постоянно соблюдаемый ономастами. Например, последовательно используя образования на *-ическ(ий)* от названий дисциплин и разделов ономастики, а определения на *-онимн(ый)* от собственных имен соответствующих классов, легко избежать мешающей восприятию омонимии. Следующий ряд, построенный с помощью типовых морфем от базового термина *поэтоним*, дает возможность включить его в терминосистему ономастики, не разрушая установившейся в ней структуры: *поэтоним* - (одно имя); *поэтоним+ия* - (неструктурированная совокупность поэтонимов); *поэтоним+икон* - (список, словарь, система поэтонимов); *поэтоним+изация* - (процесс превращения онима в поэтоним); *поэтоним+о+генез* (развитие изобразительно-содержательной сферы поэтонима); *поэтоним+ный* - (производное прилагательное). Итак, определение термина *поэтоним* нуждается в уточнении. В нем дополнительно к имеющимся должны быть отражены следующие существенные моменты: 1) вторичность («фиктивность»); 2) отнесенность к речи; 3) подвижность семантики; 4) базовый характер в терминотворчестве. Последнее свойство термина *поэтоним* ниже будет использовано при обсуждении еще одного специфического понятия поэтики онима.

Совокупность поэтонимов художественного произведения обычно складывается в систему. В поэтической ономастике для определения такой совокупности собственных имен довольно часто используется понятие *ономастическое пространство* [24]. Термин, впервые появившийся в форме *топономастическое пространство* в трудах В.Н.Топорова, позднее стал использоваться в нынешнем своем виде в работах А.В.Суперанской. Если В.Н.Топоров использовал термин применительно к собственным именам, относящимся преимущественно к мифологическому, сакральному и пространственному членению мира [25], то А.В.Суперанская перенесла это понятие на *весь комплекс онимов*, именующих как реально существующие пространственно-топографические объекты, отрезки и точки времени, живые существа и единичные предметы, так и объекты, созданные фантазией человека, в том числе и имена героев произведений литературы и искусства [26]. Каким быть термину или терминированному сочетанию для обозначения системы поэтонимов художественного произведения – вопрос не простой и не праздный. Дело в том, что по самой своей сущности поэтонимикон, по крайней мере эпического произведения (романа), есть символическое обозначение элементов мироустройства, занимающих (с большей или меньшей полнотой, но *неизбежно фрагментарно*) ключевые позиции в создаваемой художником слова поэтической модели мира. Такое представление о системе онимов поэтического мира ставит под сомнение возможность как более узкого (по В.Н.Топорову), так и более широкого (по А.В.Суперанской) представления о содержании понятия *ономастическое пространство*, применяемого для обозначения совокупности поэтонимов художественного произведения. В этом термине есть признаки соотносительности с литературоведческой категорией *пространства*, но отсутствует указание на *время* художественного произведения, удачно объединяемых в бахтинском понятии *хронотоп*. Но даст ли желаемый результат замена слова *пространство* на *хронотоп* или слова *ономасти-*

ческое на поэтонимное? Как включить в понятие любые собственные имена художественного произведения, указав тем самым, что термин применяется ко всей совокупности онимов для обозначения и места, и времени, и среды? Как сохранить в термине или сочетании терминов указание на то, что все *поэтонимы* суть *фиктонимы*? Возможно ли приложение одного понятия и к совокупности поэтонимов отдельного произведения, и к поэтонимикону поэтического мира творческой личности в целом? Хотя пока приходится не столько отвечать на вопросы, сколько ставить их, не вызывает сомнения необходимость в таком понятии, которым можно было бы обозначать систему собственных имен в отдельном художественном произведении и совокупность собственных имен, конструктивно входящих в поэтическую модель мира автора. Очевидно также, что при обозначении системных свойств проприальных единиц определение *ономастическое* нуждается в замене на *онимное*, когда речь идет об ономастиконе языка, и замене его на *поэтонимное*, когда обозначается системообразующая совокупность поэтонимов.

По принципу классификации системы онимов языка (с целью сохранения генетических связей с нею) можно разбить на группы по принадлежности имен к определенной категории объектов и поэтонимии художественной литературы. Так, объекту '*человек в художественном произведении*' будет соответствовать категория *антропоним* [греч. ἀνθρωπος, 'человек' + ποιέω 'делаю, творю' (ποίησις – 'поэтическое искусство') + ὄνμα 'имя']. Тем же способом образуются термины *зоопозоним* для имен животных, *фитопозоним* для названий растений, *топоним* и *космопозоним* и т.д. для обозначения соответственно географических и космических объектов в художественном произведении. Замена терминоэлемента *-оним* на *-поэтоним*, практически не вызывая затруднений, позволяет создать (по аналогии с общеязыковым) перечень очень емких терминов для обозначения имеющих индивидуальные имена объектов поэтического мира.

Проблемы метаязыка поэтики онима далеко не исчерпываются специальной терминологией, что будет показано во второй статье серии, которая будет посвящена языку описания антропонимов.

РЕЗЮМЕ

У статті розглянуто проблеми упорядкування існуючих та утворення нових засобів опису поетики власних назв у художньому творі. Містяться конкретні пропозиції щодо уточнення та уніфікації спеціальної термінології метамови поетики оніма.

SUMMARY

Problem of regulation of the existing means and creation of new ones for description of poetics of proper nouns in works of art is considered in the article. The concrete suggestions on making more precise and unification of special terminology of metalanguage are contained in it too.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Сошлемся на доклад Н.С.Колесник (Черновцы) «Умови визначення фольклорної ономастики як специфічного наукового напрямку» // Питання сучасної ономастики. Статті та тези VII Всеукраїнської ономастичної конференції (1-3 жовтня 1997р.). – Дніпропетровськ, 1997. – С.94-95. Суть висказуваний дослідника сводиться до необхідності виділення фольклорної ономастики в специфічне наукове направление.

2. См. в связи с этим нашу работу: Поэтическая ономастика: проблемы и перспективы развития (по следам VII Всеукраинской ономастической конференции) // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 5.
3. Зайцева К.Б. Английская стилистическая ономастика. Тексты лекций. – Одесса, 1973. – С.30. Gawor S. O funkcjach nazw osobowych i miejscowych w twórczości Ignacego Krasinskiego // Onomastica. – vol.X. – Wrocław – Warszawa – Kraków, 1965. – S.205. и др.
4. Щетинин Л.М. Слова, имена, вещи. Очерки об именах. Ростов-на-Дону, 1966. – С.119; Карпенко М.В. Русская антропонимика. Конспект лекций спецкурса. – Одесса: ОГУ, 1970. – С. 13, 14 и т.д.
5. Piszczkowski M. Niektóre zagadnienia nazewnictwa stylistycznego // Onomastyka – vol.III. – Wrocław – Warszawa – Kraków, 1957. – S.116-128.
6. Под таким названием вышел сборник работ, объединивший доклады на VIII Общепольской ономастической конференции и несколько тематически сходных статей других авторов Onomastyka literacka / Pod red. M.Biolik. – Olsztyn, 1993. – 395 s.
7. Maurer W.R. Another view of literary onomastics // NAMES. – vol.11 – №2. – June 1963. – P.106-114; Gerus-Tarnawecy I. Literary onomastics // NAMES. – vol.16 – №4. Dec. 1968. – P.312-324.
8. Rudnickij J.B. Functions of proper names in Literary work // Stil und Formprobleme in der Literatur. – Heidelberg, 1960. – P.378-373.
9. Магазаник Э.Б. Имена собственные в художественной литературе // Русская речь. – №3. – 1968. – С.23-24.; Поэтика имен и эзопов подтекст в повести Гоголя «Вий» // Труды Самаркандского гос. ун-та., новая серия. – Вып. 123. – Ч.2. – Самарканд, 1963. – С.1 17-123; Магазаник Э.Б. Поэтика имен собственных в русской классической литературе. Имя и подтекст. Автореф. канд. дисс. – Самарканд, 1967. – С.4.
10. Магазаник Э.Б. Ономапоэтика, или «Говорящие имена» в литературе. – Ташкент: Фан, 1978. – С.5.
11. Карпенко Ю.А. Пушкинский ономастикон «Повестей Белкина» // Русское языкознание. – Киев: КГУ, 1981. – Вып.2. – С.80.
12. Игнорирование многими исследователями различия в написании слов «ономатопэтика» и «ономапоэтика» естественным образом ведет к их отождествлению.
13. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука. 1988. – С.96.
14. Подольская Н.В. Ук. соч. – С. 11.
15. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С.420.
16. Григорьев В.П. Поэтика слова. – М.: Наука, 1979. – 344 с.
17. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – С. 148.
18. Карпенко Ю.А. Специфика имени собственного в художественной литературе // Onomastica XXXI, 1986 – С. 6 – 22.
19. Карпенко Ю.А. Ук. соч.–С.11.
20. Карпенко Ю.А. Ук. соч – С.14-15.
21. Полностью солидаризируюсь с Ю.А. Карпенко в том, что «заглавия художественных произведений – это особая проблема, тема отдельного и обстоятельного анализа», исключим последний признак как все-таки факультативный по отношению к проблеме разграничения ономастикона и поэтонимикона.
22. Подольская Н.В. Ук. соч. – С.108.
23. См.: Калинин В.М. Несколько предварительных замечаний к теории поэтонима //

Матеріали вузівської наукової конференції професорсько-викладацького складу за підсумками науково-дослідницької роботи: Філологічні науки. – Донецьк: ДонДУ, 1997. – С.І 14-116.

24. См. например: Немировская А.Ф. Ономастическое пространство в художественном тексте. – АКД. – Киев, 1989. – 16 с.
25. Топоров В.Н. Из области теоретической топономастики // Вопросы языкознания. – 1962. – №6: О палийской топономастике // Топонимика Востока. Исследования и материалы. – М., 1969 и ряд других работ.
26. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

Надійшла до редакції 25.05.98 р.

ББК Ш10 + 316.1

О ПРИНЦИПЕ ЭРГОНИМНОЙ НОМИНАЦИИ

Е.Г.Микина

Изучение имен собственных отечественными лингвистами началось сравнительно недавно. Но накопленный опыт позволяет отнести все виды онимов (ойконимы, гидронимы, хоронимы, антропонимы и т.д.) к особому разряду лексики, именуемому специальной лексикой [2,29], анализ которой основывается на методах, отличных от тех, что применяются при изучении имен нарицательных, т.е. общей лексики языка. К специальной лексике относятся и эргонимы (наименования различных деловых объединений людей), а значит и они требуют особого подхода при анализе. В ономастике сложилась традиция рассматривать эргонимы с позиций принципов и способов номинации. Эти понятия очень многогранны, и изложение их сути в полном объеме в рамках одной статьи представляется невозможным. Объектом анализа в настоящей работе выберем принцип эргонимной номинации.

В принципе номинации отражается внеязыковая социальная сторона наименования. В основе этого явления лежит диалектическая связь, взаимообусловленность лексико-семантической системы языка и фактов действительности.

Принцип номинации выявляет логическую, семантическую связь между словом и объектом номинации. Изучение этой категории является необычайно важным, так как принцип номинации – явление не национальное, а всеобщее. Психология человека проявляется не только в личностных, индивидуальных качествах, но и в человеческих. «В связи с общим свойством человеческого разума давать имена и избирать в качестве их основ определенные принципы, многие типичные экстралингвистические отношения находят типичные языковые отражения в плане содержания» [3, 350]. Поэтому механизмы мотивации названий в любом языке схожи между собой. Это касается и эргонимии, что подтверждается анализом эргонимических систем трех языков, принадлежащих к разным языковым группам: французского, английского и русского.

Название отражает информацию, которой владеет человек об объекте номинации. Появление названия – результат познания человеком соответствующего объекта, при котором выявляются наиболее существенные признаки, которые становятся мотивировочными для будущих названий. Например, эргоним может отражать назначение предприятия, характер производимой продукции или результат деятельности учреждения (если это не производство). Нередко компонентом эргонима бывает топоним, который указывает на местонахождение предприятия. Причем это может быть ойконим,

гидроним, хороним, ороним и т. д. Название может включать имя владельца или основателя предприятия. Часто эргоним указывает на родственные связи совладельцев.

Следует отметить, что экстралингвистическая мотивированность названия нередко бывает столь завуалированной, что для ее расшифровки приходится обращаться к энциклопедическому словарю. Но порой такие поиски также остаются безуспешными, так как название может быть дано из-за сиюминутного настроения, каприза автора эргонима. В таких случаях оно является случайным. Основание мотивации может и теряться вследствие процесса демотивации или деэтимологизации, носящего диахронный характер.

Большое влияние на развитие эргонимов оказывают социальные факторы: культура народа, его история. Например, русская эргонимия подверглась существенным изменениям после 1917 года. В это время в России появляется огромное количество наименований, отражающих идеологию нового социального строя (**Красное знамя, Серп и молот, Большевик** и т.д.). Революция во многом прервала естественное развитие большинства сфер социальной жизни, в том числе и эргонимии. Например, в связи с ликвидацией частной собственности полностью реформировался антропонимный принцип номинации деловых объединений людей: исчезли названия, включающие фамилии владельцев, основателей предприятий, исключен был и интереснейший принцип номинации, отражающий родственные связи совладельцев предприятий. Взамен этому – названия-символы, тиражирующие имена одних и тех же деятелей революции.

В последние годы в связи с преобразованиями в экономике и возвращением частной собственности происходят существенные изменения в области номинации эргонимов как в России, так и в Украине. Правда, коснулись они в первую очередь предприятий малого бизнеса. В Донецке, например, наряду с традиционными эргонимами, такими как **Донецкий металлургический завод, шахта им. М.Горького, кинотеатр им. Т.Шевченко, универмаг «Белый лебедь»**, появились новые названия, несущие на себе отпечаток времени: супермаркет **«В XXI век»**, лавка купца **Устинова**, магазины **«Луксор»**, **«Маркопицци»** и т.д. Мы находим в таких названиях подтверждение слов Л.Сенеана, написанных еще в начале века, о том, что весь язык, как прекрасный социальный орган, является «верным хранителем прошлого и в то же время надежным свидетелем последних трансформаций общества, его нужд, устремлений» [8, 67]. Имена собственные, как часть языка, тесным образом связанная с общественной жизнью, требуют их рассмотрения в свете социальных явлений. Ф.Брюно принадлежат слова о том, что в топонимах, в число которых французские ономасты включали и имена деловых объединений людей, как в памятниках, написана общая и локальная история [6, 40].

Подтверждением того, что развитие эргонимии идет параллельно с историей народа, является и полная трансформация названий во Франции в период Великой французской революции. В этот период эргонимы в большинстве своем перестают отражать привычную мотивацию: покровительство святых, орудия труда, профессию владельцев. Исчезают и привычные для эргонимии выдуманные, ничего не значащие слова. Наблюдается крайняя политизация названий, лишь самые нейтральные из них остались неизменными.

В первую очередь исчезли все названия, имеющие хоть какое-то отношение к королевской тематике. Этому способствовал декрет Национальной ассамблеи, приказывающий повсюду уничтожить королевские эмблемы. Данный декрет был особенно суров в отношении вывесок с названиями различных заведений. Поэтому один за другим менялись эргонимы: **Grand Monarque > Grand Vainqueur, Tigre royal > Tigre national** [7, 355] и т.д. Некоторые названия становились непопулярными в силу их случайности. Так, **Hôtel du Lys**, названный владельцем в честь своей родной деревни Lys, был спешно переименован в отель **Mirabeau**, так как имя нарицательное lys (лилия)

слишком откровенно напоминало fleur de lis (цветок лилии) - геральдическую лилию, эмблему королевской власти во Франции [7, 354].

Из страха стать объектом доносов и подозрений многие владельцы спешили менять даже самые безобидные названия. Так, кабачок **Au rendez-vous des marins d'eau douce** стал называться **Au rends-toi des marins d'eau douce** [7, 358]. Французское существительное rendez-vous (субстантивированная личная форма глагола se rendre во втором лице множественного числа) было подвергнуто «реформированию» из-за желания соблюсти революционное обращение «на ты».

Период с 1789 по 1799 год был временем расцвета кафе, где собирались политические единомышленники для обсуждения своих проблем. Большая часть таких кафе превратилась в политические клубы, о чем говорили их названия: **Canonniers, Café de la Liberté conquise, Club des Enragés, Club Social** [5, 69]. Политизация эргонимов стала ослабевать в период Директории (1795-1799), когда вновь стали популярными неполитические, безобидные названия.

Каждое название в языке создается конкретными людьми, но судьба созданного зависит от общества. «Несмотря на огромное разнообразие внутреннелингвистических и внешнелингвистических факторов, определяющих судьбу вновь возникшего слова или формы, решающая роль всегда принадлежит обществу. Общество окончательно создает и формирует язык в подлинном смысле этого слова» [4, 151]. Известное положение топонимики, которое гласит, что «даже если название указывает на признак объекта, то отбор этого признака продиктован только интересами общества» [1, 24], полностью справедливо и для эргонимии. В конечном итоге автор эргонима очень часто преследует рекламный, коммерческий интерес. Эргоним рассчитан на использование людьми, на привлечение внимания потребителя к соответствующему денотату. Немаловажное значение имеет и такой фактор, как мода.

Важным условием развития номинативной системы эргонимов является тенденция к произвольности, стремление автора имени выйти за пределы привычной мотивационной схемы. Обязательное соблюдение установившихся норм номинации, отсутствие варьирования в системе мотивации, тенденция к жесткой мотивированности привели бы в конечном счете к торможению развития класса эргонимов. Отсюда тенденция к произвольности как стремление к свободе развития. Таким образом, создание эргонима, как и любого другого имени, это точка приложения двух разнонаправленных тенденций – к мотивированности (связь с предметом) и к произвольности (связь с мышлением). Нередко в названии отражается общая культура, интеллект, широта знаний владельца.

В отличие от естественной номинации, где название любого объекта вступает в возможную конкуренцию с другими названиями, проходит стадию узуализации, эргоним сразу ориентирован на употребление. Отсюда вытекает огромная ответственность автора названия.

Полноценное функционирование названия зависит от его приемлемости в рамках всей системы наименований. Здесь имеется в виду непротиворечие названия здравому смыслу. Несмотря на свободу и право автора эргонима выбирать тот или иной принцип номинации, название должно вписываться в общую эргонимическую систему и не разлагать ее изнутри.

В наиболее общем виде выделяются три принципа номинации эргонимов: по характеру деятельности предприятия, по местонахождению, по связи с человеком. Но для подавляющего числа эргонимов русских, французских и английских, представляющих собой словосочетания (подчас многокомпонентные) или сложные слова, вопрос выделения принципов номинации не является столь однозначным. Как правило, подобные эргонимы

заключають в себе два і більше признака. Наприклад, в ергонимі **Renault Billancour** содержится указание на имя основателя фирмы Рено и на город, в котором завод расположен. Таким образом, очень трудно установить четкую границу между блоками названий, имеющих конкретный, единственный принцип номинации. А в большинстве случаев это невозможно. Поэтому при выделении принципа номинации эргонимов необходимо опираться на следующую градацию: к первой группе эргонимов относятся те, которые в качестве компонентов включают апеллятивы; ко второй – названия с топонимным компонентом; к третьей – названия, включающие имя человека. При этом эргонимы, в которых содержатся и топоним, и антропоним, нужно рассматривать в третьей группе. Это объясняется большей информативной конкретностью названий с компонентом «имя человека». В комплексе эргонимов, включающих название какого-либо города, антропоним играет роль разграничителя. Каждый из трех принципов номинации осуществляется через ряд однотипных признаков. Для иллюстрации многообразия мотивировочных признаков, положенных в основу эргонимов, приведем примеры одного из принципов номинации, а именно по связи с человеком. А для подтверждения универсальности номинационных процессов в эргонимии, рассмотрим названия из трех вышеназванных языков.

Отражение в названии такого признака, как имя и фамилия владельца, является ведущим для эргонимии любого языка при нормальных условиях экономического развития страны. Сравнительный анализ эргонимов, образованных от имени владельца предприятия, показал, что их удельный вес во французском, английском языке, а также в русском дореволюционного периода – примерно одинаков. В советский период русская эргонимия претерпела крупные деформации: антропонимный принцип эргонимной номинации приобрел ярко выраженный идеологический характер, когда на смену именам предпринимателей пришли имена революционных идолов. Поэтому данный признак (имя и фамилия предпринимателя) в русской эргонимии советского периода отсутствует. Но как отмечалось выше, сейчас такие названия активно возрождаются.

Приведем примеры из трех языков: **Felix Potin, Hochet et Bardout, Merlin Gerin SA; Frisby, Accles and Pollock; Эрнест, Михаил, Довгань.**

Интересно, что в русской дореволюционной эргонимии более типичными были названия, образованные по схеме «антропоним + апеллятив, характеризующий производство». Например, **Механические заводы Афанасьева, Механический завод подрядного бурения Агабекова, Чугунолитейный завод Барона.**

Часто предприятие носит имя основателя фирмы, родоначальника отрасли. Например, завод **Automobiles Citroen** назван в честь его основателя Андре Ситроена. А завод **Ciments Vicat** носит имя Луи-Жозефа Вика, инженера дорожного ведомства первой половины 19 века, который, будучи назначенным на строительство моста через реку Дордонь, совершил ряд важных открытий в производстве цемента для машиностроения. Название английского крупного газетного концерна **Beaverbrook Press** напоминает о его основателе лорде Бивербруке. Завод Боссе в дореволюционной Юзовке также носил имя своего основателя.

Часто название отражает родственные связи владельцев предприятия: **Samat Père et Fils, Les Fils de C. Chapeland, Belmonte et Frère; John Bartholomew and Son, Smith and Nephew, Chivas Brothers; Аксенов П.П. и братья Уткины, Беляева П. наследники.**

Часто в эргониме соединяется имя владельца с названием местности. Так, целая серия из названий кафе Дюпона во Франции выглядит следующим образом: **Dupont-Clichy** – на площади Клиши; **Dupont-Barbès** в Барбе-Рошешуаре; **Dupont-Parnasse** – на бульваре Монпарнасс; **Dupont-Latin** – в Латинском квартале.

Название всемирно известной фирмы **Rhône-Poulenc** объясняется тем, что это предприятие возникло в 1929 году из-за слияния Химического общества заводов Роны (**Société Chimiques des Usines du Rhône**) и предприятий Пуленка (**E^t Poulenc**).

Аналогичное происхождение у названия **Alsthom** – слияние в 1930 году Эльзасского общества (**Société Alsacienne**) и фирмы Томсон-Устон (**Thomson-Houston**).

Очень продуктивным является ассоциативный признак отантропонимного принципа номинации, когда имя, данное первоначально одному предприятию, впоследствии присваивается целому ряду родственных, смежных предприятий, филиалам:

Automobiles Citroën, Sté Commerciale Citroën, Engrenages et Réducteurs Citroën; Renault Billancourt, Renault de Béziers, Renault Douai.

В подобных названиях антропоним теряет связь с конкретным лицом. Но у него появляются другие функции, и первая – ассоциативная. Десемантизированное имя человека вызывает в сознании носителя языка устойчивую связь между названием родственного предприятия и продукцией, выпускаемой головным предприятием. Производный эргоним является своего рода гарантом качества. Если объект становится всемирно известным, столь же известным становится и его имя, которое вследствие этого обретает способность употребляться как нарицательное, а значит, обретает связь с новым понятием. В приведенных выше примерах имена Ситроен и Рено вызывают ассоциации лишь с хорошо известными марками автомобилей. А связь этих имен с конкретными историческими лицами отодвигается на второй план и часто вообще стирается. Поэтому одной из важнейших функций ассоциативных эргонимов является рекламная функция. Но, кроме этого, на подобном выборе имени предприятия сказывается тот очевидный факт, что «любой человек может удержать в долговременной памяти лишь ограниченное число имен» [3, 349]. Использование в качестве компонента названия хорошо известного имени не вызовет перегрузки памяти.

Нередко название предприятия является посвящением какому-либо историческому лицу. Выше уже приводились примеры эргонимов, связанных с идеологией. Добавим к ним и отантропонимные названия. Особенно много их среди русских наименований колхозов: **им. Ленина, Память Калинина, Путь Ленина, им. П.Ангелиной** и т.д. Но не только политики, герои революции, войны и труда оставили свой след в эргонимах. Французское общество **Société Anatole France** носит имя великого писателя. Концертный зал в Лондоне **Albert Hall** назван в честь принца Альберта.

Итак, мы рассмотрели эргонимы отантропонимного принципа номинации и увидели, что принципы номинации – явление не национальное, а всеобщее, они схожи не только у родственных языков, но и у языков, относящихся к разным группам. То есть можно говорить об универсальности принципов номинации в различных языковых системах. Это не противоречит общим законам психолингвистики, так как психология человека проявляется не только в личностных, индивидуальных качествах, но и в общечеловеческих.

РЕЗЮМЕ

В статті розглядається одне з основних понять ергонімної номінації – принципи номінації ділового об'єднання людей, що відображають екстралінгвістичну мотивацію назв підприємств. Для ілюстрації висновків надаються приклади ергонімів відантропонімного принципу номінації з трьох мов: французької, англійської та російської.

SUMMARY

This article deals with one the essential notions of egronymic nomination, principles of nomination, reflecting extralinguistic motivation of the names of enterprises. To illustrate ergonymic terminology, examples from French, English & Russian are cited, formed in accordance with deanthroponymic of nomination.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никонов В.А. Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965.
2. Суперанская А.В. Имя собственное как разряд специальной лексики. // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV Ономастика, К.1, Ч.1 Имя и культура. – М.: 1993. – С.29-36.
3. Суперанская А.В. Ономастические универсалии // Восточнославянская ономастика. – М.: Наука, 1972. – С.346-356.
4. Языковая номинация: (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977.
5. Almérás H.d'. La vie parisienne sous la Révolution et le Directoire. – Paris: A.Michel, 1909.
6. Brunot F. La pensée et la langue. - Paris: Masson et Cie, 1936.
7. Fournier E. Histoire des enseignes de Paris. – P.: E.Dentu, 1884.
8. Sainéan L. Le langage parisien au XIXe siècle. – Paris: E. De Boccard, 1920.

Надійшла до редакції 15.03.98 р.

ББК Ш12=471.1+03

ОДНОКОРЕННЫЕ ПРОИЗВОДНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСАМИ -AGE, -ANCE, -AISON, -EMENT В СТАРОФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРИОД

С.Е.Кремзикова

Характерной особенностью старофранцузского словообразования является многочисленность и разнообразие формантов (суффиксов), образующих отглагольные имена действия. К ним относятся: -ement, -age, -ance, -erie, -aison (-oison, -ison), -ure, -ee, -eis, -aille, -ité, -eure.

Примечательно, что многие из вышеназванных суффиксов могли присоединяться к одной и той же производящей основе, образуя ряд однокоренных имен действия:

laver – *lavance*, *lavement*, *laveure*, *lavaille*;

clamer – *clamor*, *clamoison*, *clamance*;

tenir – *tenance*, *tenement*, *teneure*, *tenure*, *tenage*;

garnir – *garnement*, *garnissement*, *garnison*.

Исследователи уже обращали внимание на причины этого явления и объясняли его отсутствием языковых норм, потребностью языка в лексическом обогащении, отсутствием дифференциации суффиксов по значению и функции. Отмечалось также, что это явление носило общелитературный характер, т.е. встречалось в произведениях всех видных поэтов XI-XIII вв. [см. С.Г.Сахадзе АКД 1966].

Существуют различные точки зрения на роль суффикса в словообразовательном процессе. Многие лингвисты указывают на активную роль суффикса. Так, Марчанд, говоря о доминирующем грамматическом значении суффикса в процессе суффиксаль-

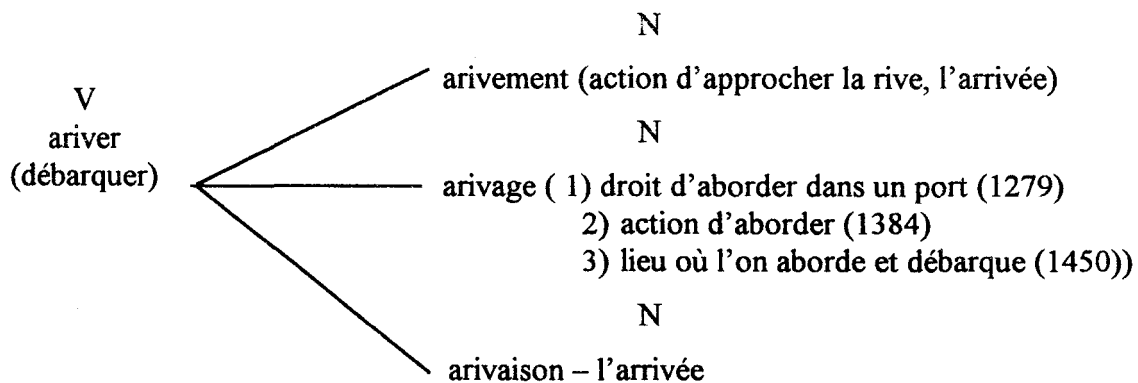
ной деривации, проводит мысль о том, что в большинстве случаев он является также определяющим семантическим элементом [H.Marchand, 66:174].

Считают, что кроме категориального значения, общего словообразовательного значения, суффиксы обладают потенциальными семами сигнификативного значения, которые могут реализоваться в производном в зависимости от наличия в семантической структуре производящего слова родственных им сем [закон семантической сочетаемости, Степанова М.Д., 1979].

Различная индивидуальная активность суффиксов проявляется и в старофранцузский период. Присоединяясь к производящей основе с одним и тем же лексическим значением, суффиксы -age, -ement, -ance, -erie, -ee, -aison, -ure, -eure, -aille каждый по-своему влияет на изменение этого лексического значения в производных словах, реализуя потенциальные компоненты значения (как суффикса, так и основы). Проведенный анализ показал, что только в некоторых случаях источники подтверждают полную эквивалентность производных имен действия. Более убедительной представляется точка зрения G.Merk, согласно которой взаимодействие индивидуальных сем суффиксов с семантической структурой базового слова происходит таким образом, что «... les divers suffixes sont accrochés non pas à l'entier du noyau sémantique, mais à l'un de ses sèmes constituants» [G.Merk; 1982:496].

Как показало исследование, наиболее продуктивными словообразовательными типами существительных со значением действия в старофранцузский период были образования с суффиксами -ement, -ance, -aison (-ison, -oison), -age.

Так, соединяясь с глаголами конкретного физического действия (движения), эти суффиксы могли реализовать следующие словообразовательные значения: действия, результата, места действия и др.

«Et entendu par celes (letres) vostre arivement a Damiete.»

(20 av. 1250, Alph. de Poit. LS.L. Arch. I 890) Gdf. 1)

«De cele grant arivaison Furent en effroi li Breton.»

(Ben.D. de Norm. II)

«Les marchandises qu'on transportait sur la Saone devaient payer les droits qui s'appelaient arivage, avaulage et tenter ou tantier.»

(Les péages ... p.23)

Реализуя различные аспекты словообразовательного значения процессуального признака, входя в одну словообразовательную категорию имен действия, производные с суффиксами -ement, -age, -aison отличаются семантически и функционально. Так, производные с -aison чаще встречаются в поэтических текстах, образования с -ement наиболее нейтральны в силу своего чисто категориального значения и употребляются как в прозе, так и в поэзии, что же касается производных на -age, то они в старофран-

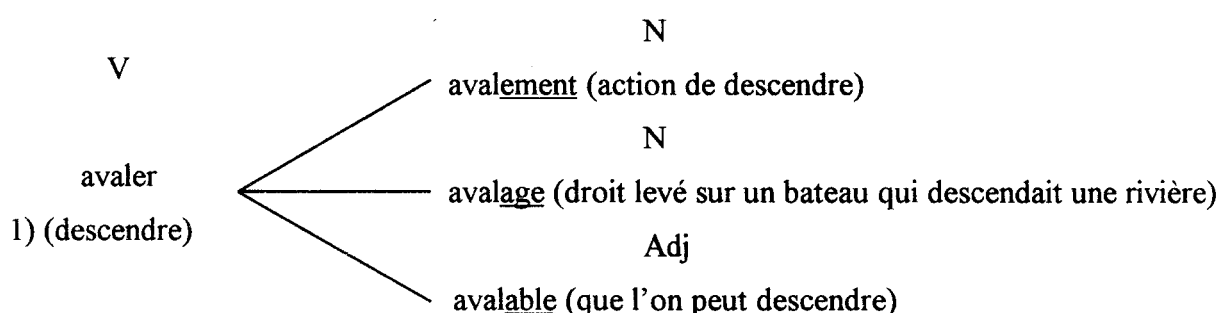
цузский период встречались чаще всего в юридических документах, обозначая фискальные термины.

Следует отметить, что однокоренные производные с этими суффиксами по-разному коррелировали друг с другом в рамках многозвенного словообразовательного ряда. Так, присоединяясь к одному и тому же лексико-семантическому варианту (ЛСВ), они могли являться членами одного ряда, реализуя либо синонимичные, либо разные словообразовательные значения.

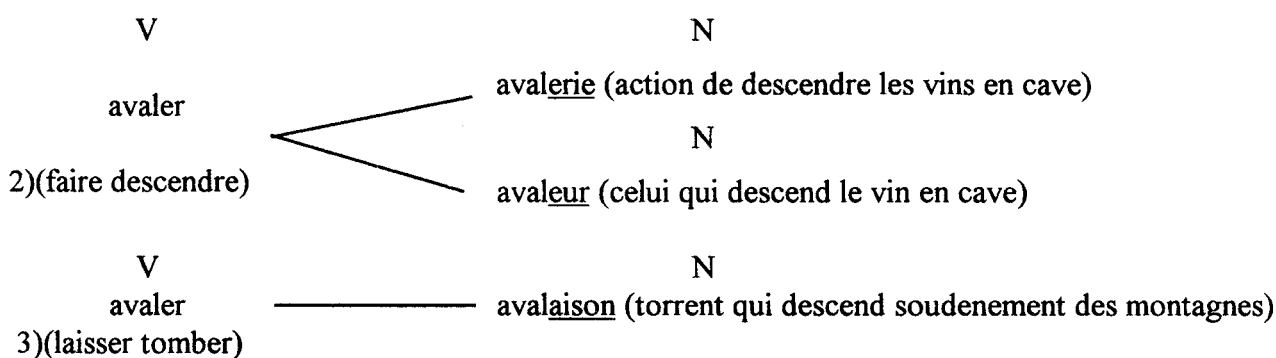
Многозвенный словообразовательный ряд глагола avaler в старофранцузский период состоял из таких звеньев, где производные на -ement и -age занимали разные ступени ряда, реализуя СЗ – действия и результата действия.

Если же суффиксы -age, -ement, -erie, -aison присоединялись к различным ЛСВ глагола, то такие производные являлись звеньями разных словообразовательных рядов.

Например, глагол avaler дает следующие ряды:

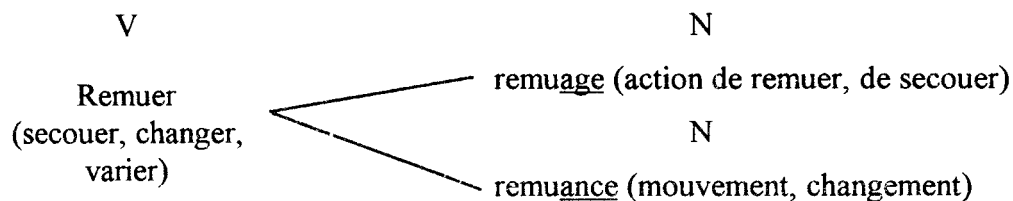

Производные с суффиксами -erie, -aison коррелируют с avalage, как однокатегориальные образования, но входят в другие словообразовательные ряды, согласно лексико-семантическому варианту (ЛСВ), который они реализуют:

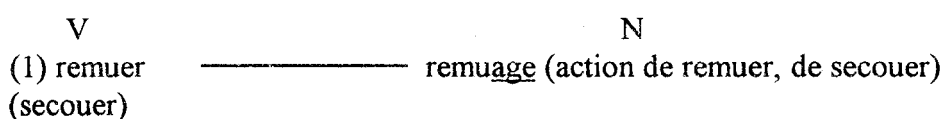

Таким образом, соединяясь с глаголами конкретного физического действия, суффикс -age, реализует в производных семы конкретного действия, результата (конкретного или отвлеченного понятия) и коррелирует с образованиями на -ement, -aison, -erie, которые, имея общее словообразовательное значение действия, реализуют вторичные словообразовательные значения и актуализируют иные дифференциальные семы. Если в семантической структуре производящего глагола наряду с семами конкретного действия существовали и семы отвлеченного понятия, то наблюдаются следующие словообразовательные корреляции -age, -ement, -ance в звене отглагольных имен действия.

Так в старофранцузский период с глаголом «Remuer» могли сочетаться различные по семантической характеристике суффиксы.

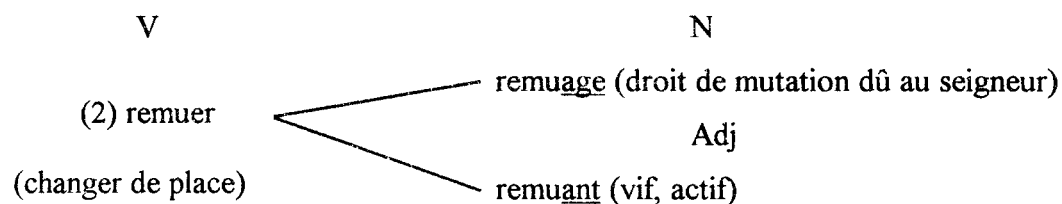
Сочетаясь с одной и той же глагольной основой, суффиксы -age и -ance реализуют различные дифференциальные семы, взаимодействуя семантически с различными ЛСВ глагола. Так суффикс -age вступает в словообразовательные взаимоотношения с ЛСВ конкретного физического действия «secouer, remuer», а суффикс -ance с ЛСВ, обозначающим «отвлеченное понятие» – «changer, varier». Следовательно, находясь в одной словообразовательной категории (имен действия), производные с этими суффиксами входят в различные многозвенные словообразовательные ряды:

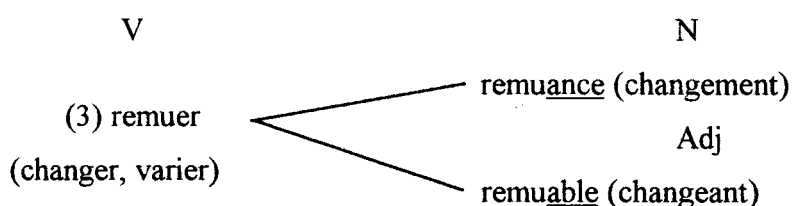
(где реализуется потенциальная сема «les céréales» – «remuage des blés»).

«Item pour le remuage des blés. XXXI. gros valent. XXXI.S.»

(Arch. Tournai) Gdf. 7

(где реализуется потенциальная сема «place de travail», demeure).

(где реализуется потенциальная сема «état»).

«Diex est eternal et sanz remuance, donc est sa volentes eternal et sanz remuance».

(Brun. Lat. Tres. p.15 V.1260) Gdf. 7

«Toute nature, ou ele est parmentable, ce est Dieu, ou ele est remuable, ce est creature».

(Brun. Lat. Tres)

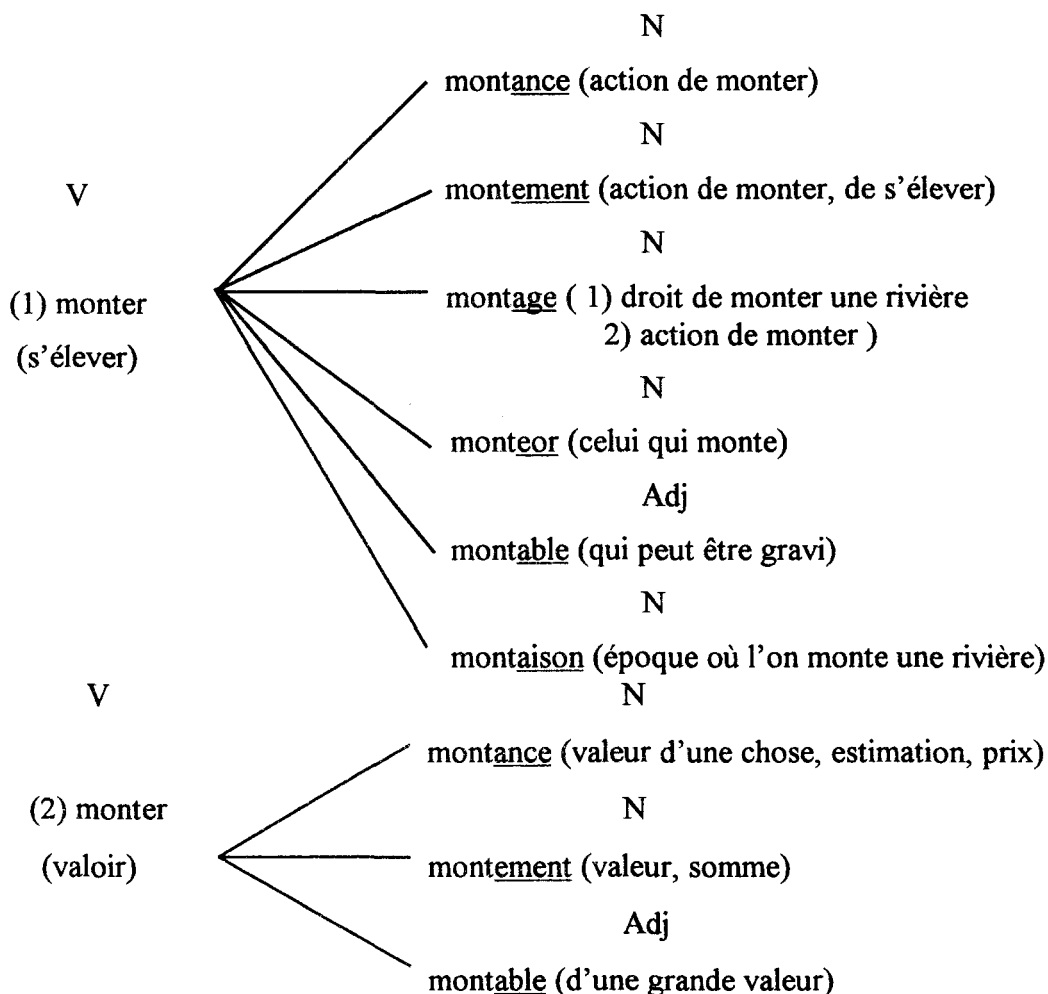
«Nicolas point et broce le destrier remuant».

(Roum. d'Alix. f 09 c) Gdf. 7

Если в производном с -age реализуется сема действия в 1-м случае и сема результата действия во 2-м, то в производном с -ance реализуется сема состояния.

Такого же рода отношения наблюдаются и в ряду производных от глагола **monter**: montement, montance, montage, montaison, которые коррелируют друг с другом, в поле об-

щого словообразовательного значення «action de monter», но взаємодіють з різними ЛСВ глагола, вследствие чего актуалізуються різні диференціальні і потенціальні семантики і реалізуються вторинні словообразовательні значення.

Производные с -ance и -ement коррелируют друг с другом в значении «отвлеченное действие»:

«Il ordena montances en son cuer el val de lermes ...»

(Psaut. Maz 258, f.102) Gdf. 5

«Montemenz en son cuer ordena, en la valed de lermes, el lieu que il posa».

(Lib. Psalm. Oxf. Psautier d'Oxford V-1120) Gdf. 5

В значении «конкретного действия» коррелируют производные с -ement и -age; в значении «результат действия» / «отвлеченный результат» – производные с -ance и -ement.

«Mais ne li vaut la montance d'un pois».

(R.de Cambrai; 3397, A.T.XIIs) Gdf. 5

Конкретный объект действия называет производное с -ement.

«Le monement (de l'autel) est taint de rouge».

(J.Goulain, Ration, 437) Gdf. 5

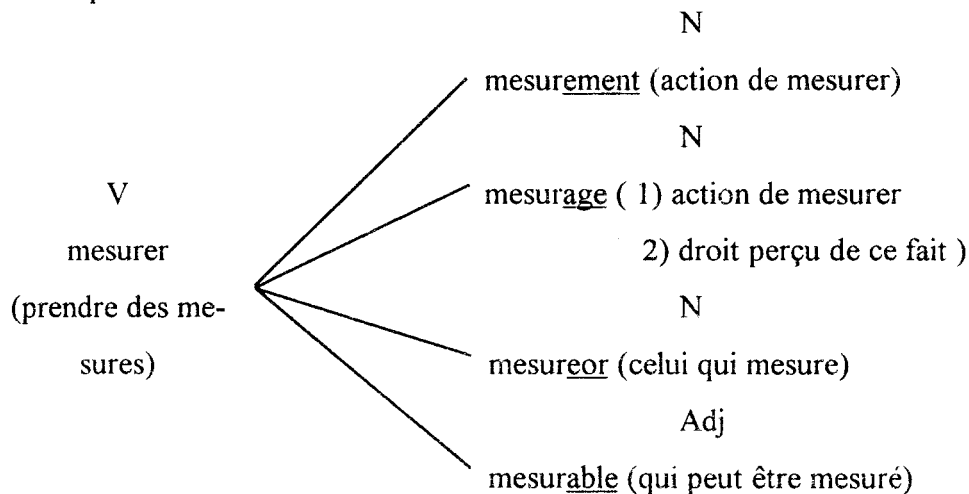
Значение «время действия» реализуется в производном с суффиксом -aison.

«Le premier navire qui vendroit tous les ans a la montaison, charge de vins».

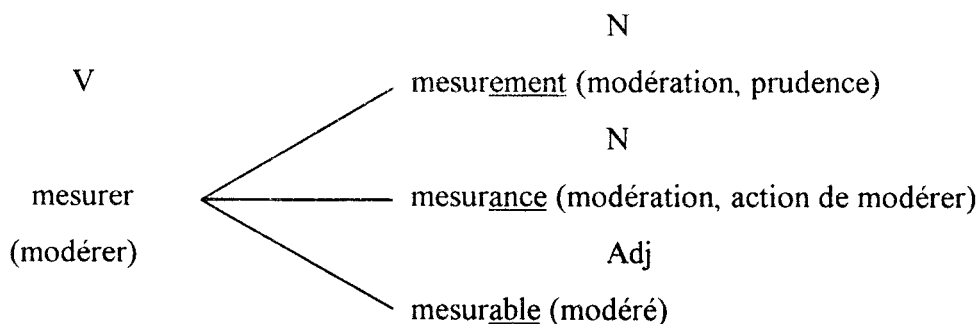
(Carloix, Mem de Vieilleville) Gdf. 5

Избирательное взаимодействие суффиксов с различными ЛСВ производящего глагола, подтверждается законом семантического согласования, основанном на поиске родственных сем. Так суффикс *-ance*, сочетаясь с глагольными основами, реализует семы «качества», «состояния», «отвлеченного действия». Суффикс *-age*, сочетаясь с ЛСВ конкретного действия, реализует семы «конкретное действие», «конкретный результат», «место», «собирабельный результат». Суффикс *-ement* в старофранцузский период мог сочетаться с основами, содержащими как семы конкретного, так и отвлеченного действия.

Сравним:

и другой словообразовательный ряд, реализованный от ЛСВ «modérer».

«Pour le measurement des prez».

(Charte de 1288, Dupuy) Gdf. 5

«Quiconques a enpetre le congie de mesurer, il convient qu'il jure seur sains avant que il puisse mesurer, que il le mesurage fera bien et loiument ...»

(Livre des mest, p.21)

«Sobriete et mesurance».

(Oresme, Trad. des Rem. de fort. de Pert.) Gdf. 5

«Et nule chose (atrempance) ne trespasse la loy de measurement».

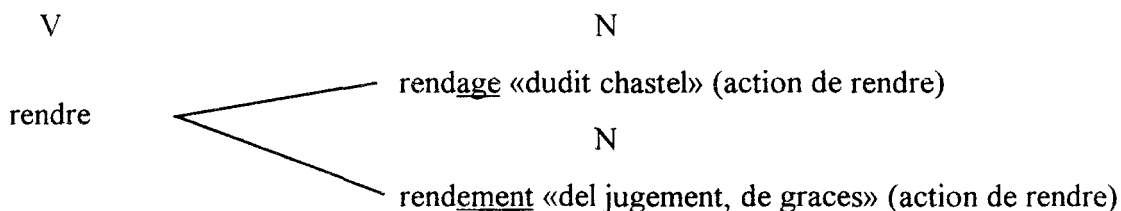
(Laurent, Somme) Gdf. 5

Не только словообразовательные типы, но и словообразовательные ряды имели свои сферы функционирования. Так многозвенный словообразовательный ряд от *mesurer* (в значении «мерять») встречается, в основном, в документах, правовых актах,

долговых записях; тогда как ряд, реализованный от ЛСВ *mesurer (modérer)* – встречается в литературных памятниках.

Являясь членами одной словообразовательной категории имен действия, производные на *-age* и *-ement* могли реализовать различные потенциальные семы, которые предполагали их дальнейшее синтагматическое окружение и таким образом дальнейшее функционирование в речи. Реализуя одну и ту же категориальную сему «предметности», суффиксы *-age* и *-ement* актуализируют различные семы «конкретности» и «абстрактности».

Сравним:

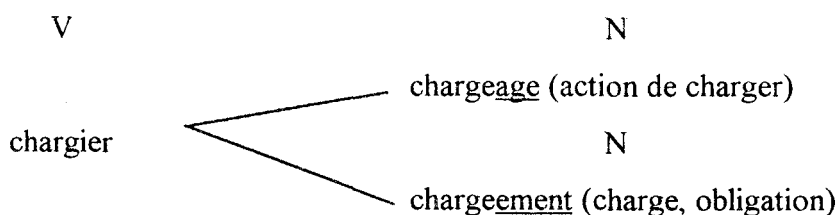

«Que damage ne nous peust avenir par la deffaute du rendage dudit chastel».

(1312, Arch. JJ 53fo 14v) Gdf. 7

«Jors de venjance, ans del rendement del jugement».

(Greg. pap. Hom. p.48) Gdf. 7

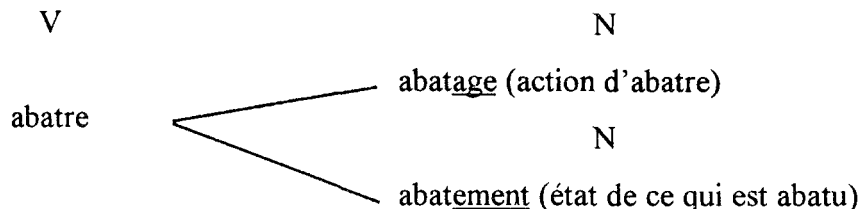

«Por ce que il a recuz sor soi toz les chargemens de l'eritage».

(P. de Font. Cons. XV, 84. Marinier) Gdf. 2

«Le chargage, deschargage et avalaige des vins en ladicte ville».

(Ord. X, 376) Gdf. 2

«Por l'abataige des pourchiaus. LXX. solz par an».

(1265, Gdf. 1)

«Dunc veist ki la fust tant grant abatement».

(Gdf. 1)

Следует отметить, что в старофранцузский период производные с *-ement* могли называть и конкретное физическое действие наряду с отвлеченным абстрактным.

Тогда они являлись либо синонимами производных на -age, либо встречались в одном словообразовательном ряду с ними, выполняли различные функции.

Ср: «mesurage des bles» (мера веса)
«mesurement des prez» (измерение расстояния).

Проведенный анализ однокоренных производных с суффиксами -age, -aison, -ement, -ance, а также исследование их взаимодействия в рамках многозвенного словообразовательного ряда позволили отметить, что и суффиксы и производные характеризуются словообразовательной многозначностью.

В большинстве случаев этими суффиксами, помимо основного словообразовательного значения (СЗ) процессуального признака, реализовывалось вторичное СЗ – носителя процессуального признака (результата действия). Реализация тех или иных СЗ одной и той же или разными словообразовательными моделями зависела не только от семантической характеристики производящей основы и суффикса, но и от структуры многозвенного словообразовательного ряда, звеном которого данное производное являлось.

РЕЗЮМЕ

У статті досліджуються похідні віддієслівні іменники із суфіксами -age, -ance, -aison, -ement, а також багатоланкові словотвірні ряди у старофранцузький період. Дослідження проведено в рамках проблем комплексних словотвірних одиниць. Встановлено, що одним з чинників, що впливають на тип зв'язку між елементами словотвірної моделі, був тип багатоланкового словотвірного ряду.

SUMMARY

The present article deals with different types of deverbal nouns derived with the suffixes -age, -ance, -aison, -ement in the Old-French period and with multi-component derivational series analyzed within complex derivational units. The analyses made in this work shows that word-formation links between the elements of a linguistic model were determined by the type of multi-component derivational series.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Катагощина Н.А. Как образуются слова во французском языке. – М.: Просвещение, 1980. – 180с.
2. Мурясов Р.З. Морфология производного слова. – Уфа, 1992. – 192с.
3. Степанова М.Д. Валентность в синтаксисе и в словообразовании. – М.: МГПИИЯ им. Топеза, 1983. – 105с.
4. Merk G. Les héritiers et les substituts du suffixe latin – tione en gallo-romania. Université de Lille III, 1982, T.1. 729p.
5. Benoit de Sainte-More. Chronique des Ducs de Normandie. – Genève, 1951, Vol.1,2. – 630p.
6. Greimas A.J. Dictionnaire de l'ancien français jusqu'au milieu du XIV siècle. P.: Librairie Larousse, 1968, – 675p.

Надійшла до редакції 15.03.98 р.

ББК Ш10+212.5

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ АНКЕТА ДЛЯ ОПИСАНИЯ КОНФИКСНЫХ РЕФЛЕКСНЫХ ГЛАГОЛОВ

Ш.Р.Басыров

Опираясь на исследования в области типологии рефлексивных глаголов (РГ), проведенные, в частности, в работах [1], [2], в настоящей статье предлагается типологическая анкета для описания конфиксных РГ.

1. Материал исследования. Описание конфиксных РГ конкретного языка предпочтительно производить на полном списке данных РГ, зарегистрированных наиболее авторитетными одноязычными и двуязычными словарями, так как частность большинства РГ данного типа в текстах невысока [3]. Словарную выборку конфиксных РГ целесообразно дополнить выборкой РГ из художественных и специальных текстов.

2. Типы конфиксов. Какие структурные типы конфиксов используются в данном языке при образовании конфиксных РГ: состоящие из двух или трех элементов?

2.1. Двухморфемные конфиксы. Образуются ли РГ в данном языке посредством конфикса, состоящего из рефлексивного элемента (РЭ) и приставки (нем. *sinnen* 'думать' → *sich versinnen* 'глубоко задуматься') или данный конфикс включает РЭ и суффикс (лат. *radī* 'родственники' → *radoties* 'родниться', швед. *habil* 'способный', 'ловкий' → *habilitern sig* 'оказаться способным, ловким').

2.2. Трехморфемные конфиксы. Образуются ли РГ посредством конфикса, состоящего из РЭ, приставки и суффикса (нем. *die Lust* → *sich verlustieren* прен. 'развлекаться', итал. *rica* 'сорока', 'извращенность вкуса' → *ripicchiarsi* 'наряжаться') или данный конфикс включает РЭ и два суффикса (русс. *декольте* → *декольтироваться*).

3. Мотивирующая основа конфиксных РГ. Обладают ли конфиксные РГ единичной мотивацией (нем. *sehen* 'глядеть' → *sich umsehen* 'оглядеться, оглядываться') или у них возможна/тройная мотивация (нем. *geben* 'давать', *vergeben* 'неправильно раздавать' → *sich vergeben* 'ошибиться при сдаче карт', испан. *cirgo* 'франтить', *cirtutaco* 'франт' → *acirtucarse* 'франтить', 'щеголять')?

4. Частеречная принадлежность мотивирующей основы. Какие морфологические группы конфиксных РГ можно выделить в исследуемом языке: образуются ли конфиксные РГ только от глаголов (русс. *бежать* → *разбежаться*, польск. *bieć* 'бежать' → *rozbieć się* 'разбежаться') или имеются отсубстантивные (сербохорв. *газда* 'хозяин' → *огаздити се* 'стать хозяином') и отадъективные конфиксные РГ (болг. *ведър* 'ясный' → *изведря се* 'прояснить').

5. Семантические типы РГ. Значение конфиксных РГ понимается как значение, складывающееся в результате взаимодействия значений исходной основы и конфикса. Для описания значения смысловой группы конфиксных РГ целесообразно использовать формулу толкования (ФТ). ФТ должна представлять собой перифразу, содержащую:

- 1) аргументы глаголов-предиката, т.е. его переменные, соответствующие участникам ситуации, которую он описывает;
- 2) глагол-предикат, имеющий более общее значение (содержание), чем РГ данной смысловой группы;
- 3) указание на исходную основу.

При описании смысла РГ в ФТ целесообразно использовать базовые смысловые компоненты (делать/совершать действие, иметь, быть и т.д.) и дополнительные смы-

словые компоненты (много, очень, ошибочно и т.д.), выделяемые методом компонентного анализа смысловой структуры производящей и производной основы [4]. Так, например, конфиксные РГ нем. sich auslaufen 'набегаться' (← laufen 'бегать'), русск. набегаться (← 'бегать'), польск. nabiegać się 'набегаться' (← biegać 'бегать'), чеш. nabehat se 'набегаться' (← behatí 'бегать'), слов. nabehat' sa 'набегаться' (← behat' 'бегать') характеризуются наличием в своей смысловой структуре общей семы 'вдоволь'. Данные конфиксные РГ имеют общую ФТ «некто вдоволь/ до предела делает то, что обозначает исходный глагол».

6. Отглагольные конфиксные РГ. Какие смысловые группы и подгруппы конфиксных РГ, мотивированных исходной глагольной основой, выделяются в данном языке? Какие лексико-семантические разряды исходных групп глаголов участвуют в образовании конфиксных РГ и какова их продуктивность? Какие словообразовательные средства принимают участие в реализации определенной семантики отглагольных конфиксных РГ?

7. Отыменные конфиксные РГ. Каковы особенности образования отыменных конфиксных РГ в данном языке и их соотношения с исходными основами? Какими семантическими группами имен существительных (прилагательных) мотивируются чаще отыменные РГ той или иной семантики? Какие словообразовательные аффиксы реализуют данный смысл?

8. Количественный анализ. Какова численность конфиксных РГ в общем объеме РГ данного языка? Какова численность морфологических типов и семантических групп конфиксных РГ, их процентное соотношение с общим объемом конфиксных РГ, а также процентное соотношение отдельных типов и групп? Какие словообразовательные средства данного языка наиболее и наименее активно участвуют в образовании конфиксных РГ определенной семантики?

9. Диахронический аспект исследования конфиксных РГ. Существуют ли какие-либо сведения об эволюции конфиксных РГ в истории данного языка? Имеется ли возможность выявления аналогичных структурных и семантических типов конфиксных РГ на нескольких временных срезах развития данного языка? Какова их продуктивность в определенный период развития языка?

РЕЗЮМЕ

У статті пропонується типологічна анкета для опису конфіксних зворотних дієслів (КЗД), тобто таких зворотних дієслів, які утворюються шляхом приєднання до початкової основи складного словотворного афікса (= конфікса). Наприклад: нім. laufen «бігати» → sich auslaufen «набігатися», рос. бегать → набегаться, укр. бігати → набігатися. Автор вивчає коло питань, які вимагають свого вирішення під час опису КЗД певної мови, зокрема: які структурні типи конфіксів використовуються під час утворення КЗД; від якої частини мови утворюються КЗД; які семантичні групи та підгрупи КЗД, мотивованих початковою дієслівною основою, виділяються у цій мові тощо.

SAMMARY

The typological questionnaire for confixal verbs (CRVs) description is suggested in the present article, i.e. such reflexive verbs as the ones which are formed by adding a complex wordbuilding affix (= confix) to the initial stem, for instance, Germ. Laufen «to run» → sich auslaufen «to have one's fill of running», Rus. бегать → набегаться, Ukr. бігати → набігатися.

The author defines the circle of problem which should while describing the CRVs of a definite language, in particular: which structural types of confixe are used while forming the CRVs: from what part of speech the CRVs are formed; what semantic groups and subgroups of the CRVs motivated by an initial verb stem are assigned in this particular language, etc.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Неद्याлков В.П., Генюшене Э.Ш. Рефлексные конструкции в балтийских языках и типологическая анкета // Рефлексные глаголы в индоевропейских языках. – Калинин, 1985. – С.3-19.
2. Генюшене Э.Ш. Рефлексные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. – Вильнюс, 1993.
3. Басыров Ш.Р. Немецкие рефлексивные глаголы. Дис. ...на соиск. уч. степени канд. филол.наук. – Ленинград, 1988. – С.40.
4. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. – М., 1974, а также: Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов. – М., 1975.

Надійшла до редакції 17.03.98 р.

П Е Д А Г О Г І К А І П С И Х О Л О Г І Я

ББК Ч 489.518

КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОВОСПИТАНИЯ БУДУЩИХ ДОШКОЛЬНЫХ ПЕДАГОГОВ И УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

А.Г.Кучерявый

Реализация целевой комплексной программы «Учитель» предполагает выработку нетрадиционных взглядов на актуальные проблемы подготовки педагогических кадров в Украине. Важнейшей из них является проблема организации профессионального самовоспитания студентов университетов и педагогических институтов, в частности, будущих дошкольных и школьных педагогов. Её важность вытекает прежде всего из давно обоснованного в теории положения: студент – не только объект, но и субъект вузовской профессиональной подготовки (никакой преподаватель не может сформировать за него профессионально значимые умения и качества). Именно разработка этой проблемы – один из возможных особых подходов и к решению практической задачи обеспечения преемственности дошкольного и начального школьного образования.

Преемственность данных ступеней в системе развивающего образования во многом зависит от готовности воспитателя детского сада и учителя начальных классов создавать условия, порождающие единство продуктивного воображения дошкольника и творческого мышления ученика начальных классов как основы развития ребёнка (В.В.Давыдов, В.Т.Кудрявцев).

Готовность к этому педагогов-практиков в конечном итоге – результат совместных усилий преподавателей вуза и студентов (функции преподавателя: формирование потребности в самовоспитании профессионально-значимых качеств; определение его направленности; вооружение студентов знаниями о теории и технологии самовоспитательного труда и т.д.; функция студента: непосредственное самоформирование профессионально важных умений и качеств). Она, готовность, выступает в качестве фактора, стимулирующего непрерывность развития детей дошкольного и младшего школьного возраста.

В таком аспекте подготовка педагогов (специальности: «начальное обучение» и «дошкольное воспитание») в вузе по своим целевым функциям является не только процессом профессионального становления студентов, но и условием непрерывного развития дошкольников и младших школьников. Причем лишь постольку, поскольку ее результат воплощается в готовности выпускников учебного заведения, обучающихся на разных специальностях, обеспечить преемственность дошкольной и начальной школьной образовательных ступеней.

Методологической основой предлагаемой концепции являются: положения философской науки о предметах и процессах единого, но существующего во многообразии вещей, явлений и событий мира, учение о диалектическом развитии понятия, явления, процесса, содержащих в себе моменты всеобщности, особенности и единичности; диалектические принципы единства и развития, понимание развития психического явления как процесса самодвижения, а воспитания как ведущего внешнего (педагогические воздействия) и внутреннего (деятельность субъекта воспитания) фактора развития личности.

Теоретическая база концепции – психолого-педагогические основы: самовоспи-

тания (А.Я.Арет, В.А.Сухомлинский, Л.И.Рувинский, С.Б.Елканов, А.И.Кочетов, и другие); творчества (Л.С.Выготский, Я.А.Пономарев, В.К.Зарецкий, И.Н. Семёнов, С.Ю.Степанов и другие); построения целостного учебно-воспитательного процесса (В.С.Ильин, В.А.Семиченко и другие).

Концепция построена в виде восьми теоретических положений.

Первое положение. Определенная совокупность социальных, психологических, организационно-педагогических и методических условий должна обеспечить студенту – будущему педагогу – положение не только объекта, но и субъекта профессионального становления.

Главная задача профессиональной подготовки и самоподготовки студента – формирование готовности к работе по созданию условий для обеспечения преемственности дошкольного и начального образования.

Второе положение. Педагогически, психологически, методически и социально целесообразная подготовка будущих педагогов к решению этой задачи – это подготовка целостная. Призванная целенаправленно формировать личность студента, она включает два элемента, составляющих ее единство: подготовку воспитателей дошкольных учреждений и подготовку учителей начальной школы.

Целостность подготовки способствует наличию у выпускников вуза, обучавшихся по специальностям «дошкольное воспитание» и «начальное обучение», общих умений и качеств, важных для решения задачи непрерывного развития детей.

Целостность подготовки должна обеспечить преемственность в работе педагогов разных ступеней образования по управлению общим развитием ребенка.

Третье положение. Достижение преемственности дошкольной и начальной школьной ступеней образования во многом зависит от уровня целостной готовности педагогов к профессиональной деятельности (результата подготовки студентов). Такая целостная готовность – сложное интегративное качество, основу которого составляет совокупность взаимосвязанных особенных готовностей воспитателя дошкольного учреждения и учителя начальных классов к выполнению определенных функций. Понятие готовности учителя (воспитателя детского сада) к выполнению на рабочем месте конкретной функции объединяет два множества умений педагога: а) специфических для работника конкретной ступени образования; б) общих для педагогов дошкольной и начальной школьной его подсистемы.

При конструировании профессиограммы воспитателя детского сада или учителя начальной школы следует учитывать, что на набор общих и специфических умений педагога конкретной ступени образования закономерно влияет совокупность таких комплексных факторов, как:

1. Функционально-целевая направленность педагогических воздействий, обусловленная имеющимися объективными потребностями: а) раскрывать и максимально использовать интегративные воспитывающе-развивающие возможности, потенциально заложенные в игровой, познавательной и трудовой деятельности дошкольника и младшего школьника; б) эффективно осуществлять психолого-педагогическую диагностику, ценностно-ориентационный, профессионально-созидательный, управленческо-коммуникативный и социально-педагогический виды профессиональной деятельности.

2. Особенности развития детей дошкольного и начального школьного возраста (в частности, особенности познавательных процессов дошкольников и младших школьников); новообразования, появляющиеся у детей под влиянием ведущего вида деятельности.

3. Содержание базовых для учителя начальной школы и воспитателя детского сада психолого-педагогических знаний, важных для выполнения конкретной функции (в

частности, знаний требований к конечным результатам обучения и воспитания детей на всех ступенях их жизнедеятельности в детском саду и начальной школе).

Четвертое положение. Целостность подготовки достигается путем:

а) выделения в ее содержании и структуре общего, специфического и единичного компонентов в их разных качественных проявлениях;

б) раскрытия и использования возможностей каждого из указанных компонентов для организации профессионального самовоспитания и саморазвития студентов; выделения единого «ядра» в подготовке (самоподготовке) студентов и в деятельности специалистов – комплекса общих умений как целостного образования, что позволяет увязать логику управления профессиональным становлением педагога и логику его практической работы;

в) организации самовоспитания и саморазвития студентами такого комплекса общих для педагогов дошкольной и начальной ступеней образования умений, который адекватен всем их функциям в целом и значим для управления непрерывным развитием ребенка; важнейший компонент организации профессионального самовоспитания будущих педагогов – создание условий для осознания ими потребности в развитии детей, потребности в самовоспитании как эффективном средстве формирования готовности к профессиональной деятельности.

Пятое положение. Формирование целостной готовности студентов к самостоятельному труду необходимо начинать с обеспечения адекватности учебных планов специальностей «дошкольное воспитание» и «начальное обучение» модели специалиста-педагога, с выделения в них общих блоков дисциплин (общекультурного, базового психолого-педагогического и специального психолого-педагогического), с раскрытия возможностей предметов каждого блока для решения задач организации профессионального самовоспитания будущих педагогов.

Положительный результат формирования у студентов целостной готовности к самостоятельному труду средствами организации их профессионального самовоспитания может быть достигнут при условии активности в работе преподавателей и самовоспитательной активности студентов. Активная деятельность преподавателей должна быть направлена на создание условий для профессионального самовоспитания будущих педагогов начальной школы и дошкольных учреждений. Активность студентов – на самоформирование общих и специальных профессиональных умений. Активная деятельность организаторов самовоспитания и активная самовоспитательная деятельность студентов – два компонента одного процесса целостного формирования личности специалиста-педагога.

Шестое положение. Концептуальная схема организации профессионального самовоспитания будущих педагогов предполагает функционирование этого процесса на различных взаимосвязанных и иерархически организованных уровнях – социально-личностном, рефлексивно-личностном и предметно-операционном.

Включенность в организацию самовоспитания студента его личностного аспекта задает целостность всему процессу самовоспитательной деятельности будущего учителя начальной школы или воспитателя детского сада. Именно данный базовый элемент и помогает прийти к пониманию процесса организации профессионального самовоспитания студентов как к педагогическому управлению постановкой и решением субъектами самовоспитания творческих задач первого класса. Согласно такому пониманию, личность выступает как субъект деятельности, содержание которой рассматривается в форме предметных оснований и реализуемых их операций уже как объект осмысления и осознания.

Организация профессионального самовоспитания будущих педагогов начинается на социально-личностном уровне и определяет эффективность самовоспитательной работы студента уже на других уровнях – рефлексивно-личностном и предметно-операциональном.

Выполняя социальный заказ на подготовку специалистов, способных обеспечить как непрерывное развитие детей, так и профессиональное самосовершенствование, преподаватель вуза (социального института) ставит перед студентами общественно значимые цели организации самовоспитания, формирует у них потребность в нем. Конкретный студент в определенной степени может эти цели осознать, «пережить» и внутренне принять как личностно значимые (социально-личностный уровень).

На последних двух уровнях (рефлексивно-личностном и предметно-операциональном) собственно и функционирует психологический механизм самовоспитания как ряда осмысленных творческих актов при решении созидательных задач первого класса. Концептуальная схема психологического механизма самовоспитательной работы студента, описанная в следующем положении, – часть общей концептуальной схемы организации его профессионального самовоспитания.

Седьмое положение. Процесс функционирования психологического механизма самовоспитания будущего учителя начальной школы и воспитателя детского сада осуществляется поэтапно; каждая стадия самовоспитательной работы студента имеет свои особенные характеристики, связанные с доминированием на ней уровней смыслового или содержательного планов.

Первая стадия самовоспитания профессиональных умений и качеств студентом как решения творческих задач характеризуется репродуктивными попытками будущего педагога получить положительный результат путем привлечения уже известных знаний о самовоспитании и способах его организации. На ней доминирует предметно-операциональный уровень, то есть содержательный план самовоспитательного процесса как творчества.

Вследствие неэффективности применяемых способов самовоспитания или неадекватности их поставленным целям и задачам самовоспитательные усилия будущего педагога блокируются. В условиях сбоев самовоспитательной деятельности (его блокады) «эстафету» быть доминирующим принимает рефлексивно-личностный уровень (уровень смыслового плана).

Личностная рефлексия студента направлена на самоорганизацию творческого самовоспитательного процесса через осмысление будущим педагогом себя и своих творческих усилий в области самовоспитания.

Переосмысление студентом применяемых способов самовоспитания (личностная рефлексия) происходит уже на следующих стадиях.

Под воздействием смысловой регуляции углубляется осознанность и осмысленность студентом отдельных «деталей» содержания самовоспитания определенных умений и качеств (на этой стадии доминируют уровни содержательного плана).

Постепенно (уже на последующих стадиях) смысловая регуляция содействует углублению осознанности и осмысленности студентом всего комплекса целей (и способов их достижения) самовоспитания (здесь опять доминирующая роль принадлежит уровням смыслового плана).

Такое представление о психологическом механизме профессионального самовоспитания будущих педагогов – исходное основание для организации преподавателями данной деятельности студентов на социально—личностном уровне.

Восьмое положение. Педагогическая организация самовоспитания студентами общих и специфических для учителя начальной школы и воспитателя детского сада

умений и качеств как система может быть описана таким образом:

1. Существует функциональная взаимосвязь между всеми структурными уровнями организации профессионального самовоспитания будущих педагогов – социально-личностным, рефлексивно-личностным и предметно-операциональным:

а) создание преподавателями необходимых условий для осознания – переживания студентами потребности в целостной готовности к профессиональной деятельности, общих для учителя начальной школы и воспитателя детского сада требований, способствует появлению у них мотивов самовоспитательной активности содержательного плана, новых попыток работы над собой на репродуктивном уровне (по образцу);

б) дальнейшая активизация профессионально-ориентированной воспитательной работы над собой будущих педагогов зависит от специально организованного процесса ее педагогического стимулирования, углубляющего осознанность и осмысленность целей и способов самовоспитания за счет повышения эффективности смысловой (рефлексивно-личностной) регуляции студентами содержательного (предметно-операционального) опыта своих самовоспитательных усилий. Стержнем педагогического стимулирования являются два разных направления в деятельности преподавателей вуза. Первое связано с дальнейшим развитием у будущих педагогов степени адекватности их профессионально-значимой самооценки, мотивов самовоспитания, то есть с «поддержкой» смысловой регуляции работы над собой; а второе – с оказанием помощи студентам в овладении теорией и методикой самовоспитания, то есть с его предметно-логической стороной.

Между самовоспитательной активностью студентов, уровнями их целостной готовности к обеспечению преемственности в управлении непрерывным развитием детей в детском саду и начальной школе (это и есть готовность к педагогической деятельности) и организацией профессионального самовоспитания в вузе имеет место взаимосвязь:

а) осознание и переживание студентами потребности в достижении целостной готовности к самостоятельному педагогическому труду, общих и специфических для педагогов дошкольной и начальной школьной ступеней образования умений проявляется в мотивах и актах их самовоспитательной активности. Стимулирование этой активности и приводит к повышению уровня целостной готовности студентов к профессиональной деятельности;

б) взаимосвязь между самовоспитательной активностью и целостной готовностью будущих педагогов к самостоятельному труду обеспечивается целенаправленной организацией в вузе их профессионального самовоспитания.

При рассмотрении взаимосвязи самовоспитательной активности студента и его целостной готовности к самостоятельному педагогическому труду в качестве определяющих, самостоятельных в функциональном отношении и значимых для становления направленности самовоспитания и его понимания, мы выделяем социально-личностный и рефлексивно-личностный уровни. Данные «взаимоотношения» развиваются в зависимости от понимания и переживания будущим педагогом смысла целостной готовности к профессиональной деятельности, от общественных или личностных мотивов удовлетворения потребности в ней.

Если студент видит смысл целостной готовности к самостоятельному педагогическому труду в служении детям, в реализации возможности управлять непрерывным развитием дошкольников и младших школьников (общественная мотивация), то его самовоспитательная активность направлена на овладение педагогической профессией, формирование осознанных общих для учителя начальных классов и воспитателя детского сада умений, присущих педагогическому образцу (учителю или воспитателю детского сада) или зафик-

сированных в карте-профессиограмме. При этом движущей силой самовоспитательной активности студента выступает противоречие между уровнем развития у него профессионально значимых умений (общих и специфических) и тем достаточно высоким уровнем развитости этих умений, который необходимо достигнуть.

Самовоспитание студентов, для которых смысл целостной готовности к педагогической деятельности состоит в достижении определенных сугубо личных целей (получение высшего образования для «удачного» замужества, высокой зарплаты в частных учебных заведениях, занятиях престижного положения в каком-то социальном окружении и т.д.), может иметь отрицательную направленность.

РЕЗЮМЕ

Розкритий психологічний механізм професійного самовиховання студентів, майбутніх дошкільних педагогів і вчителів початкової школи. Викладені основні концептуальні положення такої його організації, яка орієнтована на формування у студентів цілісної готовності до педагогічної праці.

SUMMARY

The psychological mechanism of professional students, future nursery-school teachers and teachers of primary school is self-education is revealed. The basic conceptual statement of such organization which of is oriented to the formation of students full readiness to teaching practice are presented.

Надійшла до редакції 15.04.98 р.

ББК Ю937.234

ЭМПАТИЯ, РЕФЛЕКСИЯ, АНТИЦИПАЦИЯ – ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ

В.Д.Потанова

Современное образование должно быть направлено не только на приобретение знаний, умений, навыков, но, прежде всего, на развитие личности специалиста – профессионально, интеллектуально, морально самостоятельной. Конкурентоспособной, чтобы найти свое место на рынке труда.

Исходя из того, что эмпатия, рефлексия, антиципация играют ведущую роль в работе, содержанием которой является влияние на других людей (педагог, психолог), целью многолетнего экспериментального исследования было изучение и создание условий для профессионального и личностного становления специалиста. Методологические позиции обусловлены положениями гуманистической психологии. В статье представлен один из аспектов изучаемой проблемы, поэтому будут названы только три методологических принципа, имеющих отношение к рассматриваемому вопросу:

- принцип превалирования гуманистической направленности над предметной, обеспечивающей развитие личностных качеств специалиста;
- принцип использования логического механизма взаимодействия и развития, направленного на овладение знаниями и творческими способностями как на свою прямую цель;

- принцип одновременного, равнозначного и ненасильственного развития феноменов следующих сфер личности: когнитивной (феномен причинности между явлением, существующим объективно, и его субъективным отражением); эмоциональной (феномен переживания и потребностей, что конституируют самого человека); конативной (феномен отражения аксиологического разнообразия и многозначности психических явлений, присутствующих в любом акте); креативной (феномен имманентных форм психической активности; способностей к генерации психических новообразований).

Анализ классификации профессиональных свойств педагога, психолога свидетельствует о том, что в ней, в основном, представлена когнитивная сфера личности: академические, дидактические, прецептивные способности. Наличие академических способностей рассматривается через успешность освоения науки, постоянное стремление к обновлению знаний в избранной и смежных областях. О наличии дидактических способностей говорит умение трансформировать сугубо научный материал в дидактические стратегии и единицы. Перцептивные способности проявляются в предметно-рефлексивных отношениях. Выделяют также организаторские и коммуникативные способности, критерием которых выступает успешность интеракции. Вычленение этих способностей общепринято и не вызвало сомнений в течение многих лет, так как неплохо зарекомендовало себя в учебно-воспитательном процессе. Однако такой подход демонстрирует четко выраженную предметно-ценностную ориентацию педагогов и, зачастую, обуславливает парадигму насильственного обучения [1]. Сегодняшний студент усваивает жесткую схему построения учебной деятельности (нередко также обусловленную пристрастиями или знаниями преподавателя) и потом реализует ее на предметном материале в своей профессиональной деятельности. Это затрудняет эффективное управление учением и решение задачи – развитие способностей к самостоятельному приобретению знаний, гибкому и адекватному оперированию ими. Невозможна также самореализация и самоактуализация специалиста. Между тем, в гуманистической психологии существует понятие «значимое учение» (не обучение!) [2], которое предполагает не просто накопление, приращивание знаний, но изменяет поведение человека для настоящего и будущего, его отношения и личность. Иными словами, знания должны быть функциональны, и только тогда они будут способствовать изменениям в поведении и структуре личности.

Попытка усилить личностный фактор в учебно-воспитательной работе привела к тому, что некоторые практики стали использовать активные методы саморазвития личности: психическую саморегуляцию, игры, социально-педагогические и социально-психологические тренинги и др. По их мнению, эти методы способствуют развитию взаимосвязанных групп психологических механизмов самостановления:

- рефлексии, децентрации, антиципации;
- рефлексии, релаксации, медитации;
- рефлексии, децентрации, эмпатии, идентификации [3].

Вопрос о группировке названных феноменов, последовательности их расположения, весомости каждого из них в профессиональной деятельности может быть спорным. Одно несомненно – выделены значимые свойства личности, объектом профессиональной деятельности которой являются другие люди.

В своей работе мы ориентировались на развитие эмпатии, рефлексии, антиципации, и поэтому в статье будут проанализированы содержание и структура именно этих понятий.

Наиболее распространенные определения эмпатии сводятся к следующему: «способность приобщаться к эмоциональной жизни другого, разделяя его переживания» [4]; «способность... к сопереживанию через умение представить себя на месте других,

пережить их состояние в своем воображении» [5]; «постижение эмоциональных состояний другого человека в форме сопереживания» [6]. Используемые в литературе синонимы эмпатии – «сочувствие», «сопереживание», «сочувственная идентификация», «эмоциональная децентрация» [7] свидетельствуют о том, что здесь речь идет о свойствах личности, проявляющихся в эмоциональных ситуациях, т.е. предметом эмпатии выступают чувства и эмоции других людей.

Однако в ряде других исследований определение эмпатии имеет существенные психологические нюансы. Например, эмпатия обозначается как способ понимания внутреннего мира другого человека [8]. А.А.Леонтьев [9], характеризуя эмпатию, говорит о «правильном моделировании мотивационной структуры личности». Моделирование этой структуры требует не только умения сочувствовать другому, но и думать с ним сходным образом. Очевидно, предметом эмпатии, в той или иной мере, являются и мысли другого человека, его точка зрения. В зарубежной психологии эмпатия вообще определяется как «социальный инсайт» [4], специфическая эмоциональная форма познания» других людей, событий, концепций. Несмотря на то, что эмпатия, в основном, трактуется как эмоциональный феномен, определения ее неоднозначны, особенно в тех случаях, когда речь идет о ее структуре. Так или иначе, но исследования вводят в ее состав гностический компонент.

Способность к децентрации предполагает наличие другого психологического механизма – умения обобщенно углубляться в свой собственный мир, особенности свой личности, характер и специфику общения. Таким образом, вольно или невольно, мы подходим к другому психологическому феномену – рефлексии. Понятие рефлексии возникло в философии и вначале трактовалось как процесс размышления индивида о происходящем в его сознании. Так оно обозначалось и в интроспективной психологии. В настоящее время рефлексия – это не просто знание или понимание субъектом самого себя, но и размышления о том, как другие знают, понимают и воспринимают «рефлектирующего», и его личностные особенности, эмоциональные реакции и когнитивные представления [6]. Содержание рефлексии определяется также как одновременное и взаимное отражение внутреннего мира партнеров по взаимодействию [10]. Адекватное восприятие и понимание другого возможно лишь в том случае, когда партнеры принимают не только чувства друг друга, но слова и действия. Существует классификация активных ответных реакций, обеспечивающих рефлексивное поведение. Остановимся лишь на некоторых из них: выяснение точности слов партнера, собственного их понимания; отражение чувств партнера с целью проникновения в его эмоциональное состояние; резюмирование действий и слов партнера, подытоживание основных идей и чувств [11].

В работе педагога, психолога содержанием рефлексии должен быть не только свой внутренний мир, собственная Я-концепция, но и личность другого, группы людей, система отношений, содержание профессионального взаимодействия. Продуктивно рефлексировав на представленные альтернативы, специалист открывает для себя один из возможных источников своего профессионального роста.

Рефлексия обычно эффективна на основе эмпатического общения. Если же она применяется на основе априорного знания, то адекватное восприятие и понимание партнеров по взаимодействию весьма проблематично.

Следующий психологический феномен – антиципация, – на наш взгляд, может развиваться только на основе уже работающих механизмов – эмпатии и рефлексии. Антиципация (предвосхищение) в психологии рассматривается в двух аспектах: способность человека предвидеть возможный результат действия до его осуществления (В.Вундт) и способность представить путь решения проблемы до того, как она реально будет решена. Иногда

понятие антиципации сближают с понятием интуиции и трактуют как «специфическую способность к целостному охватыванию условий проблемной ситуации» и как «механизм творческой деятельности» [6]. Думается, что сближение этих понятий вряд ли правомерно, так как в основе интуиции лежит интуитивное мышление, в то время как антиципация может быть обусловлена исключительно дискурсивным мышлением. Отвлекаясь от небольших семантических разногласий, можно сказать, что и антиципация, и интуиция считаются необходимой составляющей профессионального творчества, суммарной результирующей компонентой профессиональной деятельности.

Педагогическая деятельность будет эффективной, если вся воспринимаемая и передаваемая информация (вербальная и невербальная) будет соответствовать требованиям профессии. На наш взгляд, специалист будет успешно решать свои профессиональные задачи, испытывать удовлетворенность от своей деятельности только в том случае, если будет обеспечена конгруэнтность эмоционального опыта и сознания. Поэтому для того, чтобы создать условия для развития эмпатии, рефлексии, антиципации как профессионально значимых свойств, необходимо определить, в каких ситуациях и способах действия они будут проявляться. Общение может быть конгруэнтным, если партнеры сензитивны к эмоционально значимым переживаниям друг друга, склонны к сопереживанию. Названные особенности еще не свидетельствуют о той или иной степени профессионализма, а только о предрасположенности к общению людей. Это качество присуще многим людям, не являющимся профессиональными педагогами или психологами. Профессиональный психолог, педагог не должен «растворяться» в ученике, клиенте, полностью отождествляя их переживания с собственными. Общеизвестно, что степень сензитивности у разных людей различна. Профессиональный рост выражается в овладении когнитивной подструктурой эмпатии, обеспечивающей переход от «включения» в мир переживаний другого к оценочной деятельности без собственной эмоциональной предвзятости и стереотипов. Эта реконструкция базируется на интеллектуальных процессах и, прежде всего, на аналогии, сравнении, обобщении. Здесь создаются предпосылки для развития способностей к психологической наблюдательности за живым объектом, группой людей: «видение» внутренней картины эмоциональной жизни другого без переноса на свои собственные чувства; способности активно использовать виды памяти (эмоциональную, образную, логическую), продуктивно рефлексирова на имеющиеся знания и вновь поступающую психологическую информацию; способности к творческому психологическому мышлению при анализе нестандартных ситуаций; предиктивные способности, проявляющиеся в прогнозировании реакций другого в конкретной ситуации.

Конгруэнтность взаимодействия может быть обеспечена, если специалист овладеет внешними и внутренними приемами выражения соучастия в эмоциональном переживании партнера; способностями к вербальному и невербальному воздействию с учетом возраста, пола, национальности, уровня культуры и образования; способностями самоорганизации и согласования внутреннего и внешнего плана действий, личностному «присвоению» вышеназванных особенностей. Если в процессе подготовки специалистов не создавать условия для адекватного соотношения между тем, что они испытывают, воспринимают и выражают, то именно этот фактор приводит к психологическому дискомфорту, появлению мыслей о собственной профессиональной несостоятельности. Об этом свидетельствует анализ затруднений и ошибок в работе молодых педагогов и психологов.

В результате многолетнего эксперимента отработана система поэтапного формирования исследуемых нами качеств. На первом этапе устанавливались индивидуаль-

ные способы восприятия и переработки психологической информации путем ее иллюстрации. При этом создавались максимально самостоятельные условия выбора приемов изображения – от схем, символов, формул – до сюжетных рисунков. Задача состояла в том, чтобы помочь студентам осознать способы своей когнитивной деятельности, определить, к какому типу (мыслительному, художественному, промежуточному) они относятся. Второй задачей этого этапа было познание особенностей собственной личности через ознакомление и овладение психологическими методиками.

На втором этапе студентам предлагалось определить, к какой группе психических явлений относится анализируемый феномен, каковы его механизмы и функции. Студенты решали психологические задачи, направленные на закрепление знаний. Постепенно учебная деятельность усложнялась. Предлагались проблемные ситуации, которые требовали переноса теоретических знаний в предполагаемую практическую деятельность; определения способов психологического и педагогического реагирования, воздействия. Различные формы (индивидуальная и групповая) решения задач и проблемных ситуаций способствовали накоплению: во-первых, – собственного опыта поисковой деятельности, во-вторых, – опыта оценки путей решения с точки зрения других участников, правомерности и творческого подхода. На этом этапе четко проявились и стадии личного творческого процесса: выделение проблемы и вживание в нее; отказ от первого, как бы напрашивающегося пути решения; свободные умозрительные рассуждения; стадии кристаллизации решения. Этот этап существенно влиял на развитие рефлексии и проявления антиципации. На этом же этапе параллельно изучалась личность другого.

Следующий этап был своеобразным тренингом поведения студента в роли преподавателя. Студент мог самостоятельно провести занятие по психологии, для чего скомпоновать материал в соответствии с целью и содержанием, дидактическими требованиями, временем, особенностями группы; осуществить самоорганизацию своей личности, обеспечить процесс учения, превосходящий его результаты. Форма занятия не регламентировалась. Это могли быть: семинар, дискуссия, деловая игра, психологический КВН и др. Единственное требование – форма занятия должна соответствовать индивидуальным особенностям студентов. Так создавались условия для формирования отношения к собственной практической деятельности, которая в случае ее результативности сопровождалась переживанием чувства успеха. Этот этап в наибольшей степени способствовал развитию антиципации.

К заключительному этапу студенты готовили творческие работы, выполнение которых требовало включения всех механизмов: эмпатии, рефлексии, антиципации. Таким образом студенты получали возможность для самореализации. Свобода выбора проблемы и способов ее решения обеспечивала следование парадигме ненасильственного учения.

Организованная таким образом учебная деятельность способствовала не только развитию эмпатии, рефлексии, антиципации, но и более успешному овладению прикладным аспектом знаний. Кроме того, позволила отказаться от традиционной формы сдачи экзаменов по билетам, тем самым снимая у студентов фрустрационный синдром.

Полученные в результате эксперимента данные помогли разработать карту профессионального роста, состоящую из семи этапов. В этой карте традиционные знания, умения и навыки занимают первые начальные ступени. Центральное место отводится развитию профессиональных отношений, которые, в свою очередь, обуславливают рост профессионализма, мастерства, творчества. Разработанная карта профессионального становления специалиста удобна тем, что создает условия не только для контроля со стороны, но и самоконтроля, обеспечивая переход от состояния объекта воздействия в положение субъекта интеракции. Но уже тема для другой статьи.

РЕЗЮМЕ

Сучасна освіта повинна бути спрямована не тільки на оволодіння фахівцем знаннями, вміннями та навичками, але і на розвиток його особистості – професійно, інтелектуально та морально самодостатньої. Конкурентноспроможною, щоб знайти собі місце на ринку праці.

Професійна діяльність, змістом якої є вплив на інших людей, потребує розвитку таких якостей особистості, як емпатія, рефлексія, антиципація. Названі психологічні феномени, у свою чергу, потребують створення нетрадиційних умов навчання.

Досліджувана група взаємозв'язаних психологічних механізмів сприяє не тільки професійному росту фахівця, але і самостановленню його особистості. Конгруентність емоційного досвіду та свідомості є необхідною умовою професійної спроможності.

SUMMARY

Modern education must give not only vocational knowledge but it must from a specialist are a personality.

Such professional qualities as sympathy reflecture, meditation anticipation are professionally significant for the activities of theachers, psychologists as the subject of their activities is the influence on other people.

The article is devoted to the conditions and stager of the development of mentioned qualities. The given system of vocational training growth provides not only control but self-control of professional formation of a specialist.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орлов Ю.М. Восхождение к индивидуальности. – М., Просвещение, 1991, 286 с.
2. Роджерс Карл. Взгляд на психотерапию: Становление человека. – М.: Прогресс, 1994, 476 с.
3. Колисник А.П. Активные методы саморазвития личности. Психологическая наука: проблемы и перспективы, Киев, 1990, 84 с.
4. Гаврилова Т.П. Понятие эмпатии в зарубежной психологии // Вопросы психологии, 1975, №2.
5. Краткий психологический словарь. Сост. Карпенко Л.А., М.: Политизд., 1985, 431 с.
6. Михеев В.И. Социально-психологические аспекты управления. М.: Мол. гвард., 1975.
7. Штейнмец А.Э. Эмпатия и педагогический такт в структуре решения задач. В кн. Совершенствование профессиональной подготовки студентов, Смоленск, 1983, 106 с.
8. Корнєв М.Н., Коваленко А.Б. Соціальна психологія. Київ, 1995, 303 с.
9. Леонтьев А.А. Педагогическое общение. М.: Знание. Серия: педагогика и психология, 1973, №1.
10. Кон И.С. Социология личности. М.: Прогресс, 1976.
11. Крижанская Ю.С., Третьяков В.П. Грамматика общения. ЛГУ, 1990, 206 с.
12. Азаров Ю.П. Педагогическая интуиция. Народное образование. 1996, №8.
13. Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. М.: МГУ, 1976.
14. Бодалев А.А. Личность и общение. М.: МПА, 1995, 325 с.
15. Головаха Е.М., Панина Н.В. Психология человеческого взаимопонимания. Киев: Политиздат, 1989, 184 с.
16. Корнелиус и Фейр. Выиграть может каждый. М.Стрингер, 1992, 212 с.

Надійшла до редакції 18.02.98 р.

ББК: Ч 510.5

ДВИГАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ И ПРЕДПОСЫЛКИ ЕЕ РАЗВИТИЯ В ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ И СПОРТЕ

А.Г.Рыбковский

Теория и методика физического воспитания и спортивной тренировки развивается в трех основных направлениях: 1) создание концептуальных и методологических моделей; 2) формирование и постановка задач с учетом современных требований; 3) разработка и поиск методов, средств для решения технологических задач по управлению двигательной активностью человека на уровне оздоровительных мероприятий и спорта высших достижений. Прямое отношение к каждому из направлений имеет проблема управления, обеспечивающая решение двигательных задач с различным уровнем достижения эффективности. Научные поиски в этих направлениях показали, что продвижение вперед должно быть основано на объективных результатах, полученных в адекватных условиях, поскольку речь идет о проблемах универсального характера. Это касается как использования общих законов управления, пригодных для двигательной активности человека, так и частного приложения их к определенным функциональным проявлениям. Данные законы должны быть не только на уровне обобщений, но и уточняться конкретностью в виде количественных критериев, подтвержденных практикой. Поскольку речь идет о структуре и функции управления, то возникает вопрос – существуют ли «всеобщие системные» законы и возможно ли их выделение на уровне двигательной активности, как формы приспособительной деятельности человека? Дело в том, что специфика видов спорта настолько разнообразна, что поиск системных свойств легче осуществлять в одном виде, чем искать общие свойства, присущие всем видам спорта. В наших исследованиях делается попытка ответить на эти вопросы на примере оптимизации двигательной активности студентов в учебном и тренировочном процессе. Аргументация проблемы построена как на реальных, так и гипотетических моделях, представляющих интерес для изучения поведения целостного организма на уровне взаимодействия его со специфическими воздействиями среды.

Содержание исследований, проводимых на кафедре, предполагает изучение общих закономерностей развития человека как сложной вероятностной системы в условиях командной и индивидуальной двигательной деятельности. Этот процесс включает как общепедагогические, так и частные методы и средства в форме воздействий на функциональное состояние органов, систем организма человека и их изменений в процессе физической нагрузки.

До настоящего времени среди ведущих специалистов отсутствует единое мнение по определению управления разнообразной двигательной активностью применительно к физической тренировке. Установившиеся понятия, такие как «физическая культура», «спорт», «физическая подготовка», «физическое воспитание», «физическое упражнение» и другие, отображают уровень знаний, накопленных на различных этапах развития теории и практики физического воспитания. Каждое из них объясняет лишь одну из сторон деятельности человека, направленную на воспитание и формирование личности, изменение свойств и возможностей организма или сохранения их в разумно ограниченном интервале жизнедеятельности. Естественно, речь идет о тех проявлениях, которые изменяются под влиянием физических нагрузок. Вместе с тем, среди приведенных понятий отсутствует такие, которые бы в полной мере отражали интегративную активную деятельность человека как личности, направленной на развитие и совершенствование своего физического состояния, управление и коррекцию физических кондиций на заданных условиях и потребностями

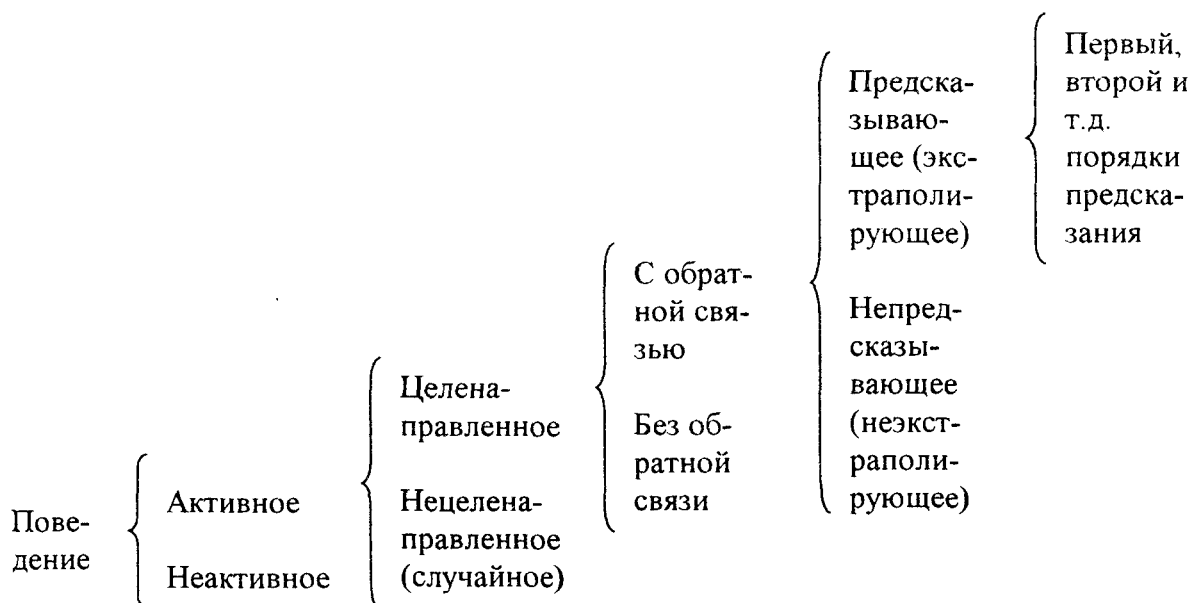
жизни уровнями. Содержание работы следует рассматривать в ракурсе следующих понятий и определений. Двигательная активность – это многообразная деятельность человека, связанная с управлением поведения целостного организма и системы движений в процессе решения двигательных задач. Содержание двигательной активности человека составляет его систематическая, мотивированная деятельность, направленная на физическое совершенствование. Главным ее компонентом являются средства и методы, применяемые в занятиях физическими упражнениями, в основе которых лежат целенаправленные движения и действия. Цель работы – исследовать структуру, содержание и функцию двигательной активности для развития физических качеств, повышения работоспособности студентов в учебном процессе и спортивной тренировке. Сопоставление различных форм активности позволяет выделить наиболее эффективные средства и методы для управления процессом физического развития студентов. Комплексы физических упражнений, как формы воздействия, предполагают изучение и ответных реакций систем организма, связанных с поиском и разработкой оптимальных моделей тренировочной нагрузки. Добавление к этому поиску индивидуальных и групповых форм рационального обучения, совершенствование двигательных способностей занимающихся позволит создавать дифференцированные модели-программы, связанные с эффективным управлением функциональными состояниями, способствующие физическому развитию студентов в учебном и тренировочном процессе.

Впервые закономерности развития моторики человека были рассмотрены в работах Н.А.Бернштейна [3] и Л.В.Чхаидзе [12]. В последующих работах они получили дальнейшее развитие применительно к принципам физической тренировки на уровне целостного организма и было предложено понятие «физическая активность» [2, 12]. Под ней понималась деятельность индивидуума, направленная на достижение физических кондиций, необходимых и достаточных для поддержания высокого уровня состояния здоровья, физического развития и физической подготовленности. Под общей «активностью» подразумевается элемент, формирующий в сочетании с другими факторами физическую культуру человека и являющийся, в этом смысле, важнейшим компонентом системы общественного воспитания и самовоспитания личности. Данное понятие отражает в большей степени социально мотивированные изменения в отношении современного человека к физической культуре. Не останавливаясь подробно на анализе определений, необходимо отметить, что понятие «активность» предполагает охват более широкого круга явлений, связанных с поведением человека и целенаправленностью его произвольных действий. Совершая произвольное действие, трудовое или спортивное, мы невольно выбираем специфическую цель, а не специфическое движение. Например, утоляя жажду, мы берем стакан с водой, подносим его ко рту, при этом не приказываем конкретным мышцам сократиться с определенным напряжением и в определенной последовательности – мы просто задаемся целью и реакция движений следует автоматически. Внешняя простота и огромная внутренняя сложность. Рассмотрим один пример такой сложности – «перехват Ранвье», опоясывающий нерв через каждый миллиметр и служащий как бы релейной станцией для поддержания силы нервного импульса от ЦНС к периферическим образованиям. При искажении в каждом «перехвате» информации, связанной с достижением финальной точности на 0,01%, мы бы в конечном движении имели бы отклонения на 15-20 см, то есть постоянно промахивались бы по отношению к задуманному действию. В таком спортивном действии, как прыжок в длину с разбега, точность отталкивания даже в исполнении сильнейших спортсменов достигает 15-18%. Экспериментальная физиология делает только первые попытки объяснить механизм произвольной регуляции движений. Возникают и новые точки зрения, связанные с развитием системных исследований, кото-

рые проникают и в область спортивной физиологии, биохимии, биомеханики. Преобладающая их часть выражает стремление установить непрерывную связь теоретических положений с практическими достижениями. К таким новым направлениям следует отнести изучение физиологии активности и физиологии движений.

Для классической психологии и физиологии характерны две определяющие черты. Первая – изучение поведения организма в покое, недеятельных состояниях. Такой подход вытекал из стремления изолированно исследовать каждый орган или элементарный процесс, исключив влияние их друг на друга. Формировалось убеждение в том, что целое есть всегда сумма своих частей и ничего более, что организм есть совокупность клеток, а все поведение – цепь рефлексов. И познание отдельных «кирпичиков» достаточно для достижения тайны целого. Вторая черта заключалась в положении о том, что организм находится в непрерывно равновесном состоянии с окружающей средой, и оно обеспечивается адекватными, правильно отлаженными реакциями на каждое очередное воздействие среды. Приспособление и поведение организма есть непрекращающаяся цепь реакций по схеме «раздражение – ответ» или «вход-выход». Основой такой физиологии стала рефлекторная дуга, а центральной задачей – анализ закономерностей реакций как детерминированных входно-выходных взаимодействий на всех уровнях сложности организма. Дальнейшие исследования физиологов [8, 11] были направлены на оценку рабочих состояний организма человека. Возникает физиология труда, спорта, психотехника, биомеханика. Пробуждается интерес к движениям как целенаправленным актам [4], а не рефлекторным действиям. Стала уясняться их первостепенная важность. И на самом деле оказалось, что движения – это почти единственная форма жизнедеятельности, посредством которой организм не просто взаимодействует со средой, но и активно воздействует на нее, изменяя или стремясь изменить ее в потребном ему отношении. Внешняя картина движений может быть индикатором внутренних состояний человека, то есть быть полигоном для изучения динамики функциональных состояний. В ряде исследований [1, 6, 7] было доказано неотъемлемое участие движений во всех актах чувственного восприятия и в активной выработке объективно верного отражения мира в ЦНС путем проверки синтеза восприятий через практику действий, движений, дающих осознаваемую информацию о состоянии внешней среды. Наиболее значимое развитие в области разработки принципов управления двигательной системой стали исследования Н.А.Бернштейна [3, 4]. На основе нового понимания жизнедеятельности организма им были созданы физиология и биология активности. Живой организм рассматривается не как пассивная реактивная система, отвечающая на внешние стимулы и приспособляющаяся к условиям среды, а как созданная эволюцией активная, целеустремленная система, имеющая некоторые цели, модели потребного будущего, активно преодолевающие «сопротивление» среды и изменяющие ее в соответствии с этими потребностями, целями, образами. Процесс жизни есть не «уравновешивание со средой», а преодоление этой среды, направленной не на сохранение статуса или гомеостаза, а на продвижение в направлении генетической программы развития и самоорганизации. Подчиненность деятельности цели, модели будущего, отражает принцип целесообразного характера действий индивидуума. Действие детерминируется конкретной задачей, потребностью, достижением или удовлетворением которых использует прошлый опыт. Наиболее лаконично характеристика физиологии активности дана в философской энциклопедии: «Наиболее простые и наименее значимые для организма действия целиком определяются пусковым стимулом-сигналом. По мере возрастания сложности действия оно все меньше по своему смыслу зависит от сигнала, за которым сохраняется лишь пусковая роль. В самых сложных произвольных действиях их программа и инициатива начала целиком определяются изнутри организма».

Одним из важнейших выводов физиологии активности является то, что любой вид двигательной активности – от элементарных действий, цепных рабочих процессов, биомеханики физических упражнений до письма, артикуляции и др. – направляется и определяется смыслом двигательной задачи и предвосхищением искомого результата ее решения. Пути же достижения результата могут быть различными [7]. Упражнения по овладению новыми двигательными навыками должны обеспечивать постепенный поиск оптимальных координационных приемов, ведущих к решению моторной задачи [6, 7, 12]. Выполнение правильно выбранного упражнения повторяет раз за разом не средство решения двигательной задачи, а процесс ее решения, от повторения к повторению изменяя и совершенствуя средства коррекции и управления [3, 12]. Принцип активности подчеркивает детерминацию действия (поведения) потребностью, целью, «моделью потребного будущего». Конечно, будущее в буквальном смысле не может влиять на прошлое, но образ будущего в форме постановленной цели предшествует выполнению действия. Он направляет и наполняет действия новым содержанием, сообразуясь с настоящим и вероятностным прогнозом его развития. Модель будущего, направляющая действие, может осознаваться субъектом, но может протекать и на бессознательном уровне. Как осуществляется такое моделирование, остается вопросом. Так же как и вопросы устройства внутреннего механизма «черного ящика», который обуславливает наблюдаемые нами явления на «выходе» в связи с данными воздействиями на «входе», что оставляет большое место для гипотез. Причинно-следственные отношения обусловлены целенаправленностью действий. Эта мысль подтверждается проводимой классификацией поведения [5].

Совершая произвольное действие, мы произвольно выбираем специфическую цель, а не специфическое поведение. Для реализации целенаправленного поведения необходима обратная связь – поведение управляется величиной ошибок по отношению к некоторой запланированной цели. Здесь особую функцию приобретает изучение проблемы физиологии движений. Не касаясь важности этой функции, как средства активного взаимодействия с внешней средой, следует подчеркнуть, что даже в простейших двигательных актах ЦНС выступает как орган, способный планировать их выполнение, превращать планы в реальность конкретных движений, оценивать результат и на этой основе корректировать движения, совершенствовать и развивать двигательные навыки.

Двигательная активность, с точки зрения биомеханики физических упражнений, складывается из постоянных и переменных величин [4, 12]. К постоянным относятся гравитационное поле, функциональная потребность в движении. Переменными являются внешние и внутренние силы, силовое поле движения, координационная сложность структуры движений, виды и характер работы мышц, динамическая устойчивость моторного акта [3, 12]. Одной из форм проявления двигательной активности является процесс физического воспитания студентов и спортивной тренировки. Она имеет свою специфику и связана со сложностью координации движений и определяется как форма приспособления, реализации и поведения функциональной системы в условиях мышечной деятельности. Содержательная сторона этого процесса включает специальные педагогические принципы, методы и средства, как формы внешних воздействий на параметры психофизической активности человека и ответные реакции со стороны систем организма человека [8].

Движения – это продукт определенным образом организованной мышечной деятельности, регулируемой физиологическими механизмами и обеспеченной многочисленными морфологическими и функциональными системами организма. Целенаправленность движений определяется оперативными, текущими и долгосрочными целями двигательной активности. Задачей одного конкретного упражнения может быть развитие усилия в нужном направлении и с заданной величиной, перемещение тела и его кинематических звеньев, спортивного снаряда или элемента тренажерного устройства с определенной амплитудой, скоростью и мышечным усилием. При выполнении серии или комплекса упражнений может приобретаться или совершенствоваться уже имеющееся какое-либо качество, способность или умение. Цель двигательных занятий физическими упражнениями – достижение высокого уровня развития физического потенциала человека, его двигательных способностей, приобретение новых навыков, формирование физического здоровья, воспитание трудолюбия, упорства, дисциплины и других важных для личности качеств. В то же время это решение сложной двигательной задачи, которое обеспечивается внутри и межмышечной координацией. В ряде исследований показано [4, 6, 9], что под влиянием физической нагрузки совершенствуется функция двигательного анализатора по параметрам точности и скорости координации движений. При этом осуществляется взаимодействие различных сенсорных систем. Изучение точностных действий, как основы эффективного обучения, раскрыли ряд общих закономерностей в координации движений. Важное место отводится изучению точности с кинестетической афферентацией, близкой по своему характеру к движениям, регулируемым при зрительном контроле. Это позволяет корректировать точность по ходу выполнения действия или при повторном его выполнении. П.К.Анохин [1] выделил коррекции больших, средних и малых отклонений. При быстрых движениях коррегируются только последующие движения. По мере снижения скорости их выполнения, используются коррекции средних и малых ошибок. Наши исследования подтвердили эти данные, и сделан вывод о том, что занятия по физическому воспитанию должны быть направлены на обучение технике тех видов упражнений, которые в будущем могут использоваться для оздоровительных целей, то есть с оптимальной скоростью и мощностью. Будет ли это ходьба, бег, прыжки, спортивные игры или силовые упражнения – овладение их техникой задача первоочередная. И.М.Сеченов [10] высказал мысль о том, что не только рабочие движения рук, но и движения опорно-двигательного аппарата порождают сложнейшие мышечно-суставные ощущения, ассоциируемые с другими по закону рефлекторной деятельности мозга, дающие ему новую информацию о состоянии внутренней и внешней среды. В последующем, при тре-

нировке, двигательные образы приобретают более отчетливые формы и являются основным фактором для эффективного управления движениями. Ощущение «мышечной радости» обеспечивается именно осознаваемыми элементами образа движений, что весьма важно и в оздоровительных тренировках. Включение в зону контроля обратной связи в звене «мышцы – ЦНС» является первым познавательным фактором, побуждающим человека к повторению физической нагрузки.

Большой шаг вперед для понимания управления движениями был сделан при изменении направления исследований от детерминированного подхода рефлекторной дуги к более сложному – рефлекторному кольцу. Непрерывный поток афферентной сигнализации контрольного или коррекционного свойства позволяет более объективно оценивать характер внешних воздействий и ограничивать ответные реакции организма в зоне оптимальных энергетических проявлений. Принципиальное значение перехода от структурной схемы дуги к схеме кольца не ограничивается признанием огромного значения контрольно-коррекционной афферентации. Возникает непрерывный циклический процесс взаимодействия координации движений с вариативными условиями внешней или внутренней среды, разворачивающийся как целостный двигательный акт, имеющий свою систему координат, начало и окончание. Организм не просто реагирует на ситуацию, а сталкивается с ней, динамически переменчивой и непредсказуемой, ставящей организм перед необходимостью вероятного прогноза, а затем и выбора. Реакцией организма и ЦНС на ситуацию является не действие, а принятие решения о действии. Следовательно, выполнение двигательного действия – это процесс принятия и реализации решения двигательной задачи, стоящей перед занимающимися. Ряд исследователей [9, 11] обратили внимание на то, как по-разному относится организм к воздействию на него окружающей среды по параметрам существенных и несущественных переменных. По отношению к первым он проявляет активность на уровне реакций целостного организма, ко вторым приспособительность имеет реактивный, локальный, а порой и случайный характер. Аналогичную картину дает структурный анализ двигательных актов и их координация. Нами получены результаты, показывающие, что координационное управление каждым целостным смысловым двигательным актом строится по иерархическому принципу управления. Такая необходимость вызывается большим количеством степеней свободы кинематических звеньев, огромным числом мышечных единиц, активно участвующих в обеспечении позы и выполнении условий двигательной задачи. Возможно говорить о том, что аппарат управления движениями проявляет две различные координационные тактики: по отношению к второстепенным и техническим рассогласованиям он действует реактивно-приспособительно, не боясь избыточной вариативности; по отношению к программным сторонам управления добивается требуемого результата, активно преодолевая возникающие трудности.

Таким образом, предложенный анализ координации движений с позиций физиологии активности позволяет рассматривать наши исследования, связанные с обучением в процессе физического воспитания и совершенствованием технического мастерства в спортивной тренировке как аналоги по изучению приспособительного поведения человека в условиях многообразных воздействий внешней среды. Процесс активности в нашем случае выражается в наличии управления предвосхищающего характера, когда человеку известны наперед все помехи – как внешние, так и внутренние, а процесс их преодоления протекает автоматически с адекватными приспособленными реакциями. Активность поведения системы может оцениваться как заранее заданным определенным состоянием без обратной связи, так и с обратной связью. Отсюда выделено две формы управления: с одной стороны – детерминированное управление только с помо-

щью внешних воздействий, без учета внутренних состояний; с другой – фиксируемые реакции органов и систем, полученных в результате нагрузки, что является основой для принятия управляющих решений – вероятностная (вариативная) форма управления. Использование их в процессе оздоровительной или спортивной тренировки зависит от объема, интенсивности, координационной сложности упражнений. Возникает новая проблема, изучение которой предстоит в будущем.

РЕЗЮМЕ

В статті розглядається проблема фізіології активності на прикладі фізичного виховання та спортивного тренування.

Розкриваються механізми координації рухів як основного компоненту активності, а також смисловий зміст цільонаправленої діяльності людини. Грунтовний висновок статті: не тільки середовище впливає на діяльність людини, але і людина має інформаційно-енергетичні можливості для активної взаємодії з середовищем.

SUMMARY

The problem of physiological activity on the example of physical training and sport exercises is discussed in the article. The mechanisms of movements coordination as the basic component of activity are disclosed and, consequently, the essential character of man's purposeful activity is shown. The main conclusion of the paper is that it is not only the medium which influences the activity of a man who has all information and energetic possibilities for his active interrelations with the medium.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. – М.: Наука, 1975. – 322 с.
2. Бальсевич В.К., Запорожанов В.А. Физическая активность человека. – Киев: Здоров'я, 1987. – 224 с.
3. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. – М.: Медицина, 1966. – 350 с.
4. Бернштейн Н.А. О ловкости и ее развитии. – М.: Физкультура и спорт, 1991. – 228 с.
5. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. – М.: Сов. радио, 1968. – 326 с.
6. Гордеева И.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. – М.: Московский государственный университет, 1982. – 208 с.
7. Ломов Б.В., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. – М.: Наука, 1980. – 278 с.
8. Мищенко В.С. Функциональные возможности спортсменов. – К.: Здоров'я, 1990. – 200 с.
9. Платонов В.Н. Общая теория подготовки спортсменов в олимпийском спорте. – К.: Олимпийская литература, 1997. – 584 с.
10. Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. – М.: Госкомиздат, 1952. – 387 с.
11. Уилмор Дж.Х., Костилл Д.Л. Физиология спорта и двигательной активности. – К.: Олимпийская литература, 1997. – 504 с.
12. Чхаидзе Л.В. Координация произвольных движений человека в условиях космического полета. – М.: Наука, 1968. – 136 с.

Надійшла до редакції 23.02.1998 р.

УДК 378.; 100.72.; 100.37; 100.124

«ПРЕДМЕТ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ». СТРУКТУРА СУЩНОСТИ И ЯВЛЕНИЯ

И.С.Алексейчук

ВВЕДЕНИЕ

Расширение применения технологий массового тестирования в различных областях человеческой деятельности является устойчивой тенденцией во всем мире на протяжении 20-го века [1, с.19-31; 2, с.7-9; 3]. Для педагогов Украины этот вопрос стал актуальным после появления альтернативных учебных заведений различных форм собственности и, как следствие этого, возникновения государственного механизма сертификации, аттестации и аккредитации ВУЗов в его нынешней форме, содержащей элементы технологий тестирования учащихся.

В настоящее время в Украине завершаются работы по созданию инструментария национальных лицензионных экзаменов по медицине [3; 4, с.121]. В основе этой работы – многолетний опыт Донецкого государственного медицинского университета (ДонГМУ) по созданию и эксплуатации систем контроля в высшем учебном заведении [5, с.128-160].

Представленная статья содержит теоретические обобщения некоторых результатов, которые были получены при разработке методики проектирования, создания и эксплуатации систем контроля качества знаний в ДонГМУ [4, 3]. Автором выявлены инварианты, которые позволяют экстраполировать отдельные результаты из области медицинского образования на иные дисциплины, преподаваемые в высших учебных заведениях.

Работа основана на статистическом исследовании текстов межпредметных требований по всем дисциплинам в высшем медицинском учебном заведении. Всего было проанализировано более 10 тысяч таких текстов, которые составили представительную выборку для общей совокупности текстов в 100 тысяч и более. Следует отметить, что дальнейшее увеличение объема экспериментального материала не могло уже внести существенных элементов новизны, т.е., с количественной точки зрения, дальнейшее увеличение объема выборки привело бы к появлению новой информации, но этот новый объем не превышал бы 10% от того объема информации, который был получен на первых 10 тыс. случаев [6, с.3].

По существу упомянутые тексты включали краткую формулировку межпредметных требований по 70 дисциплинам медицинского ВУЗа. Например (одно из требований кафедры микробиологии к кафедре общей биологии): «студенты должны уметь анализировать строение клетки с целью интерпретации изменчивости бактерий». Или (одно из требований кафедры общей гигиены к кафедре биофизики): «студенты должны уметь анализировать механизм действия ионизирующего излучения с целью определения времени дезинфекции помещений» и т.д. по всем 70 дисциплинам медицинского ВУЗа.

В дальнейшем из этих текстов извлекалась информация, содержащая описание требуемого действия, объекта и предмета действия. Для двух примеров, приведенных выше, такая информация об объекте, предмете и действии приведена в табл.1.

Таблица 1. Структура текстов межпредметных требований

описание ДЕЙСТВИЯ	описание ПРЕДМЕТА действия	описание ОБЪЕКТА действия	примечание
Уметь анализи- ровать	строение	клетка	Требование кафедры микробиологии к кафедре общей биологии
Уметь анализи- ровать	механизм	действие ионизи- рующего излуче- ния	Требование кафедры об- щей гигиены к кафедре биофизики

Все 10 тыс. упомянутых выше текстов были проанализированы подобным образом, а полученные данные были занесены в таблицу, аналогичную табл. 1.

Следует отметить, что сами тексты межпредметных требований были составлены большим коллективом экспертов, прошли многолетнее обсуждение как в ВУЗе, где они были впервые сформулированы (Донецкий государственный медицинский университет), так и в экспертной комиссии Министерства здравоохранения Украины. Часть этих текстов межпредметных требований вошла в граф конкретных целей по специальностям «Лечебное дело» и «Стоматология» в виде отдельных разделов образовательно-профессиональных программ, утвержденных Министерством образования Украины и Министерством здравоохранения Украины [7, с.9-78].

1. СТРУКТУРА УЧЕБНОГО ОБЪЕКТА В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ.

Из всего многообразия объектов, упоминавшихся в текстах, было выделено 1000 так называемых «базовых» объектов, выражавшихся одним понятием или, говоря языком формальной логики, имеющих простые имена [26, с.21]. В примерах, приведенных в табл. 1, к таким базовым объектам относятся понятия «клетка» и «излучение». При этом в оригинальных текстах могут упоминаться различные виды базовых объектов, они могут находиться в различных состояниях либо могут упоминаться разнообразные стороны этих объектов, которыми они могут проявляться в том либо ином межпредметном требовании, например: растительные и животные **клетки**, действие **излучения**, виды **излучения**, источники **излучения** и т.д..

Значительную часть базовых объектов (до 40%) составили процессы, связанные с различными заболеваниями, что отражало специфику медицинского образования.

Следует отметить, что весь объем базовых объектов располагался в 7 основных системных уровнях, независимо от того были ли они представлены явлениями и процессами (например «излучение») или сущностями (например «клетка»).

Эти 7 основных системных уровней хорошо согласовывались с теми представлениями об объектах, которые много лет существуют в общей теории систем (например [8]). В соответствии с традициями общей теории систем, эти 7 уровней объектов получили у нас следующие обозначения:

1. Уровень молекулы	5. Уровень системы
2. Уровень клетки	6. Уровень организма
3. Уровень ткани	7. Уровень окружающей среды
4. Уровень органа	

Подобный максимально широкий спектр системных уровней объектов учебы окажется принципиальным при обсуждении структуры ПРЕДМЕТА высшего образования, так как в системном плане безразлично, на какой объектной базе (медицинской, строительной, социологической, машиностроительной и т.п.) была получена информация о структуре ПРЕДМЕТА. Главное, чтобы эта информация содержалась в представительной выборке и охватывала все системные уровни ОБЪЕКТОВ учебы.

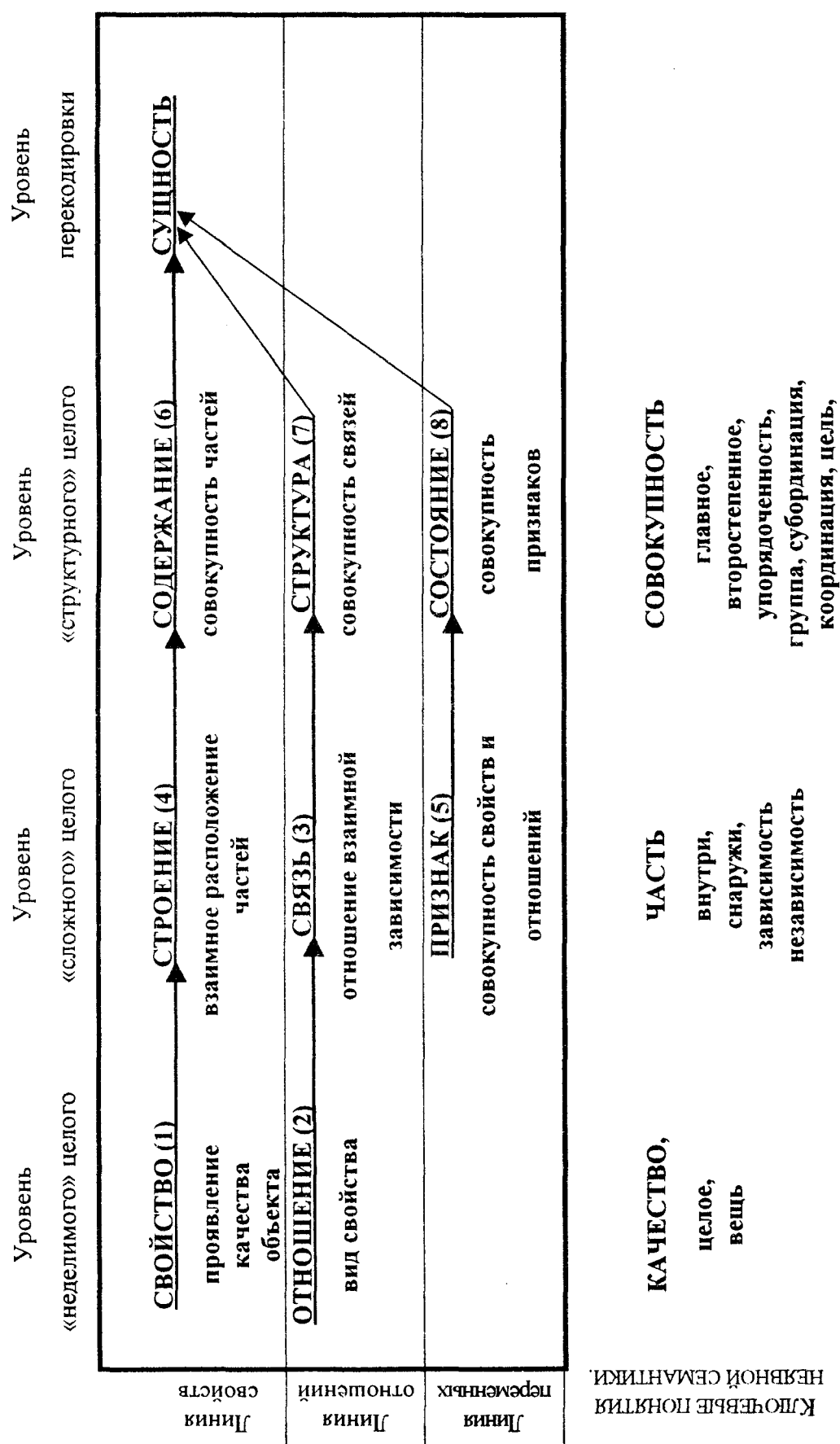
Эта особенность системного подхода была в свое время ярко проиллюстрирована на примере произведений А.С.Пушкина «Евгений Онегин» и И.А.Крылова «Цапля и журавль» [9, с.47]. С точки зрения системного анализа, который интересуется в основном не свойствами **объектов**, а свойствами **отношений между объектами**, эти два произведения методологически эквивалентны, несмотря на то, что субстраты объектов в них принципиально различны (в одном случае это Евгений и Татьяна, а в другом – цапля и журавль). Главное же здесь в том, что структура отношений между объектами **изоморфна**: вначале «она любит его, а он ее – нет», затем «он ее любит, а она его – нет» и т.д. Следуя логике системного анализа, при исследовании **законов любви** следует включить в выборку не только пару «Евгений-Татьяна», но и пару «цапля-журавль», т.к. эти две пары представляют различные **системные уровни объектов**, отношения между которыми исследуются. Вероятно, если бы были выявлены отношения «любви» между молекулами, то в эту же выборку следовало бы включить какую-нибудь пару типа «молекула-радикал».

В нашем случае, когда исследуются свойства того, что «расположено между **действием и объектом**», принципиальным является наличие в выборке представителей всех системных уровней объектов.

2. ОБЩИЕ СИСТЕМНЫЕ УРОВНИ В СТРУКТУРЕ ПРЕДМЕТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.

Анализ таблиц, аналогичных табл.1, но построенных на основе 10 тысяч текстов межпредметных требований в высшей медицинской школе, позволил установить структуру ПРЕДМЕТА высшей школы, которая, как оказалось, может быть описана в основном с помощью сотни понятий. Вначале было выделено 122 понятия, используемых при описании ПРЕДМЕТА действия, но 20 из них характеризовали медицинскую специфику объектов, либо были синонимами, чаще всего представленными переводами на латинский язык (например: этиология, анамнез, синдром, симптом, патогенез и т.п.).

При этом выяснилось, что 50 понятий являются своеобразными категориями и образуют систему, которая получила название «СИСТЕМА с минимальным смыслом» (см. рис.1 и рис.2). Такое название обусловлено тем, что система, представленная на рис.1 и рис.2, характеризует понятие «ПРЕДМЕТ высшей школы». Это понятие имеет предельно обширный **экстенционал**, охватывающий все 7 системных уровней объектов высшей школы. Следовательно, такое понятие должно иметь, по законам формальной логики, минимальный смысл, т.е. обладать минимальным **интенционалом**. Углубление смысла произойдет при сужении области применения этого понятия, когда за счет более узкого круга объектов произойдет наполнение понятия более глубоким смыслом.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ
НЕЯВНОЙ СЕМАНТИКИ.

Рис. 1. Структура «сущности»

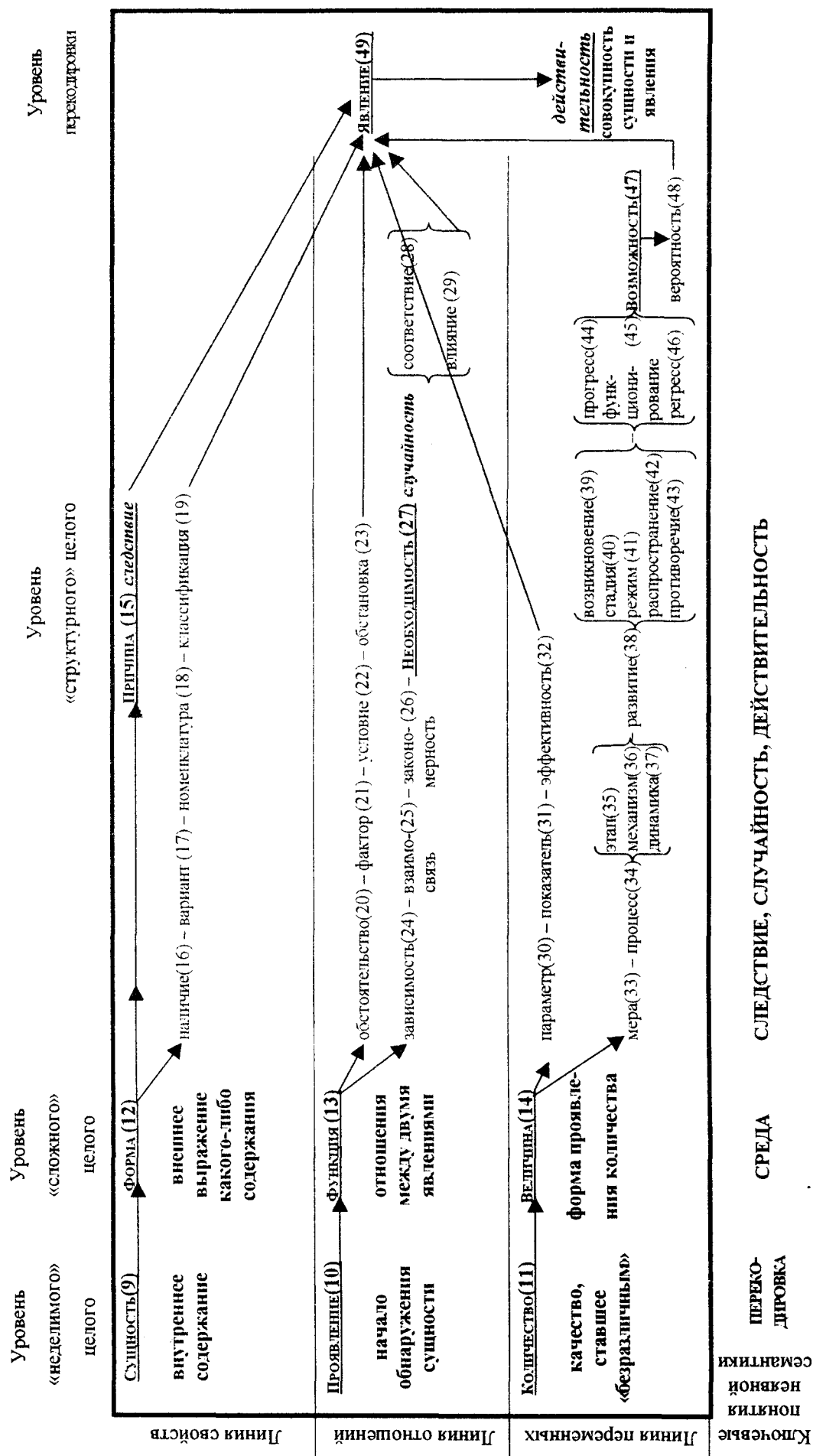

Рис.2. Структура «явления»

Структура, представленная на рис.1 и рис.2, относится к тем, о которых М.Фуко писал, что для них главное – это не связи и отношения между их частями, а отсутствие порогов и преград между этими частями. Таковы, по его мнению, структуры гербария, зоопарка, энциклопедии [10, с.190-193]. «Особенность такого знания не в том, чтобы видеть или доказывать, а в том, чтобы истолковывать первичный текст,...» [10. С.88]. Главное при этом создать искусственный объект (например, гербарий, зоопарк, энциклопедию), который может служить изоморфной моделью действительности. Ч.Дж.Филлмор называл такую семантическую структуру **фреймом** [11, с.49]. По мнению Ч.Дж.Филлмора, фрейм – это набор слов, каждое из которых обозначает определенную часть или аспект некоторого целого. Содержание той или иной лексической единицы фрейма нельзя понять, не зная **внутренней структуры фрейма в целом**. Поэтому понятие **фрейма** легче проиллюстрировать на примерах, чем описать в общем виде. «Внутри множества слов, относящихся к одному фрейму, можно выделить подмножества, образующие парадигмы, таксономии и другие типы структур; однако их семантическое описание возможно при условии предварительной детализации концептуальной схемы, положенной в основу фрейма» [11, с.49]. Иными словами, у подобных структур впереди многочисленные интерпретации и присвоение дополнительного смысла. В информатике подобные структуры получили название дескрипторных (описательных) [12, с.49,53].

Анализ смысла структуры, представленной на рис.1 и рис.2, а также значений отдельных ее частей показал, что эта структура представляет собой верхушку семантического айсберга, т.к. включает лишь те понятия, которые эксперты **явно использовали** в коммуникациях, включая их в те, или иные тексты. В то же время существовал иной обширный семантический слой, составленный из понятий, которые эксперты лишь подразумевали, как говорят в информатике, «по умолчанию».

Совокупность понятий, которые эксперты использовали в текстах межпредметных требований, получила название **явного семантического слоя (ЯСС)**. В то же время совокупность понятий, которые эксперты использовали в своей работе, но как правило не включали в тексты, получила название **неявного семантического слоя (НСС)**. Диалектика взаимодействия ЯСС-НСС является одним из основных моментов в анализе смысла СИСТЕМЫ ПРЕДМЕТА высшей школы (далее для краткости – просто «СИСТЕМЫ ПРЕДМЕТА»). Вызвано это тем, что, вероятно, динамическое равновесие ЯСС-НСС это единственный способ осуществлять передачу смысла в коммуникациях в условиях существования теоремы Геделя [13]. Иными словами: не имея принципиальной возможности создать полностью непротиворечивую и законченную семантическую систему, эксперты используют в коммуникациях лишь ту часть системы, которая вызывает минимум возражений, а ту часть, которая потенциально несет в себе возможность неоднозначного толкования, противоречий и незаконченности, выводят в неявный семантический слой (НСС), где вроде бы и не используют в явной форме. Так, например, анализ межпредметных коммуникаций показал, что необычайно высоки индексы цитирования понятий «свойство» и «отношение», в то же время понятие «качество» практически не обнаружено в межпредметных коммуникациях. Наблюдаются лишь единичные случаи использования понятия «качество», т.е. на уровне погрешности наблюдения, по сравнению с сотнями случаев использования понятий «свойство» и «отношение». Таким образом понятие «качество» вытесняется в неявный семантический слой (НСС) из явного (ЯСС). Вызвано это, по-видимому, тем, что с помощью расширенного толкования понятий «качество», «свойство» и «отношение» возможно было бы построить общую теорию систем. Ярким свидетельством тому яв-

ляются многолетние попытки А.И.Умова построить основы логически стройной теории общих систем на основе триады понятий «вещь-свойство-отношение», а позже – на основе триады «качество-свойство-отношение» [14, с.52-69; 15, с.79-89; 16, с.96-99]. Так как на практике построить подобную стройную **замкнутую, непротиворечивую** систему **невозможно** [13], то появляется **неявная семантика**, в которую эти противоречия либо неопределенности вытесняются по молчаливому согласию сторон. Конечно, это не означает, что одни противоречия НСС нельзя заменить на другие, равновесие ЯСС-НСС не является абсолютным, оно лишь **динамическое** и зависит от **целей** участников процесса коммуникаций.

Вторым принципиальным моментом концепции структуры, представленной на рис.1 и рис.2, является устойчивое строение взаимодействующих ЯСС-НСС. Явные и неявные семантические слои, находящиеся в динамическом равновесии, всегда содержат 4 части: объект и его среду, наблюдателя (субъект) и его среду, что хорошо согласуется с общесистемными представлениями [17, с.24]. Благодаря наблюдателю (субъекту) проводится граница между объектом и средой объекта, причем большая часть системы ЯСС-НСС находится при этом в неявном семантическом слое.

Третьим принципиальным моментом структуры СИСТЕМЫ ПРЕДМЕТА является наличие 4 особых системных уровней. Вероятно, это связано с тем, что эксперты неосознанно проецируют на наблюдателя собственные характеристики, так как логика этих 4 системных уровней напоминает логику основных закономерностей процесса восприятия, выявленных ранее психологами [18, с.57; 19]. Эти системные уровни получили у нас следующие названия:

1. Уровень неделимого целого. Он напоминает самую раннюю стадию процесса восприятия, когда объект лишь выделяется субъектом в общем потоке информации. В этом случае психологи фиксируют у субъекта перцептивные действия большой амплитуды. Эта стадия восприятия была обозначена психологами как стадия, в которой «субъект уподобляется объекту», т.е. в это время происходит настройка субъекта на восприятие объекта [18, 19].

2. Уровень сложного целого. Он напоминает вторую стадию процесса восприятия, когда субъект начинает различать те или иные части у объекта, ранее воспринимавшегося как нерасчленяемое, «безатрибутное» целое. На этой стадии субъект начинает различать отдельные части объекта, но они не обязательно связаны с целью его деятельности [18, с.57-94; 20, с.60-67, 89-132].

3. Уровень структурного целого. Он напоминает третью стадию процесса восприятия, когда субъект совершает перцептивные движения малой амплитуды. Для канала зрения эти микродвижения получили специальное название – «микросаккады» [21, с.88]. На этой стадии объект целенаправленно исследуется субъектом [18, с.57-94; 19].

4. Уровень перекодировки. Он напоминает последние этапы восприятия, которые получили у психологов названия этапов, в которых «объект уподобляется субъекту» [18, с.57; 19]. На этих этапах происходит формирование т.н. «перцептивного образа». Непрерывное, чувственное восприятие получает возможность перейти в дискретную форму и быть выраженным с помощью слова либо иной знаковой системой.

Четвертым принципиальным моментом структуры, представленной на рис.1 и рис.2, является совокупность трех семантических линий, названных нами **линией свойств** (или одноместных предикатов) **линией отношений** (или многоместных предикатов) и **линией переменных** (или абстрактных характеристик).

Такие 4 принципа лежат в основе **концептуальной схемы фрейма**, структура которого представлена на рис.1 и рис.2. С помощью этой структуры и концепции фрейма возможна интерпретация и углубление смысла СИСТЕМЫ ПРЕДМЕТА.

3. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СТРУКТУРЫ СИСТЕМЫ ПРЕДМЕТА НА КАТЕГОРИАЛЬНОМ УРОВНЕ.

3.1. Структура сущности.

Понятия «свойство» (№1) и «отношение» (№2) являются ключевыми понятиями в СИСТЕМЕ ПРЕДМЕТА, с них начинаются **линия свойств** (свойство-строение-содержание-причина и т.д.) и **линия отношений** (отношение-связь-структура-проявление-функция-необходимость и т.д.).

Вместе с понятиями «качество» и «целое», которые находятся в НСС, понятия «свойство» и «отношение» образуют первый системный уровень – «уровень неделимого целого».

Традиционно (в системологии, логике и философии) под свойством понимается способ проявления определенной стороны качества объекта по отношению к другим объектам, с которыми он может вступить во взаимодействие [17, с.45-49; 14, с.21,31; 22, с.253]. Различие же между **качеством** и **свойством** усматривается в следующем: 1. Свойство относительно, качество абсолютно. 2. Без тех или иных свойств вещь существовать может, а уничтожение качества уничтожает саму вещь [14, с.35].

В то же время **свойства** и **отношения** не являются тождественными. Одно из основных отличий **свойств** от **отношений** заключается в том, что свойство присуще отдельно взятой вещи, а отношение может существовать лишь по меньшей мере между двумя вещами [23, с.32].

Свойство рассматривается как представитель системы качеств объекта и выражает такую его сторону, которая обуславливает его **различение** или **общность** с другими объектами и обнаруживается в отношении к ним [14, с.60; 22, с.598]. «Свойство есть то, что, характеризуя вещи, не образует новых вещей», а «отношение есть то, что, будучи установлено между вещами, образует новые вещи» [15, с.86].

Общий вывод из работ А.И.Умова, тщательнейшим образом исследовавшего взаимосвязь и взаимообусловленность триады «качество-свойство-отношение» [14, 15, 16], в том, что когда понятие «качество» рассматривается как первооснова, то понятие «свойство» – как проявление «качества», а понятие «отношение» – как вид «свойства». Такой подход к иерархии фундаментальной триады – от качества к свойствам, а от них к отношениям получил название **экстенционального подхода** в познавательном процессе, в противовес интенциональному подходу, при котором последовательность введения категорий прямо противоположна [24, с.155]. То, что понятие «качество» было обнаружено нами в НСС еще раз подтверждает положение о том, что эмпирическое познание опирается на модель с основой в понятиях «вещь», «целое» и «качество». Важно отметить, что, определяя понятие «свойство», мы лишь используем понятия «качество», «целое», «вещь» и т.п., но не определяем их. Эти подразумеваемые понятия находятся в **неявном семантическом слое** (НСС). Когда же мы дополняем в ЯСС понятие «свойство» понятием «отношение», то лишь в этот момент возникает СИСТЕМА ПРЕДМЕТА. Это система первого, т.н. уровня «неделимого» целого содержит понятия «часть» и «целое, составленное из своих частей» в неявном семантическом слое. При их использовании в явном семантическом слое (т.е. в текстах) происходит расширение интенционала и СИСТЕМА ПРЕДМЕТА переходит на второй уровень, а в явном семантическом слое появляются понятия «связь», «строение» и «признак», ко-

торые не могут мыслиться без понятий «часть», «внутри», «снаружи», «зависимость», «независимость» и т.д. Так постепенно, зарождаясь в неявном семантическом слое, понятия (такие как «отношение», «зависимость», «часть», «совокупность» и др.) переходят в явный семантический слой (ЯСС), т.е. используются в текстах **непосредственно**. Такое дискретное развитие СИСТЕМЫ ПРЕДМЕТА выявляет все новые и новые стандартные фрагменты, возникающие при дроблении непрерывной мысли при помощи слова.

С точки зрения системного подхода, механизм возникновения и развития СИСТЕМЫ ПРЕДМЕТА аналогичен описанному выше. В начальный момент существует лишь «неделимый» объект и его среда, а также наблюдатель (субъект системы) и его среда. Сам «неделимый» объект никогда не существует изолированно, т.к. если существует безатрибутное целое, то мы всегда подразумеваем существование наблюдателя, по отношению к которому эта безатрибутированность должна проявиться, либо подразумеваем существование среды объекта, по отношению к элементам которой проявляется это свойство «неделимого» целого. Но если это свойство проявляется по отношению чего-либо, то это значит, что **неявно** наблюдатель допускает существование того, что заключено в понятии «отношение», что в свою очередь влечет за собой появление в ЯСС понятий «один объект», «два объекта» и, что особо важно, появляются понятия «часть» и «сложное целое». Появление двух последних понятий выводит развитие СИСТЕМЫ ПРЕДМЕТА на качественно новый уровень, т.к. в дополнении к уровню «неделимого» целого в ЯСС появляется уровень «сложного» целого. Безусловно, «сложное» целое вначале появляется в неявном семантическом слое наблюдателя, строго еще не определено и существует лишь на уровне **чувственного восприятия**, а позже **представления**.

Используя понятия «свойство», «отношение», «часть» и «сложное целое», наблюдатель может ввести в ЯСС системы понятие «связь», рассматривая его как вид «отношения». При этом связь можно определить как «отношение взаимной зависимости» [14, с.50; 25, с.613; 22, с.598].

«При наличии взаимосвязи между вещами изменение одной вещи вызывает изменение другой. Взаимоотношение же означает, что изменение одной вещи определяет какое-то изменение другой. При изменении одной вещи ее отношение к другой вещи меняется, но сама эта другая вещь остается неизменной, если нет какой-либо другой причины, вызывающей изменение» [14, с.50]. Следовательно, понятие «отношение» рассматривается как более общее по отношению к понятию «связь», а в его определении понятие «отношение» выступает в виде родового признака.

Таким образом, понятие «связь» (№3) располагается в структуре СИСТЕМЫ ПРЕДМЕТА в «линии отношений» на новом системном уровне, названном уровнем «сложного целого».

На следующем этапе в явном семантическом слое системы появляется четвертое понятие – «строение», которое в данном случае используется лишь в одном из своих значений, характеризуя «взаимное расположение частей» [25, с.672]. В данном смысле понятие «строение» имеет ближайшим родом понятие «свойство», поэтому оно и располагается в «линии свойств» на системном уровне «сложного целого».

Формирование явного слоя «сложного» целого завершает понятие **признак** (№5). В этот момент в системе возникают принципиально новые отношения: в дополнение к отношениям «род-вид», образующим линии «свойство-строение-», и «отношение-связь-» появляются отношения «часть-целое», характеризующие отношения между понятиями «свойство» и «отношение» и понятием «признак».

Признаком предмета «называется то, в чем предметы сходны друг с другом или чем они друг от друга отличаются» [26, с.30].

«Все то, что так или иначе характеризует предмет, позволяет рассматривать его именно как данный, а не иной предмет, служит для человека его признаком (т.е. показателем, приметой, средством признания предмета)» [27, с.45].

«Признаками называются черты сходства или различия предметов» [23, с.22]. Существуют иные определения понятия «признак» [28, с.5], но главное в том, что понятие «признак» появляется при объединении в единое **сложное целое** двух понятий – «свойство» и «отношение» [28, с.5].

В неявном семантическом слое (НСС) «сложного целого» вслед за понятиями «часть»-«целое», появляются понятия «внутри»-«снаружи», «зависимость»-«независимость» и т.д. К примеру понятие «зависимость» – это производное от понятий «отношение» и «часть»-«целое», т.к. быть в зависимости – это значит находиться в определенных отношениях, но одновременно составлять единое (новое) целое. Это новое целое, в свою очередь, является зародышем понятий «причина», «следствие», «необратимость», «развитие» и т.д.. Когда система находится на уровне «сложного» целого, эти понятия располагаются в «глубинных слоях» неявной семантики, в то время как у самой границы ЯСС-НСС появляется понятие «совокупность», которое с учетом положений теории нечетких множеств можно предварительно определить как «совместное существование в каком-либо смысле, т.е. в каком-либо единстве». За понятием «совокупность» у границы ЯСС-НСС появляются понятия «множество», «упорядоченное множество» и «иерархия».

С учетом этих изменений на границе ЯСС-НСС, СИСТЕМА ПРЕДМЕТА может выйти на следующий системный уровень – уровень **«структурного» целого**. На этом уровне продолжают линии «свойств», «отношений» и «признаков». Линия «свойств» пополняется шестым системным понятием **«содержание»**, которое в данном случае связано с одним из семи своих основных значений [25, с.645], а именно «совокупностью частей целого» [29, с.1237]. Линия «отношений» пополняется седьмым понятием – **«структура»**. Это одно из ключевых понятий системного анализа, которое определяется как «совокупность устойчивых связей и отношений между частями объекта» [8, с.64; 30, с.30; 9, с.33; 31, с.134-136]. И наконец, восьмое понятие – **«состояние»** завершает формирование уровня «структурного» целого, продолжая линию «признака». В обсуждаемой системе понятие «состояние» имеет значение «совокупность признаков», «совокупность свойств и отношений» [22, с.627].

С учетом особенностей т.н. «системного» понимания целого [32; 33; 31, с.98-104; 17, с.26-27] можно дать следующие определения понятий третьего уровня СИСТЕМЫ ПРЕДМЕТА:

структура	– это система связей и отношений,
содержание	– это система частей,
состояние	– это система признаков.

Понятие СИСТЕМА ПРЕДМЕТА, прошедшее путь от «неделимого» целого к «сложному» целому, а от него к «структурному» целому, совершает в этот момент принципиальный переход к **обратному развитию**. При этом в неявном семантическом слое (НСС) возникают предпосылки для появления четвертого ключевого понятия НСС – понятия **«перекодировка»** [34, с.23-28, 46-65, 80-81, 91-97, 114-115, 122, 141].

Психологический термин перекодировка получил в системном анализе новое название – интерпретация. Механизм подобных процессов «присвоения смысла» подробно исследован в семиотике и логике [35, 36, 37], психологи [38, 39, 34, 18, 20], физиологии [21, 40], языкознании [41, 42, 43], биологии [44] и системном анализе [17, 15, 31]. Краткая и наглядная иллюстрация этого механизма дана, к примеру, Б.А.Успенским в его «Семиотике истории»:

«Одни и те же объективные факты, составляющие реальный событийный текст, могут по-разному интерпретироваться на разных «языках» – на языке, относящемся к иному пространству и времени (это может быть обусловлено, например, различным членением событий, т.е. неодинаковой сегментацией текста, а также различием в установлении причинно-следственных отношений между вычленяемыми сегментами). В частности, то, что значимо с точки зрения данной эпохи и данного культурного ареала, может вообще не иметь значения в системе представлений иного культурного исторического ареала, – и наоборот». [36, с.13]. В данном примере, где субъектом системы оказывается социум, а не человек, механизм присвоения смысла все тот же. Главное в этом механизме – это момент **присвоения определенных свойств и отношений** безатрибутному «неделимому» **целому**. Вся остальная структурированная система причинно-следственных отношений, частей и признаков возникает как следствие этого первичного момента. Наглядно это может быть проиллюстрировано на примере [45] иллюзий зрения, когда наблюдатель, рассматривая один и тот же рисунок, видит на нем в разные моменты времени разные предметы: то молодую женщину, то старуху (рис.3). Время от времени у наблюдателя происходит перекодировка и формирование нового образа, т.е. происходит приписывание одному и тому же **объекту** разных **смыслов**. Процесс этот имеет свое **явное** начало в тот момент, когда сознание субъекта, входящего в систему, покидает уровень явной семантики (ЯСС), причем субъектом системы может быть как личность, так и социум, группа, общество.

Итак СИСТЕМА ПРЕДМЕТА начинает переход на четвертый уровень – **уровень перекодировки**. Это сложный процесс и в плане механизма, и в плане динамики. Он характеризуется взаимной сменой параллельных и последовательных процессов, взаимодополнением и динамическим равновесием чувственного и абстрактного, сексуального и симуланного [40, 20, 19, 21], при перекодировке совершается «стык речи и интеллекта» у человека, «совершается перевод мысли на язык человека» [34, с.54]. В понятийном же плане структурированная СИСТЕМА ПРЕДМЕТА (рис.1), характеризующаяся восьмью ключевыми понятиями, заменяется лишь одним понятием, имя которому – «**сущность**» (9). Сама же трехуровневая структурированная СИСТЕМА ПРЕДМЕТА уходит в неявную семантику (НСС), проходит этап «забытого представления» [42, с.215-219] и становится для «сущности» в отношении «качества», аналогичное тому, в котором находилось «неструктурированное» качество для понятия «свойство» на уровне «неделимого целого». Но новое «качество», возникшее при переходе СИСТЕМЫ из ЯСС в НСС **имеет структуру** в отличие от «качества» на этапе неделимого целого. Иными словами, «новое» качество отличается от «старого» качества тем, что субъект системы предполагает **возможность его структурированной формы**.

Рис.3

3.2. Структура явления.

Далее начинается новый большой этап развития СИСТЕМЫ, который в дальнейшем будет перекодирован как «явление». Этот этап будет иметь продолжение линий «свойств», «отношений» и «признаков», свои уровни «неделимого», «сложного» и «структурированного» целого. **«Явление» повторит «сущность»**, но не будет точной копией ее, т.к. «явление» богаче «сущности». «Явление представляет собой форму сущности», но: «явление богаче сущности, ибо оно включает в себя не только обнаружение внутреннего содержания, существенных связей объекта, но и всевозможные случайные отношения, особенные черты явления. Явления динамичны, а сущность образует нечто сохраняющееся во всех изменениях» [22, с.665].

Обнаружение «внутреннего содержания и существенных связей» явления происходит на уровнях «неделимого» явления и «сложного» явления, т.е. описывается понятиями №9-14, а «всевозможные случайные отношения» и «особенные черты» явления описываются на уровне «структурированного» целого понятиями №15-48. Процесс этот заканчивается новой перекодировкой. При этом структура СИСТЕМЫ ПРЕДМЕТА (рис.1 и рис.2), состоящая из понятий №1-49, заменяется лишь одним понятием – **действительность**, структура которого вновь исчезает в неявной семантике (НСС), когда СИСТЕМА продолжает свое развитие. На рис.4 представлена структура 12 основных уровней ЯСС-НСС СИСТЕМЫ ПРЕДМЕТА. Каждый переход с одного уровня на вышележащий сопровождается соответствующей перекодировкой смысла. СИСТЕМА ПРЕДМЕТА зарождается на уровне «неделимого» качества и через восемь основных этапов развивается до уровня «структурированной» действительности. При этом «неделимое» качество предстает как перекодированная действительность прошлого (т.е. рефлексия предыдущего опыта), а будущее рассматривается как рефлексия «структурированной» действительности.

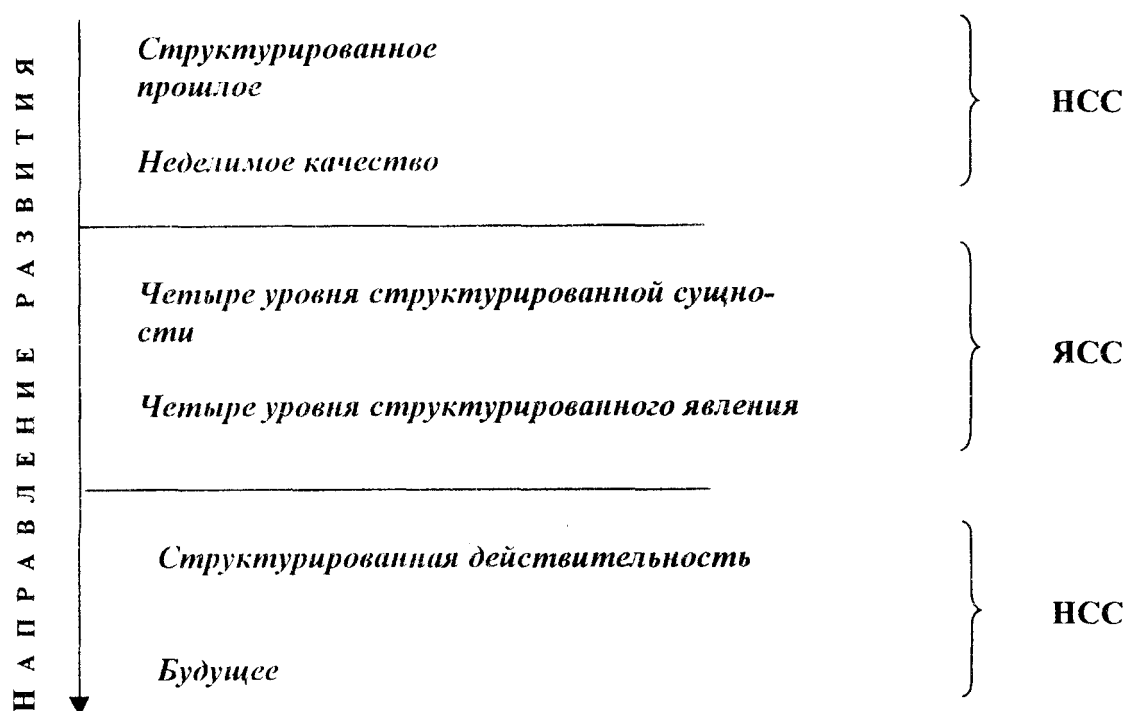

Рис 4. Структура ЯСС-НСС

Возвращаясь к структуре «явления» на уровне «неделимого» целого, следует отметить, что в первый момент после перекодировки «сущность» оказывается единственным свойством этого «структурированного» в прошлом, а ныне «неделимого» целого. Позже появляется его второе свойство – «проявление», которое выполняет роль многоместного предиката, являясь аналогом «отношения». Круг замкнулся, но этот круг оказывается проекцией спирали на плоскость «реальных», физических координат. Представленная на рис.2 модель структуры «явления» должна располагаться в трехмерном пространстве. На рис.2 она дана в проекции на плоскость, образованную линиями «свойств» и «отношений». В модели существует и развивается «абстрактная» линия – это линия «снятого», перекодированного «качества», которое выступает как особая рефлексия прошлого СИСТЕМЫ ПРЕДМЕТА. Эта линия началась в ЯСС «сущности» с «признаков» и «состояний» и продолжается в ЯСС «явления» цепочкой «количество-величина-процесс-развитие-возможность-действительность». Эта линия «абстрактных» характеристик получила название линии «переменных» в соответствии с устоявшейся терминологией системного подхода [17, с.25]. Общие закономерности линии переменных были проанализированы еще Г.Гегелем во многих его работах. «Из сравнения **качества** с **количеством** легко увидеть, что по своей природе качество есть первое. Ибо количество есть качество, ставшее уже отрицательным; величина есть определенность, которая больше не едина с бытием, а уже отлична от него, она снятое, ставшее безразличным качеством. Она включает в себя изменчивость бытия, не изменяя самой вещи, бытия, определением которого она служит; качественная же определенность едина со своим бытием, она не выходит за его пределы и не находится внутри его, а есть его непосредственная ограниченность. Поэтому качество как непосредственная определенность есть первая определенность, и с него следует начинать» [46, с.137]. Оставаясь в рамках этой логики, следует отметить, что первым качеством в сис-

темном равновесии ЯСС-НСС оказывается неявный «безатрибутный» наблюдатель (субъект системы), который и производит выделение объекта из среды, внося ту самую «непосредственную определенность», которая очерчивает не только «объем», но и «глубину» рассмотрения объекта. Все сказанное здесь об объекте в равной мере относится и к среде. «Среда» – это пятое ключевое понятие неявной семантики (НСС) СИСТЕМЫ ПРЕДМЕТА, но оно проявляется как ключевое лишь на этапе «неделимого» явления, когда «сущность» занимает позицию единственного свойства «неделимого» явления.

Совокупность трех понятий – «сущности», «количества» и «проявления» образуют первый понятийный уровень «явления», т.н. уровень «неделимого» явления. При этом «сущность» определяется как «внутреннее содержание предмета», «совокупность внутренних свойств и связей» [26, с.31; 22, с.665; 29, с.1295; 25, с.679], «количество» – как «ставшее безразличным качество» [46, с.137], категория «выражающая внешнюю определенность объекта» [29, с.601]; а «проявление» определяется как понятие, имеющее смысл «начало обнаружения сущности» [25, с.545].

Иначе говоря, первый уровень «явления» имеет лишь три свойства:

первое свойство, которое выражает некоторое внутренне содержание, т.е. сущность, имеющую свою внутреннюю структуру (так называемая **объективность**);

второе свойство, которое есть «проявление содержания в некотором взаимодействии» (т.н. **относительность**);

третье свойство, т.н. возможное развитие, «зародыш внешней структуры». Это последнее свойство, содержащее «зародыш внешней структуры» сущности, находится в «линии переменных» или абстрактных характеристик, которые позволяют работать со структурами не только материальных, но и идеальных систем [9, с.47; 17, с.44-47].

Далее СИСТЕМА ПРЕДМЕТА переходит на следующий уровень – уровень «сложного» явления. В явной семантике этот уровень представлен тремя понятиями: «формой», «функцией» и «величиной». Эти понятия имеют следующий смысл:

«форма» имеет смысл «внешнего выражения какого-либо содержания» [47, с.233-236; 25, с.743; 29, с.1427];

«функция» имеет смысл «отношения между двумя явлениями, при котором изменению одного из них соответствует изменение другого [22, с.751; 25, с.746];

«величина» имеет смысл «формы проявления количества», числовой характеристики количества [46, с.137].

На этом уровне «сложного» явления еще прослеживаются изолированные линии «свойств», «отношений» и «переменных». Но в этот момент в неявной семантике системы на ключевые позиции выходят несколько пар понятий, основными из которых являются «причина и следствие» (линия свойств), «необходимость и случайность» (линия отношений), «возможность и действительность» (линия переменных). При этом в «структурном» уровне «явления» начинается взаимодействие линий «свойств», «отношений» и «переменных» между собой и их расщепление на т.н. «короткие» и «длинные» цепи. Количество понятий в этих шести цепях, представленных на рис.2, увеличивается по мере возрастания доли абстрактного фактора в линии. Самые короткие цепи в линии «свойств» (одноместные предикаты), длиннее – в линии «отношений» (многоместные предикаты) и, наконец, максимальной длины они достигают в линии «переменных», которая, по сути, объединяет в себе особенности двух предыдущих линий, создавая при этом новое качество – цепь «процессов» и «развития» (см. рис.2 по-

нятия №33-48). Следует отметить, что понятия «следствие», «случайность» и «действительность» были обнаружены в неявном семантическом слое системы ЯСС-НСС, но, с учетом их значимости и с целью удобства восприятия, они включены в структуру СИСТЕМЫ ПРЕДМЕТЫ на рис.2, но выделены другим шрифтом. 34 понятия, образующих «структурный» уровень «явления», объединены в 6 цепочек на основании родо-видовых и парцеальных (часть-целое) отношений (см. понятия №15-48). При этом использовались определения, характеристики и классификации этих понятий в толковых словарях, энциклопедиях и учебниках [48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 26, 17, 22, 23, 25, 27, 28, 29]. Эти краткие определения и классификации приведены в Приложениях №1, 2, 3.

При этом определяющим являлся тот смысл, который эти понятия имели в конкретных текстах межпредметных требований.

Таким образом, структуры «сущности» и «явления», представленные на рис.1 и рис.2, являются моделью для дробления на части **непрерывной мысли** с помощью дискретного слова. Данная модель, представляющая категориальный уровень этого дробления, имеет **минимальный смысл** по двум причинам:

1. Из-за того, что эта структура имеет **максимально возможный экстенционал**, т.е. применима к максимально широкому кругу объектов.
2. Из-за того, что эта структура имеет **максимально возможный масштаб** дробления мысли на части с помощью слова, т.к. составлена для языков флективного типа. Для языков же изолирующего типа (вьетнамский, китайский и т.п.) данная система будет иметь минимальный смысл уже не как система понятий, а как система текстов.

Таким образом, 49 понятий, из выявленных 102, образуют своеобразный «категориальный» уровень описания ПРЕДМЕТА высшей школы. При этом используется модель, структура которой представлена на рис.1 и рис.2. Остальные 53 понятия образуют «понятийный» уровень описания ПРЕДМЕТА высшей школы в рамках моделей, структуры которых давно получили в формальной логике название «категория-род-вид-индивид» [26, с.45-46; 23, с.30-31].

4. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СТРУКТУРЫ СИСТЕМЫ ПРЕДМЕТА НА ПОНЯТИЙНОМ УРОВНЕ

Переход от структур «категориального» уровня (см. рис.1 и рис.2) к структурам «понятийного» уровня (см., например, рис.5) – это один из путей расширения **интенционала СИСТЕМЫ ПРЕДМЕТА**.

Происходит это за счет сужения **экстенционала**, т.е. круга объектов, к которым данные структуры применимы. Например, обнаружена довольно простая цепочка понятий (см. рис.5), использующаяся при классификации объектов животного и растительного происхождения.

Ее начало – в структуре «категориального» уровня (рис.2) у понятия №19 (классификация). Аналогична понятийная структура, представленная на рис.6. Ее начало – в структуре «категориального» уровня (рис.1) у понятия №8 (состояние).

53 понятия, которые не вошли в структуры категориального уровня (рис.1 и рис.2), часто образовывали структуры, подобные тем, что приведены на рис.5 и рис.6. Эти структуры имели необычайно разнообразное строение, причем не всегда это были структуры типа «дерево» или «ветвь», что соответствует классическим представлениям семантики [57, с.173]. Подобные семантические структуры имели свою логику, определяемую конкретным экстенционалом, в то время как структуры категориального уровня (см. рис.1 и рис.2) являются универсальными.

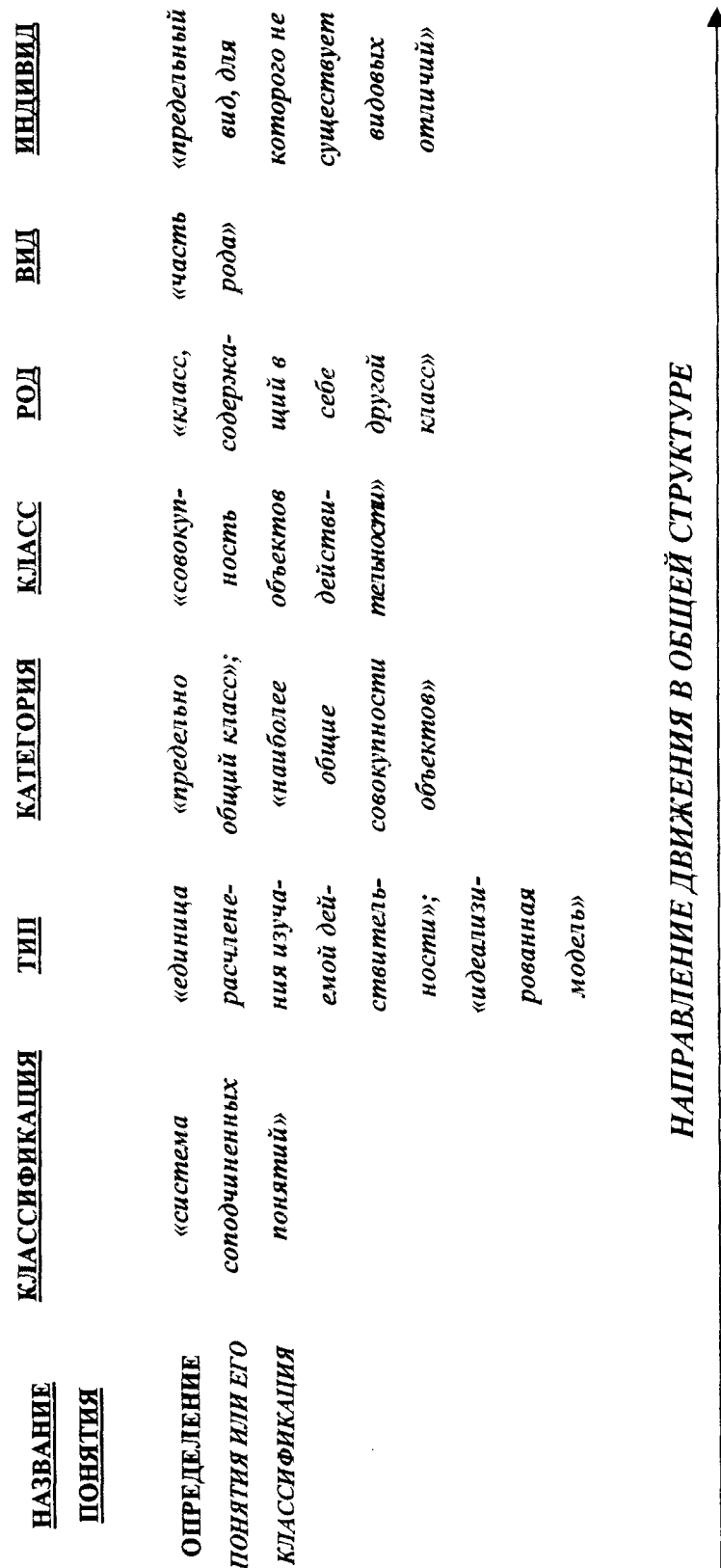

Рис. 5. Структура типа «категория-род-вид-индивид» для понятия №19 «классификация»

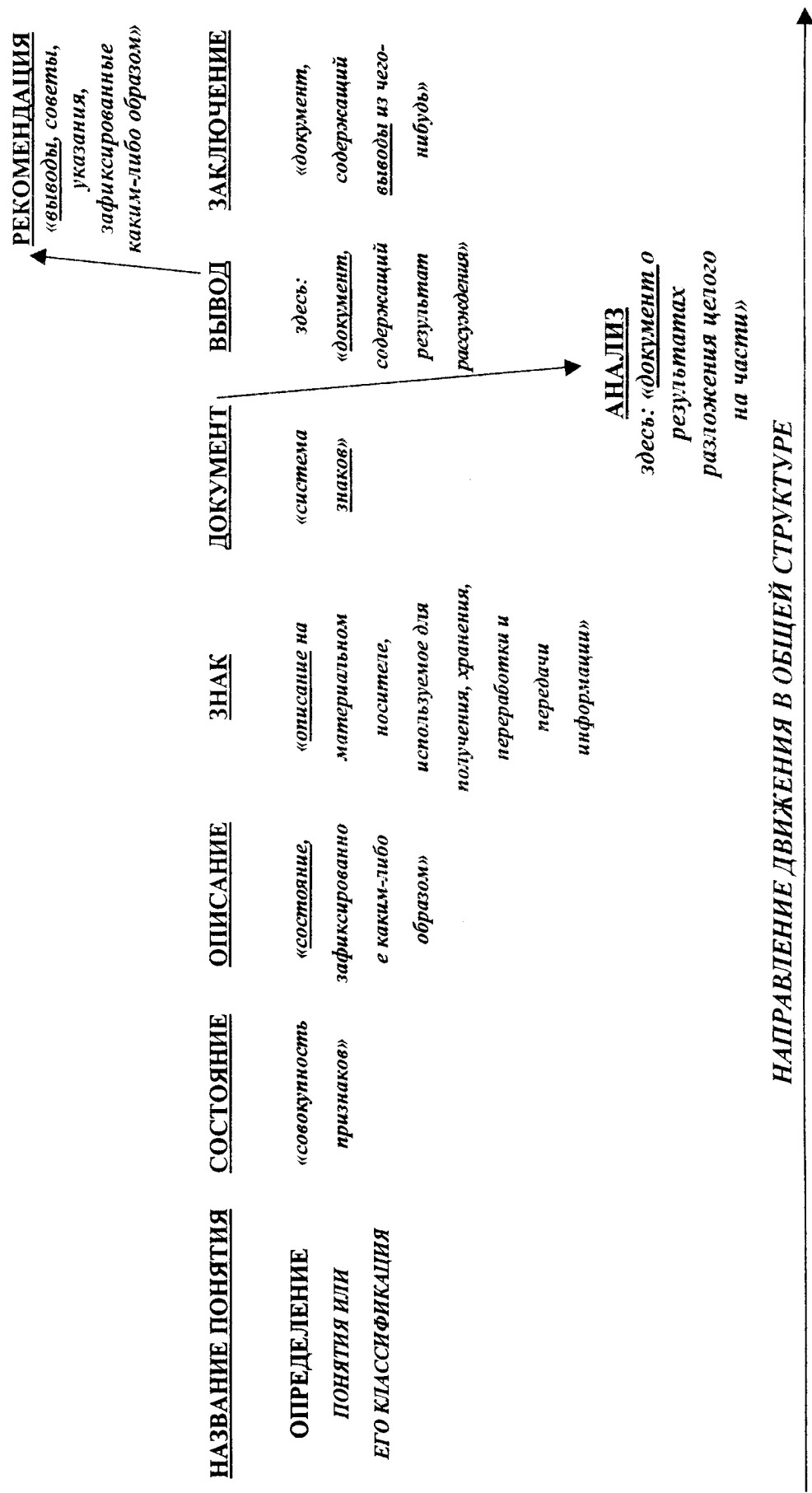

Рис.6. Структура типа «категория-род-вид-индивид» для понятия №8 «состояние»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

49 понятий, образующих с помощью семантических связей структуры «сущности» и «явления» (см. рис.1 и рис.2), являются универсальными предметами в системах контроля качества знаний в высшей школе. Объекты контроля, их уровни системной организации могут меняться в зависимости от той либо иной конкретной дисциплины, в то же время у всех этих объектов контроля будут одни и те же стороны, которые подвергаются контрольным испытаниям. Их названия и связи представлены на рис.1 и рис.2.

Выявленные структуры могут использоваться не только в системах контроля, но и при разработке структур новых учебных дисциплин либо при оптимизации уже устоявшихся курсов. Ключевым моментом в этих процессах является присвоение определенных свойств и отношений некоторому неделимому, «безатрибутному» объекту, т.е. инициализация процесса присвоения смысла в рамках представленного фрейма.

ПРИЛОЖЕНИЕ №1.

Определения и классификации понятий (№№15÷19) линии «свойств»

Номер понятия	Название понятия	Определение понятия или его классификация, характеристика
15	ПРИЧИНА	ФОРМА всеобщей связи явлений
16	НАЛИЧИЕ	Форма проявления сущности
17	ВАРИАНТ	одна из ФОРМ выражения сущности
18	НОМЕНКЛАТУРА	система символов; здесь – как система ФОРМ выражения сущности
19	КЛАССИФИКАЦИЯ	здесь – как система соподчиненных понятий

ПРИЛОЖЕНИЕ №2.

Определения и классификации понятий (№№20÷29) линии «отношений»

Номер понятия	Название понятия	Определение понятия или его классификация, характеристика
20	ОБСТОЯТЕЛЬСТВО	ЯВЛЕНИЕ, сопутствующее другому явлению и с ним связанное
21	ФАКТОР	существенное ОБСТОЯТЕЛЬСТВО
22	УСЛОВИЕ	ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, от которого что-либо зависит
23	ОБСТАНОВКА	УСЛОВИЯ существования чего-нибудь, кого-нибудь
24	ЗАВИСИМОСТЬ	отношение одного явления к другому, как следствия к причине
25	ВЗАИМОСВЯЗЬ	отношение взаимной зависимости явлений
26	ЗАКОНОМЕРНОСТЬ	связь явлений (существенная, объективная, повторяющаяся)
27	НЕОБХОДИМОСТЬ	тип СВЯЗИ явлений, определяемый их внутренней основой – структурой и закономерностями
28	СООТВЕТСТВИЕ	вид СВЯЗИ между явлениями, при котором выделено отношение равенства, согласованности
29	ВЛИЯНИЕ	вид СВЯЗИ между явлениями, при котором во взаимном влиянии выделяют действие лишь одного явления на другое

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Определения и классификации понятий (№№30÷48) линии «переменных»

Номер понятия	Название понятия	Определение понятия или его классификация, характеристика
30	ПАРАМЕТР	ВЕЛИЧИНА, характеризующая основное свойство среды или объекта
31	ПОКАЗАТЕЛЬ	ПАРАМЕТР, характеризующий развитие или функционирование чего-нибудь
32	ЭФФЕКТИВНОСТЬ	ПОКАЗАТЕЛЬ, характеризующий качество функционирования
33	МЕРА	ПРЕДЕЛ изменения характеристик объекта
34	ПРОЦЕСС	смена СОСТОЯНИЙ явления
35	ЭТАП	ЧАСТЬ процесса
36	МЕХАНИЗМ	здесь – СТРУКТУРА процесса
37	ДИНАМИКА	здесь – характеристика скорости процесса
38	РАЗВИТИЕ	ПРОЦЕСС перехода объекта от одного состояния к другому
39	ВОЗНИКНОВЕНИЕ	начало процесса РАЗВИТИЯ
40	СТАДИЯ	ЭТАП развития (т.е. часть процесса развития)
41	РЕЖИМ	здесь – МЕХАНИЗМ развития
42	РАСПРОСТРАНЕНИЕ	характеристика динамики РАЗВИТИЯ (т.е. процесса расширения круга действия)
43	ПРОТИВОРЕЧИЕ	здесь – внутренний источник РАЗВИТИЯ
44	ПРОГРЕСС	тип РАЗВИТИЯ, характеризующийся переходом от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному.
45	ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ	тип РАЗВИТИЯ, при котором отсутствуют либо пренебрежимо малы, несущественны элементы прогресса и регресса. Этот тип развития характеризуется обратимостью процесса развития
46	РЕГРЕСС	тип РАЗВИТИЯ, характеризующийся переходом от высшего к низшему, от более совершенного к менее совершенному
47	ВОЗМОЖНОСТЬ	основная СТАДИЯ развития процесса явления.
48	ВЕРОЯТНОСТЬ	численная МЕРА возможности

РЕЗЮМЕ

В роботі подається універсальна структура предмета вищої школи, яка виявлена на підставі аналізу текстів міждисциплінарних вимог між 70 дисциплінами у вищій медичній освіті.

Ця структура подається як фрейм, складений за допомогою 49 понять, об'єднаних у 2 блока – «сутність» та «явище».

Результати, здобуті на підставі медичної освіти, екстраполуються на інші дисципліни, які викладаються у вищій школі.

Універсальні структури, що виявлені, можуть бути використані при розбудові систем контролю у вищій школі, розробці структур нових дисциплін та оптимізації тих, що вже створені.

SUMMARY

High school subject structure is being cited in this work, which is founded on the base of analyses of 10 thousand texts, that contain medical high school interdiscipline requests. The structure is given in the form of a frame type, that was formed by means of 49 conceptions wich were combined in two parts – «essence» and «phenomenon».

Medical education result are extrapolated on the other disciplines, taught in a high school.

The cited structures may be used at creation of control systems in a high school, in structure designihg of new disciplines and optimizing of those existed.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Анастаси А. – Психологическое тестирование: в 2-х томах: Пер. с англ. – М.: Педагогика, 1982. – Т.1. – 320 с.
2. Кейс С.М., Свэнсон Д.Б. Создание письменных тестовых вопросов по базисным и клиническим дисциплинам: Пер. с англ. – Филадельфия: Национальный совет медицинских экзаменаторов США, 1997. – 119 с.
3. Булах И.Е., Мруга М.Р., Гарина М.Г., Каменецкий М.С., Алексейчук И.С. Национальные лицензионные экзамены по медицине в США и Украине // Современные проблемы дидактики высшей школы. – Донецк: Мин. образования Украины, 1997. – С.131-137.
4. Алексейчук И.С. Особенности создания системы контроля в высшей школе // Современные проблемы дидактики высшей школы. – Донецк: Министерство образования Украины, 1997. – С.121-130.
5. Высшее медицинское образование (методология, управление) / Казаков В.Н., Талалаенко А.Н., Каменецкий М.С. и др. – Донецк: Здоровье, 1992. – 226 с.
6. ГОСТ 16439-70. Качество продукции. Статистический приёмочный контроль по альтернативному признаку. – Введ. 01.01.73. – М.: Из-до стандартов, 1971. – 44 с.
7. Освітньо-професійна програма вищої освіти за професійним спрямуванням. "Медицина" (6.1101). Сукупність норм до обов'язкового мінімуму змісту та рівня підготовки спеціаліста, бакалавра за фахом "Лікувальна справа" (7.110101) / Белан С.М., Вітенко І.С., Зеленіна Н.М. та ін. – К.: МОЗ України, 1996. – 78 с.
8. Рапопорт А. Различные подходы к общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник. – М.: Наука, 1969. – С.55-79.
9. Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание: Избр. статьи. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 381 с.
10. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук: Пер. с франц. – М.: Прогресс, 1977. – 488 с.
11. Филлмор Ч.Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы лексикографии. Выпуск 14. – М.: Прогресс, 1983. – С.23-60.
12. Информатика: Учебник / Макарова Н.В., Матвеев Л.А., Бройдо В.Л. и др. – М.: Финансы и статистика, 1997. – 768 с.
13. Нагель Э., Ньюмен Дж. Теорема Гёделя: Сокр. перев. с англ. – М.: Мир, 1970. – 127 с.
14. Уёмов А.И. Вещи, свойства и отношения. – М.: АН СССР, 1963. – 184 с.

15. Уёмов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.
16. Уёмов А.И. Формальные аспекты систематизации научного знания и процедур его развития // Системный анализ и научное знание. – М.: Наука, 1978. – С.95-141.
17. Кларк Дж. Системология. Автоматизация решения системных задач: пер. с англ. – М.: Радио и связь, 1990. – 544 с.
18. Зинченко В.П., Вергилес Н.Ю. Формирование зрительного образа. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 106 с.
19. Зинченко В.П. Восприятие // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1971. – Т.5. – С.382.
20. Шехтер М.С. Зрительное опознание. Закономерности и механизмы. – М.: Педагогика, 1981. – 264 с.
21. Хьюбел Д. Глаз, мозг, зрение: Пер. с англ. – М.: Мир, 1990. – 293 с.
22. Философский энциклопедический словарь / Абаев Н.В., Абрамов А.И., Авдеева Т.Е. и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
23. Формальная логика: Учебник для философских факультетов / Чупахин И.Я., Бродский И.Н., Плотников А.М. и др. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – 357 с.
24. Дмитриевская И.В. Системный подход к абстрагированию // Системный анализ и научное знание. – М.: Наука, 1978. – С.153-171.
25. Словарь русского языка / Сост. С.И.Ожегов. – 18-е изд., стереотипное. – М.: Русск. язык, 1986. – 797 с.
26. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: Учебник для юридических вузов. – М.: Юристъ, 1998. – 256 с.
27. Иванов Е.А. Логика: Учебник. – М.: Изд-во БЕК, 1998. – 309 с.
28. Мельников В.Н. Логические задачи. – К., Одесса: Вища школа., 1989. – 344 с.
29. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров; редкол.: А.А.Гусев и др. – изд. 4-е. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 1600 с.
30. Системные исследования. Ежегодник / Блауберг И.В., Юдин Б.Г., Малиновский А.А. и др. – М.: Наука, 1970. – 208 с.
31. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. – М.: Наука, 1978. – 392 с.
32. Берталанфи фон Л. Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования. Ежегодник. – М.: Наука, 1969. – С.30-54.
33. Блауберг И.В., Юдин Б.Г. Понятие целостности и его роль в научном познании. – М.: Знание, 1972. – 48 с.
34. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 159 с.
35. Ван Дейк Т.А., Кинч В. Стратегия понимания связного текста: Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23 «Когнитивные аспекты языка». – М.: Прогресс, 1988. – С.153-211.
36. Успенский В.А. Избранные труды: В 2-х томах / Школа «Языки русской культуры» (язык, семиотика, культура). – М.: 1996. – Т.1: Семиотика истории. Семиотика культуры. – 605 с.
37. Фреге Г. Смысл и денотат: Пер.с нем. // Семиотика и информатика. – М.: ВИНТИ, 1977, Вып.8. – С.181-182.
38. Леонтьев А.А. Смысл как психологическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – С.56-66.
39. Леонтьев А.А. Психоллингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 1969. – 307 с.
40. Глезер В.Д. Зрение и мышление. – Л.: Наука, 1985. – 246 с.
41. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.

42. Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 623 с.
43. Мартынов В.В. Универсальный семантический код: УСК-3. – Минск, Наука и техника, 1984. – 132 с.
44. Любищев А.А. О критериях реальности в таксономии // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. – М.: ВИНТИ, 1971, Вып.1. – С.67-81.
45. Кови С.Р. Семь навыков лидера: Пер. с англ. – Минск, Вега-принт, 1996. – С.24-25.
46. Гегель Г.В. Наука логики: в 3 т. / АН СССР. Ин-т философии. – М.: Мысль, 1970. – Т.1: Наука логики. – 501 с.
47. Любищев А.А. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов: Сб.ст. – М.: Наука, 1982. – 278 с.
48. Словник української мови: в 12 т. / АН СРСР, Ін-т мовознавства ім. О.О.Потебні. – К., 1979.
49. Словарь иностранных слов / Абрамович А.Я., Афанасьева Г.А., Барсанов Г.П. и др. – 16-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1988. – 624 с.
50. Философская энциклопедия: в 5 т. / АН СССР, Ин-т философии. – М.: Сов. энциклопедия, 1960-1970.
51. Словник української мови: в 4 т. / Упоряд. Б.Грінченко. – К.: Наук. думка, 1996-1997.
52. Forcellini A. Totius latinitatis lexicon: 7 v. – Aldinianis, 1859-1867.
53. Encyclopedia Britannica: 24v. / The University of Chicago. – Chicago, London, Toronto, 1968.
54. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий: Учебн. пособие. – Высш. шк., 1984. – 174 с.
55. Гиппенрейтер Ю.В. Введение в общую психологию. Курс лекций. – М.: ЧеРо, 1996. – 336 с.
56. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Hornby A.S., Cowie A.P., Bessell N. and oth. – 4 edition. – Oxford, Oxford University Press, 1994. – 1581 p.
57. У.Лабов. Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы лексикографии. – М.: Прогресс, 1983, Вып. 14. – С.133-176.

Надійшла до редакції 29.05.98 р.